

ISSN 1994-2540 (Print)
ISSN 2542-1956 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Экономика, Управление, Право

2022

Том 22

Выпуск 3

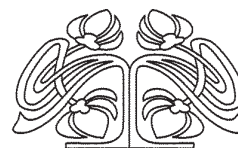
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия Экономика. Управление. Право, выпуск 3

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2022 Том 22

ISSN 1994-2540 (Print)

ISSN 2542-1956 (Online)

Издается с 2007 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Экономика

Челнокова О. Ю. Специфика концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий в российской экономике 246

Черемисинов Г. А. Конвергентная политическая экономия «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта 253

Цыпин А. П., Капитонова Ю. С., Кузин М. А. Инновации российского финансового сектора экономики 268

Кадомцева М. Е. Теоретико-методологические аспекты обеспечения устойчивого развития агропродовольственных систем 277

Управление

Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н., Евсеева М. В. Оценка эффектов применения проектных инструментов промышленной политики в регионах 287

Минат В. Н. Моделирование влияния факторов развития промышленности на реиндустриализацию экономики США 295

Право

Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Формы непосредственной муниципальной демократии: грядущие трансформации 304

Тогузаева Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей 310

Плотникова И. Н. Конституционно-правовая регламентация пределов реализации, степени допустимых ограничений основных экономических прав личности 316

Троицкая Т. В. Организационные особенности многодневного голосования на выборах в России 325

Kehinde Adeola Olufunke. The impact of the COVID-19 pandemic on the policies of countries: The example of China and Nigeria [Кехинде Адеола Олуфунке. Влияние пандемии COVID-19 на политику стран: на примере Китая и Нигерии] 331

Строгов Н. Д. Природа *ius resistendi* в свете правовых школ и теорий 339

Младенова Е. В. Проблема разграничения компетенции федеральных и региональных органов государственного экологического контроля (надзора) 346

Мандрыченко О. А. Конституционное регулирование экономической политики в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) 353

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Экономика. Управление. Право» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76645 от 26 августа 2019 г.

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 08.00.05; 08.00.12; 08.00.13; 12.00.01; 12.00.02; 12.00.06; 12.00.12; 5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4; 5.2.1; 5.2.3; 5.2.4; 5.2.5; 5.2.6)

Подписной индекс издания 36012. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталогах «Пресса России» (www.pressa-ru.ru), «Пресса по подписке» (www.akc.ru) и ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (eur.sgu.ru)

Директор издательства
Бучко Ирина Юрьевна

Редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Художник
Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист
Агафонов Андрей Петрович

Верстка
Ковалева Наталья Владимировна

Технический редактор
Каргин Игорь Анатольевич

Корректор
Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):
410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2)51-29-94, 51-45-49, 52-26-89
E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 24.08.22.
Подписано в свет 31.08.22.
Формат 60×84 1/8.
Усл. печ. л. 13,71 (14,75).
Тираж 100 экз. Заказ 100-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.
Адрес типографии:
410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2022

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал принимает к публикации на русском и английском языках общетеоретические, методические, дискуссионные, критические статьи, результаты исследований экономической и юридической науки в области экономической теории, экономики, организации, управления, государства и права.

Для рассмотрения статьи автору необходимо представить в редакцию следующие материалы: 1) текст статьи в электронном виде, включая УДК, сведения об авторах на русском и английском языках, ORCID автора, название, ключевые слова и структурированную аннотацию на русском и английском языках, список литературы, references в одном документе; 2) справку о результатах самопроверки статьи на наличие неправомерных заимствований; 3) договор на издание и предоставление права использования произведения. Статья направляется на рецензирование только после получения подписанного автором договора (лично в деканате экономического факультета или почтовым отправлением). Более подробная информация о правилах оформления статей и образцы оформления различных источников приведены вместе со стилевым файлом по адресу: <https://eup.sgu.ru/ru/dlya-avtorov>.

Представляемая для публикации рукопись статьи должна быть законченной научной работой, содержащей важные научные результаты самостоятельных исследований теоретического или эмпирического уровня. Статья должна быть структурирована с использованием подзаголовков: например, Введение, Теоретический анализ, Эмпирический анализ, Результаты, Список литературы, оформлена в соответствии с требованиями и тщательно отредактирована.

Статья подвергается анонимному рецензированию и в случае положительного отзыва – научному и контрольному редактированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель. Статья, задержанная на больший срок или требующая повторной доработки, рассматривается как вновь поступившая. Редакция оставляет за собой право проводить допечатную правку текста статьи, не изменяющую ее основного смысла, без согласования с автором. Статьи публикуются в порядке очередности.

Адрес редколлегии серии: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83, Саратовский университет, экономический факультет/юридический факультет.

Ответственный секретарь разделов «Экономика», «Управление» – e-mail: sgu-eup@ Rambler.ru, тел.: (8452) 22-51-38; ответственный секретарь раздела «Право» – e-mail: kulikovasveta@inbox.ru, тел.: (8452) 22-51-17.

Сайт журнала: <https://eup.sgu.ru>

CONTENTS

Scientific Part

Economics

Chelnokova O. Yu. The specifics of the concentration of investment processes in the field of ICT-technologies in the Russian economy 246

Cheremisinov G. A. Convergent political economy of the “New socialism” by J. K. Galbraith 253

Tsy-pin A. P., Kapitonova Yu. S., Kuzin M. A. Innovations of the Russian financial sector of the economy 268

Kadomtseva M. Ye. Theoretical and methodological aspects of ensuring the sustainable development of agro-food systems 277

Management

Tkachenko I. N., Starikov Ye. N., Evseeva M. V. Effect evaluation of the industrial policy project instruments application in the regions 287

Minat V. N. Modeling the impact of industrial development factors on the reindustrialization of the US economy 295

Law

Mikheeva T. N., Mikheev D. S. Forms of direct municipal democracy: Upcoming transformations 304

Toguzaveva E. N. Normative development of the institution of propaganda of traditional family values 310

Plotnikova I. N. Constitutional and legal regulation of the limits of implementation, degree of permissible restrictions on the basic economic rights of the individual 316

Troitskaya T. V. Organizational features of multi-day voting in elections in Russia 325

Kehinde Adeola Olufunke. The impact of the COVID-19 pandemic on the policies of countries: The example of China and Nigeria 331

Strogov N. D. The nature of *ius resistendi* in the context of legal schools and theories 339

Mladenova E. V. The problem of differentiation of the competence of the federal and regional authorities of the state environmental control (supervision) 346

Mandrychenko O. A. Constitutional regulation of economic policy in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS) 353

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ЭКОНОМИКА. УПРАВЛЕНИЕ. ПРАВО»**

Главный редактор

Огурцова Елена Вячеславовна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Заместители главного редактора

Фирсова Анна Александровна, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственные секретари

Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Куликова Светлана Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Ананьева Анна Анатольевна, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Александр Анна, Ph.D., профессор (Вайоминг, США)

Анисимов Алексей Павлович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Афанасьев Сергей Федорович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Балаш Владимир Алексеевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Бенойт Уильям, Ph.D., профессор (Огайо, США)

Василевич Григорий Алексеевич (Минск, Республика Беларусь)

Велиева Джамия Сейфаддиновна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Гиверц Павел, Ph.D., область знаний Право (Иерусалим, Израиль)

Горячева Татьяна Владимировна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Громов Владимир Геннадьевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ермасова Наталия Борисовна, Ph.D., доктор экон. наук, профессор (Иллинойс, США)

Землянухин Александр Исаевич, доктор физ.-мат. наук, профессор (Саратов, Россия)

Козин Михаил Николаевич, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Кокин Андрей Васильевич, доктор юрид. наук, доцент (Москва, Россия)

Красильников Олег Юрьевич, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Липинский Дмитрий Анатольевич, доктор юрид. наук, профессор (Тольятти, Россия)

Лхагвадори Ариунаа, Ph.D., профессор (Уланбаатор, Монголия)

Манахова Ирина Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Москва, Россия)

Митяева Наталья Вячеславовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

Муравьев Николай Васильевич, Ph.D., MBA, кандидат экон. наук (Данди, Великобритания)

Орехова Елена Анатольевна, доктор экон. наук, профессор (Волжский, Россия)

Разгельдеев Назир Тагирович, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Романовский Георгий Борисович, доктор юрид. наук, профессор (Пенза, Россия)

Сидоров Сергей Петрович, доктор физ.-мат. наук, доцент (Саратов, Россия)

Соловых Светлана Жорисовна, доктор юрид. наук, доцент (Саратов, Россия)

Стойлова Десислава, Ph.D., профессор (Благоевград, Болгария)

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экон. наук, профессор (Екатеринбург, Россия)

Хрусталев Виталий Николаевич, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Чердаков Олег Иванович, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экон. наук, доцент (Саратов, Россия)

Шугрина Екатерина Сергеевна, доктор юрид. наук, профессор (Москва, Россия)

Эретин Сефика Шуле, Ph.D., профессор (Анкара, Турция)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
ECONOMICS. MANAGEMENT. LAW"**

Editor-in-Chief – Elena V. Ogurtsova (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Anna A. Firsova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Executive Secretaries – Olga Yu. Chelnokova (Saratov, Russia)

Svetlana A. Kulikova (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Anna A. Ananyeva (Moscow, Russia)

Anne Alexander (Wyoming, USA)

Alexey P. Anisimov (Moscow, Russia)

Sergey F. Afanasiev (Saratov, Russia)

Vladimir A. Balash (Saratov, Russia)

William Benoit (Ohio, USA)

Grigory A. Vasilevich (Minsk, Belarus)

Jamila S. Veliyeva (Saratov, Russia)

Pavel Giverts (Jerusalem, Israel)

Tatiana V. Goryacheva (Saratov, Russia)

Vladimir G. Gromov (Saratov, Russia)

Natalia B. Ermasova (Illinois, USA)

Alexander I. Zemlyanukhin (Saratov, Russia)

Mikhail N. Kozin (Moscow, Russia)

Andrey V. Kokin (Moscow, Russia)

Oleg U. Krasilnikov (Saratov, Russia)

Dmitry A. Lipinsky (Tolyatti, Russia)

Ariunaa Lkhagvadorj (Ulaanbaatar, Mongolia)

Irina V. Manakhova (Moscow, Russia)

Natalia V. Mityaeva (Saratov, Russia)

Nikolai V. Mouraviev (Dundee, United Kingdom)

Elena A. Orekhova (Volgskii, Russia)

Nazir T. Razgeldeev (Saratov, Russia)

Georgy B. Romanovsky (Penza, Russia)

Sergey P. Sidorov (Saratov, Russia)

Svetlana Zh. Solovykh (Saratov, Russia)

Desislava Stoilova (Blagoevgrad, Bulgaria)

Irina N. Tkachenko (Ekaterinburg, Russia)

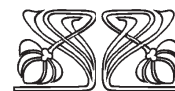
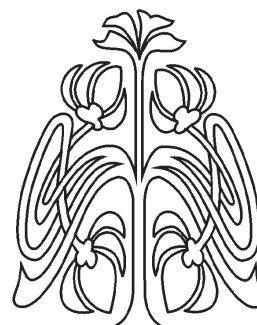
Vitali N. Khrustalov (Saratov, Russia)

Oleg I. Cherdakov (Moscow, Russia)

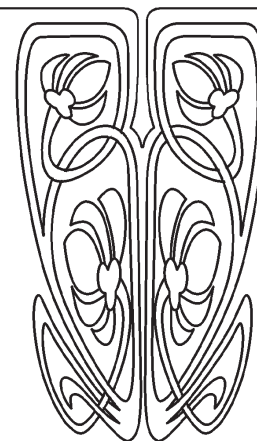
Georgy A. Cheremisov (Saratov, Russia)

Ekaterina S. Shugrina (Moscow, Russia)

Şefika Ş. Erçetin (Ankara, Turkey)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЭКОНОМИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 246–252
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 246–252
<https://eup.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-246-252>

Научная статья
УДК 330

Специфика концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий в российской экономике

О. Ю. Челнокова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

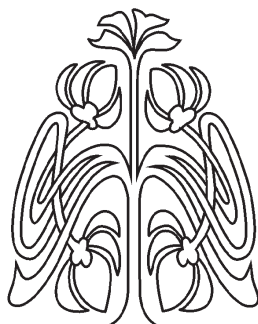
Челнокова Ольга Юрьевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и национальной экономики, o.chelnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0840-1151>

Аннотация. Введение. Актуальность проблематики данной статьи подтверждается тем, что существующий и накопленный к сегодняшнему моменту времени мировой и отечественный опыт демонстрирует нарастающую взаимозависимость роста национальной экономической системы и развития ее информационных систем и технологий. Сейчас именно с развитием ИКТ-систем и технологий связывают как процессы трансформации и модификации различных видов деятельности и секторов экономики, так и повышение качества жизни людей и эффективность протекания бизнес-процессов. **Теоретический анализ** рассматривает методику расчета, используемых в статье инструментов, применяемых для оценки степени экономической концентрации. **Эмпирический анализ.** В целях выявления специфики протекающих в российской экономике процессов концентрации в сфере ИКТ-технологий с помощью таких показателей, как индекс Херфиндала – Хиршмана (НН) и индекс концентрации (CR_k), проведены расчет и оценка динамики концентрации объема инвестиций в основной капитал, направляемых на приобретение ИКТ-оборудования. Анализ концентрации проведен как по российской экономике в целом, так и по отдельным федеральным округам. **Результаты.** Итогом проведенного исследования стало заключение о наличии четко прослеживающейся тенденции на усиление процесса концентрации объема инвестиций в основной капитал, направляемых на приобретение ИКТ-оборудования, в российской экономике. При этом установлено, что внутри различных федеральных округов РФ имеет место разнонаправленный процесс концентрации, проявляющийся как в увеличении ее степени в одних округах, так и в разреженности концентрации в других.

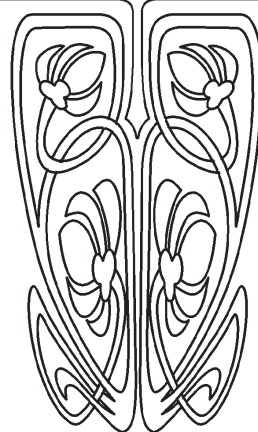
Ключевые слова: экономическая концентрация, уровень концентрации, информатизация, ИКТ-технологии, инвестиционные процессы, регионы и федеральные округа РФ

Для цитирования: Челнокова О. Ю. Специфика концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий в российской экономике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 246–252. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-246-252>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

The specifics of the concentration of investment processes in the field of ICT- technologies in the Russian economy

O. Yu. Chelnokova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Olga Yu. Chelnokova, o.chelnokova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0840-1151>

Abstract. Introduction. The relevance of the problems of this article is confirmed by the fact that the existing and accumulated to date world and domestic experience demonstrates the growing interdependence between the growth of the national economic system and the development of its information systems and technologies. Currently, the development of ICT systems and technologies is associated with the processes of transformation and modification of various activities and sectors of the economy, as well as improving the quality of human life and the efficiency of business processes. **Theoretical analysis.** Theoretical analysis examines the methodology for calculating the tools used in the article to assess the degree of economic concentration. **Empirical analysis.** In order to identify the specifics of the processes of concentration in the Russian economy in the field of ICT-technologies, using such indicators as the Herfindahl-Hirschman index (HHI) and the concentration index (CR_k), the calculation and assessment of the concentration dynamics of the volume of investments in fixed assets directed to the purchase of ICT-equipment. The concentration analysis has been carried out both for the Russian economy as a whole and for individual federal districts. **Results.** The result of the study is the conclusion that there is a clearly visible trend towards strengthening the process of concentration of the volume of investments in fixed assets directed to the purchase of ICT-equipment in the Russian economy. At the same time, it has been found that within the various federal districts of the Russian Federation there is a multidirectional process of concentration, which manifests itself both in an increase in its degree in some districts and in a rarefaction of concentration in others.

Keywords: economic concentration, level of concentration, informatization, ICT-technologies, investment processes, regions and federal districts of the Russian Federation

For citation: Chelnokova O.Yu. The specifics of the concentration of investment processes in the field of ICT-technologies in the Russian economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 246–252 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-246-252>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Взятый общий курс постиндустриального развития национальных и мировых социально-экономических систем на информатизацию и цифровизацию всех происходящих хозяйственных процессов превращает информацию из вторичного и производного фактора развития экономики в ее основную движущую силу, влияющую на процессы не только экономического развития, но и системной трансформации социально-экономических систем любого уровня хозяйствования.

В статье выдвигается следующая гипотеза: во-первых, с актуальной значимостью и объективно обусловленной необходимостью развития процессов информатизации и цифровизации во всех сферах жизнедеятельности хозяйствующих субъектов, во-вторых, с существующей тенденцией на увеличение инвестиционных процессов в развитие IT-предприятий и отраслей, расположенных и на периферии, и в центральных районах РФ, будет наблюдаться как усиление, так и разрежение концентрации инвестиционных процессов в различных регионах и округах Российской Федерации.

Теоретический анализ

На сегодняшний момент времени целый ряд российских исследователей проявляют интерес к проблеме изучения и оценке уровня концентрации в различных сферах и областях экономической деятельности. Особое внимание обращают на

себя работы таких авторов, как С. Растворцева и Д. Терновский [1], О. Кузнецова [2], И. Бойко [3], С. Грачев [4], Б. Тагаров [5], Т. Коцофана и П. Стажкова [6] и многих других.

Для проверки выдвинутой гипотезы и выявления специфики концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий *рассчитаем и проведем оценку степени концентрации* в регионах и федеральных округах России по такому показателю, как объем инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение информационного, компьютерного и телекоммуникационного (ИКТ) оборудования.

Наиболее часто используемыми инструментами для оценки степени экономической концентрации выступают такие показатели, как индекс Херфиндала – Хиршмана (HHI), индекс концентрации (CR_k), индекс Холла – Тайдмана (HT) и индекс Джини [7]. Настоящее исследование проводилось с опорой на два первых инструмента.

Анализ и оценка степени и динамики уровня концентрации проводились как в целом по экономике РФ, так и на уровне федеральных округов. Расчет степени концентрации при этом осуществлялся по следующим критериям:

- по регионам (областям) РФ;
- по федеральным округам РФ;
- внутри федеральных округов РФ.

Методика расчета, используемых в данной статье инструментов, приведена в таблице.

Инструменты оценки уровня экономической концентрации
Table. Tools for assessing the level of economic concentration

Показатель	Индекс концентрации (CR_k)			Индекс Херфиндала – Хиршмана (НИИ)		
Формула для расчета	$CRk = \sum_{i=1}^n Y_i$ $i = 3 \text{ или } 4$			$НИИ = \sum_{i=1}^n Y_i^2$		
Методика исследования	По регионам (областям) РФ	По федеральным округам РФ	Внутри федеральных округов РФ	По регионам (областям) РФ	По федеральным округам РФ	Внутри федеральных округов РФ
Условные обозначения	Y_i – доля крупнейшего i -го региона (области) в экономике РФ (по исследуемому показателю)	Y_i – доля крупнейшего i -го федерального округа в экономике РФ (по исследуемому показателю)	Y_i – доля крупнейшего i -го региона (области) в конкретном федеральном округе РФ (по исследуемому показателю)	Y_i – доля i -го региона (области) в экономике РФ (по исследуемому показателю)	Y_i – доля i -го федерального округа в экономике РФ (по исследуемому показателю)	Y_i – доля i -го региона (области) в конкретном федеральном округе РФ (по исследуемому показателю)
Интерпретация полученных значений	менее 45% – низкая степень концентрации; 45–70% – средняя (умеренная) степень концентрации; 70–100% – высокая степень концентрации			менее 1000 – низкая степень концентрации; 1000–1800 (2000) – средняя (умеренная) степень концентрации; 1800 (2000)–10000 – высокая степень концентрации		
	Чем большее значение принимает данный индекс, тем более высокий уровень концентрации имеет место					

Эмпирический анализ

Прежде чем оценивать уровень концентрации, проанализируем общий объем инвестиций в основной капитал, направленных на покупку

информационного и коммуникационного оборудования (рис. 1, данные использованы без учета субъектов малого предпринимательства и объема инвестиций, не наблюдаемых прямыми статистическими методами. Рассчитано и сост. по: [8]).

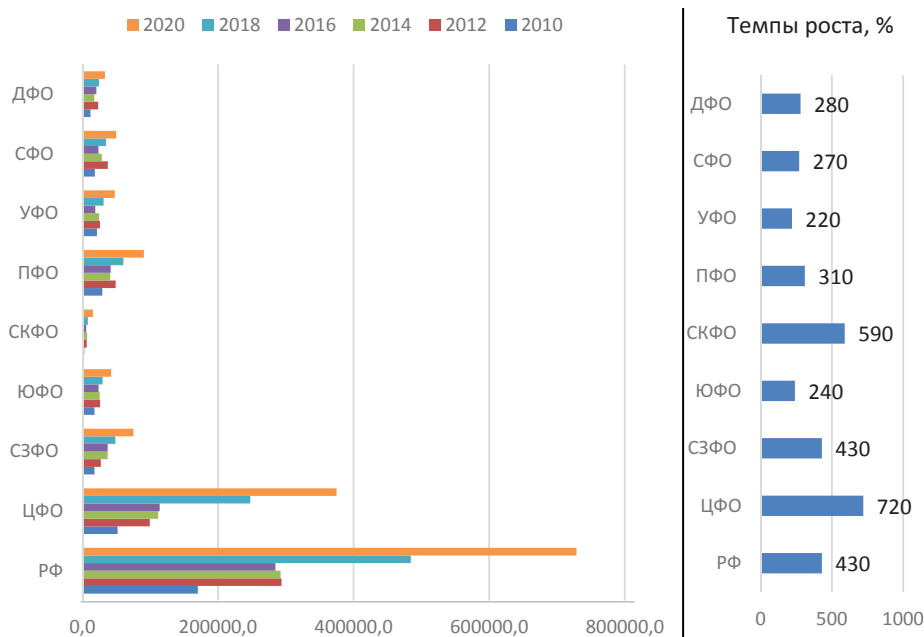

Рис. 1. Инвестиции в основной капитал, направленные в 2010–2020 гг. на приобретение ИКТ-оборудования в экономике России, млн руб. (цвет online)

Fig. 1. Investments in fixed assets directed in 2010–2020 for the purchase of ICT-equipment in the Russian economy, million rubles (color online)

Из данных рис. 1 видно, что за десятилетний период инвестиции в основной капитал возросли как в целом по экономике (в 4,3 раза), так и во всех федеральных округах. При этом наибольший рост отмечался в Центральном федеральном округе (в 7,2 раза) и Северо-Кавказском федеральном округе (в 5,9 раза). Такие данные позволяют предположить, что будет наблюдаться также и увеличение степени концентрации по анализируемому показателю.

Для проверки выдвинутой гипотезы проведем анализ и оценку динамики индексов концентрации (индекса Херфиндаля – Хиршмана (ННІ) и индекса концентрации (CR₄)) сначала по российской экономике в целом.

Результаты расчетов уровня концентрации, проведенные по регионам (областям) российской экономики, представлены на рис. 2 (рассчитано и сост. по: [8]). Из его данных следует, что анализируемые индексы демонстрируют постепенную и достаточно устойчивую тенденцию на увеличение, от низкой степени концентрации к умеренно-средней. Так, за исследуемый период индексы ННІ и CR₄ принимали свои наименьшие значения в 2010 г. и составляли соответственно 514 и 34,9%. Своего максимального значения данные показатели достигали в 2019 г., составив при этом 1895 и 56,1% соответственно, немного снизившись в 2020 г. – до 1817 и 54,0%.

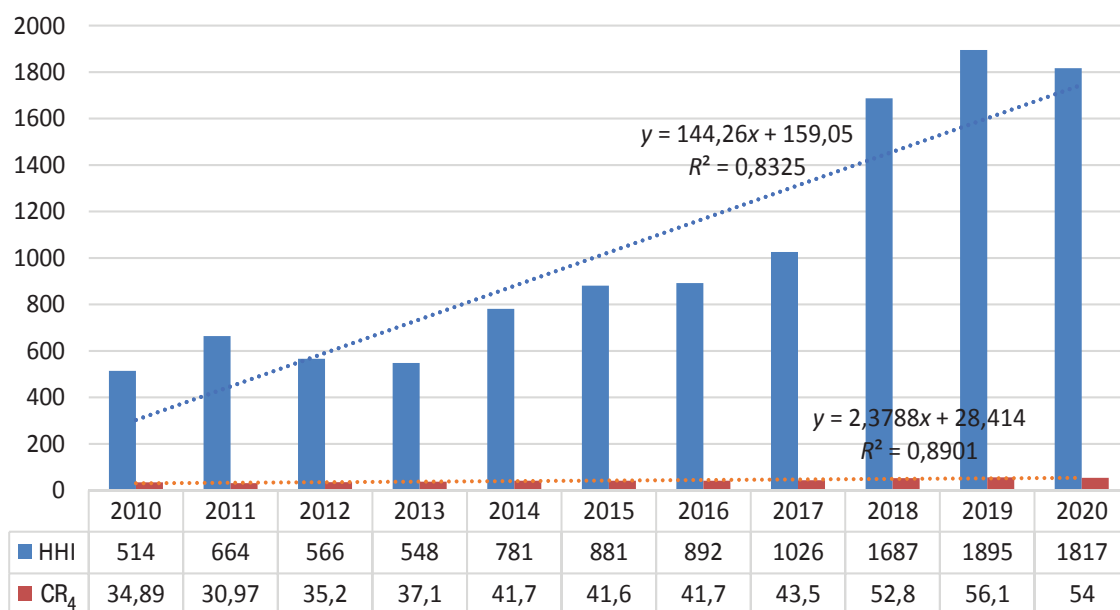

Рис. 2. Динамика индексов ННІ и CR₄ в экономике России, рассчитанных по объему инвестиций в основной капитал, направленных на покупку ИКТ-оборудования в регионах, % (цвет online)

Fig. 2. Dynamics of the HHI and CR₄ indices in the Russian economy, calculated by the volume of investments in fixed assets aimed at purchasing ICT- equipment in the regions, % (color online)

Такие результаты свидетельствуют о том, что в целом по экономике за анализируемый период более равномерное распределение инвестиций в основной капитал, направляемых на приобретение ИКТ-оборудования, среди большого числа регионов наблюдалось в 2010 г. В 2019–2020 гг. данные инвестиции были сосредоточены в уже гораздо меньшем количестве регионов, и первоначальное относительно равномерное их распределение нарушилось.

Проводя более детальную оценку уровня концентрации по индексу концентрации для четырех регионов (CR₄) (см. рис. 2), можно заключить, что увеличение значений данного индекса с 34,9% в 2010 г. до 56,1% в 2019 г.

и 54,0% в 2020 г. демонстрирует рост доли четырех регионов с наибольшими объемами инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, в общем объеме инвестиций в данной сфере на 55,0% (в 2020 г.). При этом если в 2010 г. крупнейшими регионами по объему инвестиций в анализируемой сфере были г. Москва, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край и Тюменская область, то в 2020 г. такими регионами стали г. Москва и Московская область, г. Санкт-Петербург и Тюменская область.

Расчеты индексов концентрации (ННІ и CR₃), проведенные по исследуемому показателю по федеральным округам, также демонстри-

руют и подтверждают установленную ранее (по регионам РФ) тенденцию к увеличению степени концентрации в экономике России (рис. 3, рассчитано и сост. по: [8]). Однако при анализе степени концентрации по федеральным

округам была выявлена более высокая степень концентрации с ее динамикой от средне-умеренных значений в 2010 г. (ННИ – 1757% и CR_3 – 60,1%) к более высоким значениям в 2020 г. (ННИ – 3057% и CR_3 – 74,2%).

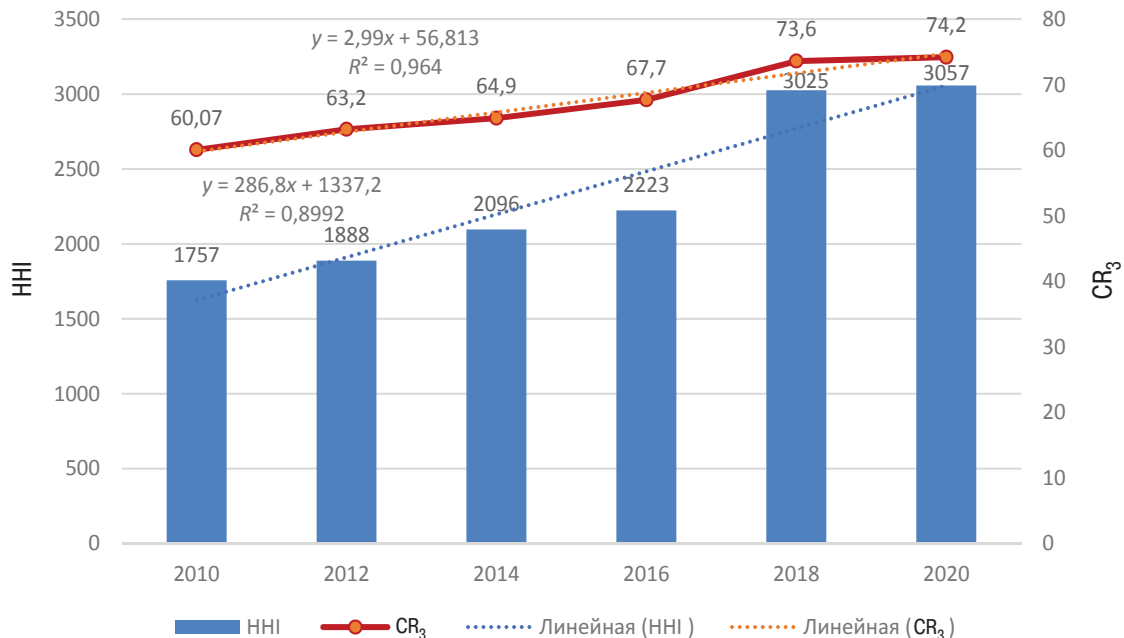

Рис. 3. Изменение индексов ННИ и CR_3 в экономике России, рассчитанных по объему инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования в федеральных округах, % (цвет online)

Fig. 3. Changes in the HHI and CR_3 indices in the Russian economy, calculated by the volume of investments in fixed assets aimed at purchasing ICT-equipment in federal districts, % (color online)

В тройке округов-лидеров на протяжении всего анализируемого периода по объему инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, первую и вторую позиции занимали соответственно Центральный федеральный округ и Приволжский федеральный округ. Замыкал тройку лидеров среди округов по степени концентрации на начало анализируемого периода (в 2010 г.) Уральский федеральный округ. Однако в 2012 г. он уступил свои позиции Сибирскому федеральному округу, которого, в свою очередь, в 2014 г. сменил Северо-Западный федеральный округ, сумевший сохранить свои позиции по 2020 г. включительно.

Далее с помощью индекса Херфиндаля – Хиршмана проанализируем уровень концентрации объема инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, внутри федеральных округов Российской Федерации (рис. 4).

Проведенные нами расчеты, представленные на рис. 4 (рассчитано и сост. по: [8]),

демонстрируют усиление степени концентрации в половине из федеральных округов. Так, наибольшее усиление уровня концентрации наблюдается в Центральном (изменение: на 89,9%; точки притяжения инвестиций: г. Москва, Московская и Белгородская области) и Северо-Западном федеральных округах (изменение: на 40,2%; точка концентрации инвестиций: г. Санкт-Петербург) и менее сильно в таких округах, как Сибирский ФО (изменение: на 10,3%; точки притяжения инвестиций: Новосибирская область и Красноярский край) и Приволжский ФО (изменение: на 6,6%; точки концентрации инвестиций: Нижегородская и Самарская области, Республика Башкортостан, Республика Татарстан). Таким образом, на 2020 г. инвестиции сосредоточились в очень небольшом числе регионов федеральных округов.

В другой половине федеральных округов был выявлен обратный процесс: снижение степени концентрации по исследуемому показателю (рис. 5, рассчитано и сост. по: [8]) отмечается в Южном ФО – на 38,6% (так, например, в 2010 г.

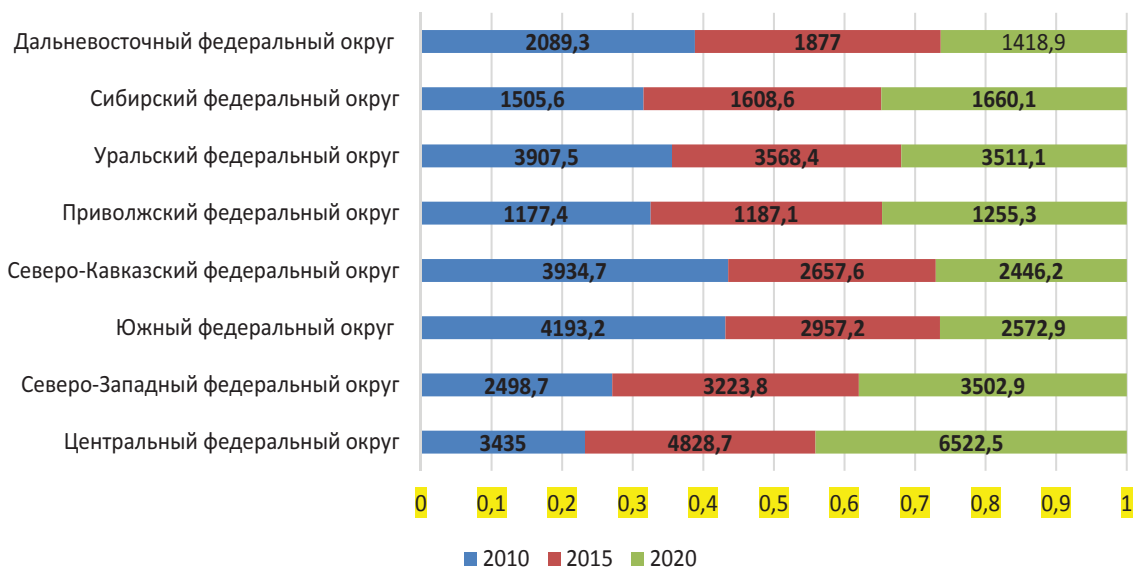

Рис. 4. Динамика индекса ННИ, рассчитанного по объему инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, внутри федеральных округов РФ, % (цвет online)

Fig. 4. Dynamics of the NNI index, calculated by the volume of investments in fixed assets aimed at purchasing ICT-equipment, within the federal districts of the Russian Federation, % (color online)

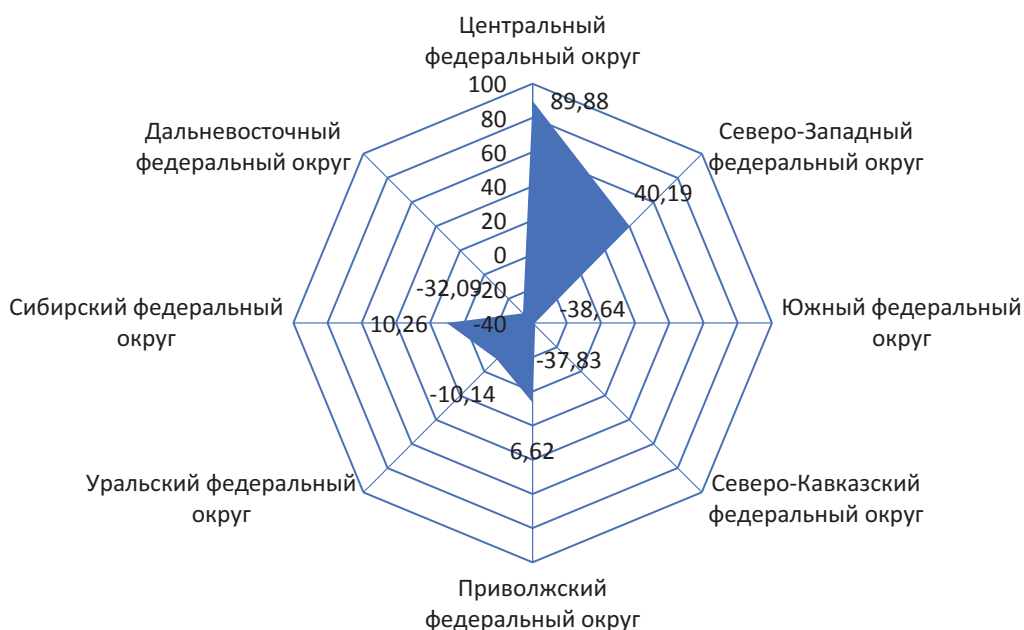

Рис. 5. Темпы прироста индекса ННИ, рассчитанного по объему инвестиций в основной капитал, направленных на приобретение ИКТ-оборудования, внутри федерального округа, %

Fig. 5. Growth rate of the NNI index, calculated by the volume of investments in fixed assets aimed at purchasing ICT-equipment, within the federal district, %

в регионе была одна точка концентрации инвестиций – Краснодарский край, а 2020 г. уже две – Краснодарский край и Ростовская область), Северо-Кавказском ФО – на 37,8%, Уральском ФО – на 10,1% и Дальневосточном ФО – 32,1%. В этой группе округов обращает на себя внимание Дальневосточный федеральный округ, так

как именно в нем к 2020 г. наблюдалось более равномерное распределение инвестиции среди большего числа регионов федерального округа. Здесь особыми точками концентрации инвестиций стали: Хабаровский и Приморский края, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Амурская и Сахалинская области.

Результаты

Таким образом, проведенный анализ подтверждает выдвинутую в начале исследования гипотезу. Наряду с существующей тенденцией на увеличение инвестиционных процессов в развитие ИТ-предприятий и отраслей, расположенных как на периферии, так и в центральных регионах и округах Российской Федерации, а также вместе с четко прослеживающейся тенденцией на усиление концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий в целом по российской экономике, внутри различных федеральных округов наблюдается разнонаправленный процесс, проявляющийся как в увеличении степени концентрации в одних округах, так и в ее разреженности и снижении в других.

Можно предположить, что выявленная специфика концентрации инвестиционных процессов в сфере ИКТ-технологий в российской экономике свидетельствует о происходящем процессе полномасштабного использования и внедрения информационных и коммуникационных технологий на всех хозяйственных уровнях и во всех регионах российской экономики. Думается, что результатом данного процесса должно стать достижение дополнительного положительного эффекта от проникновения компьютерных и ИКТ-технологий во все сферы и отрасли хозяйственной деятельности.

Список литературы

1. *Растворцева С. Н., Терновский Д. С.* Факторы концентрации экономической активности в регионах России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* 2016. № 2 (44). С. 153–170. <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.9>
2. *Кузнецова О. В.* Концентрация экономической активности в Москве и Санкт-Петербурге: масштабы, факторы, последствия для городов // *Проблемы развития территории.* 2018. № 5 (97). С. 26–40. <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2>
3. *Бойко И. П.* Процессы концентрации производства в промышленности РФ: оценка уровня и динамики // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 5. Экономика.* 2005. № 4. С. 95–108.
4. *Грачев С. А.* Оценка уровня концентрации ресурсов инновационного развития в регионах Центрального федерального округа // *Экономические отношения.* 2019. Т. 9, № 2. С. 1229–1238. <https://doi.org/10.18334/eo.9.2.40652>
5. *Тагаров Б. Ж.* Внутрирегиональная концентрация производства в Сибирском федеральном округе (на примере обрабатывающей промышленности и

финансовой деятельности) // *Экономика, предпринимательство и право.* 2020. Т. 10, № 6. С. 1803–1822. <https://doi.org/10.18334/epp.10.6.110302>

6. *Коцопана Т. В., Стажкова П. С.* Сравнительный анализ применения показателей концентрации на примере банковского сектора РФ // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Серия 5. Экономика.* 2011. № 4. С. 30–40.
7. *Челнокова О. Ю.* Моделирование использования индекса Херфиндаля – Хиршмана при анализе степени концентрации фирм на отраслевом рынке // *Профессиональная ориентация.* 2018. № 2. С. 54–58.
8. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://www.fedstat.ru> (дата обращения: 16.12.2021).

References

1. *Rastvortseva S. N., Ternovsky D. S.* Drivers of concentration of economic activity in Russia's regions. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, iss. 2 (44), pp. 153–170 (in Russian). <https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.9>
2. *Kuznetsova O. V.* Concentration of economic activity in Moscow and Saint Petersburg: Trends, factors, implications for the cities. *Problems of Territory's Development*, 2018, no. 5 (97), pp. 26–40 (in Russian). <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.2>
3. *Boyko I. P.* Processes of concentration of production in the industry of the Russian Federation: Assessment of the level and dynamics. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2005, no. 4, pp. 95–108 (in Russian).
4. *Grachev S. A.* Assessment of the level of concentration of innovative development resources in the regions of the Central federal district. *Journal of International Economic Affairs*, 2019, no. 2, pp. 1229–1238 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.9.2.40652>
5. *Tagarov B. Zh.* Intra-regional concentration of production in the Siberian Federal District (On the example of manufacturing industry and financial activity). *Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*, 2020, vol. 10, no. 6, pp. 1803–1822 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/epp.10.6.110302>
6. *Kotsofana T. V., Stazhkova P. S.* Comparative analysis of the application of concentration indicators on the example of the banking sector. *St Petersburg University Journal of Economic Studies*, 2011, no. 4, pp. 30–40 (in Russian).
7. *Chelnokova O. Yu.* Modeling the use of the Herfindahl-Hirschman index in the analysis of the degree of concentration of firms in the industry market. *Professional'naya orientaciya* [Professional Orientation], 2018, no. 2, pp. 54–58 (in Russian).
8. *Unified Interdepartmental Information and Statistical System (EMISS).* Available at: <https://www.fedstat.ru> (accessed 16 December 2021) (in Russian).

Поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 30.04.2022
The article was submitted 25.03.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 30.04.2022

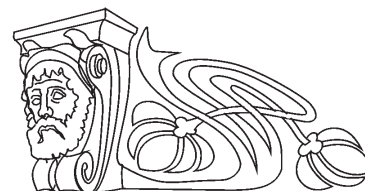
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 253–267
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 253–267
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-253-267>

Научная статья
УДК 330.8

Конвергентная политическая экономия «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта

Г. А. Черемисинов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Черемисинов Георгий Александрович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической теории и национальной экономики, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Аннотация. В эволюции экономик западного типа и советского типа после Второй мировой войны наблюдалось много общих моментов, которые побуждали ученых говорить о конвергенции двух идеологически альтернативных политико-экономических систем. Замечательным примером сравнительного анализа обоих векторов развития национальных экономик, исходя из единых концептуальных предпосылок, служат книги Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества». Неспособность неоклассической и неокейнсианской теории объяснить происходившие социально-экономические перемены инициировала научный поиск в западной экономике свойств советской социалистической системы регулирования, плановой организации народного хозяйства. Характер использования времени и капитала в современном производстве, специализация предприятий, потребности крупных корпоративных организаций, проблемы нестабильного функционирования рынка в условиях передовой техники и технологии предопределяли необходимость планирования. Есть основания предполагать наличие в концепции государственно-корпоративной экономики Дж. К. Гэлбрейта реминисценции теории государственно-монополистического капитализма, изложенной в наиболее известных произведениях В. И. Ульянова-Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и «О продовольственном налоге». Дж. К. Гэлбрейт предложил логически целостное концептуальное понимание объективной обусловленности конвергенции в развитии моделей экономики западного типа и советского типа. Децентрализация в экономических системах советского типа означала не возврат к рынку, а перемещение некоторых плановых функций от государства к фирме. Нельзя понимать конвергенцию советской и западной систем как возвращение первой системы к рынку. Обе системы переросли рынок. Наблюдалась явная конвергенция в направлении одинаковых форм планирования. Дж. К. Гэлбрейт обсуждал возможность реформирования американской экономики на основе модели «нового социализма».

Ключевые слова: конвергентная политическая экономия, плановая система, новый социализм, Дж. К. Гэлбрейт, В. И. Ульянов-Ленин

Для цитирования: Черемисинов Г. А. Конвергентная политическая экономия «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 253–267. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-253-267>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Convergent political economy of the “New socialism” by J. K. Galbraith

G. A. Cheremisinov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Georgy A. Cheremisinov, cheremisinov@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5986-2866>

Abstract: In the evolution of Western-type and Soviet-type economies after World War II, there were many common points that prompted scientists to talk about the convergence of two ideologically alternative political and economic systems. Remarkable examples of a comparative analysis of both vectors of the development of national economies, based on the same conceptual premises, are the books of J. K. Galbraith “The new industrial state” and “Economics and the public purpose”. The inability of the neoclassical and neo-Keynesian theory to explain the socio-economic changes that took place initiated a scientific search in the Western economy for the properties of the Soviet socialist system of regulation, the planned organization of the national economy. The need for planning was predetermined by the nature of the use of time and capital in modern production, the specialization of enterprises, the needs of large corporate organizations, the problems of unstable functioning of the market in conditions of advanced engineering and technology. There are reasons to assume that J. K. Galbraith’s concept of the state-corporate economy contains a reminiscence of the theory of state-monopolistic capitalism, set forth in the most famous works of V. I. Ulyanov-Lenin “Imperialism, the highest stage of capitalism” and “About food tax”. J. K. Galbraith outlined a logically holistic conceptual understanding of the objective conditionality of convergence in the development of Western-type and Soviet-type economic models. Decentralization in Soviet-style economic

systems meant not a return to the market, but the transfer of some planned functions from the state to the firm. The convergence of the Soviet and Western systems cannot be understood as the return of the first system to the market. Both systems have outgrown the market. There was a clear convergence in the direction of the same forms of planning. J.K. Galbraith discussed the possibility of reforming the American economy on the basis of the model of "new socialism".

Keywords: convergent political economy, planned system, new socialism, J. K. Galbraith, V. I. Ulyanov-Lenin

For citation: Cheremisinov G. A. Convergent political economy of the "New socialism" by J. K. Galbraith. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 253–267 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-253-267>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Эволюция мирового хозяйства и государственной политики после Второй мировой войны создала предпосылки для критического переосмысления двух ветвей мейнстрима стандартной экономической теории – неоклассической и неокейнсианской.

С середины 1950-х до начала 1970-х гг. происходил бурный рост мировой экономики: в развитых западных странах в рамках капиталистической модели, в СССР и государствах Восточной Европы в рамках социалистической директивно-плановой модели. Эта эпоха получила название научно-технической революции, поскольку устойчивый экономический рост опирался на активное использование научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок в реальном секторе хозяйства, прежде всего в отраслях промышленности, особенно в машиностроении. Интенсивное обновление индустрии обеспечивало подъем и совершенствование других отраслей национальных экономик в обеих социально-экономических системах, сопровождалось изменениями организационных структур хозяйственной деятельности, государственной экономической политики, режимов функционирования хозяйственного механизма, условий осуществления предпринимательства.

В эволюции экономик западного и советского типа наблюдались схожие тенденции, которые позволяли ученым рассуждать о конвергенции двух идеологически альтернативных политико-экономических систем и искать общую теоретико-методологическую основу, объясняющую оба вектора развития национальных экономик, исходя из единых концептуальных предпосылок.

Замечательным примером такого сравнительного анализа служат научные труды канадско-американского экономиста Джона Кеннета Гэлбрейта. Книга «Новое индустриальное общество» [1] (английское название которой «The new industrial state» можно перевести и как «Новое индустриальное государство») была издана в 1967 г. Книга «Экономические теории и цели общества» [2] вышла в свет в 1973 г.

Публикация первой работы, весьма вероятно, была инициирована изучением опыта экономической реформы А. Н. Косыгина, начавшейся в СССР в 1965 г. и направленной на расширение хозяйственной самостоятельности (хозяйственного расчета) промышленных предприятий и их объединений в вопросах ценообразования, получения и использования прибыли для материального стимулирования и самофинансирования.

Издание второй из названных книг позволило Дж. К. Гэлбрейту познакомить читателей с дальнейшей разработкой выдвинутой концепции и показать ее теоретико-методологический потенциал при исследовании инфляции. Рост цен заметно ускорился после отмены в 1971 г. конвертации доллара США в золото по официальному курсу для центральных банков и фактического прекращения функционирования Бреттон-Вудской валютной системы, оказывавшей регулирующее воздействие на эмиссию американской валюты.

Постановка проблемы взаимной обусловленности экономических теорий и целей различных социальных групп начиналась с рассмотрения редко обсуждаемого прикладного использования науки. Дж. К. Гэлбрейт верно подметил, что экономическая теория создает у людей представление об экономике их общества, которое заметно влияет на поведение хозяйствующих субъектов. Оказывая содействие осуществлению власти, экономическая теория выполняет инструментальную функцию, служит не пониманию или улучшению экономической системы, а целям тех, кто обладает властью в этой системе. Общепринятое представление об экономике не совпадает с реальностью. Но оно используется как заменитель реальности для законодателей, госслужащих, журналистов, телекомментаторов, «профессиональных пророков» – всех, кто выступает, пишет и принимает решения по экономическим вопросам. Сам же ученый отдавал предпочтение традиционной, научной, объясняющей функции экономической теории – стремлению понять реальное положение вещей [2, с. 29, 31, 32].

Дж. К. Гэлбрейт выступал оппонентом современных ему ведущих направлений стандартной экономической теории – неокейнсианства и неоклассики, подчеркивал их коренную общность: «...неоклассическая и неокейнсианская вера одинаковы», поскольку обе они определяются одинаковыми взглядами на власть рынка [2, с. 50]. Однако акцент дискуссии был смещен на критику неоклассических взглядов, которые в 1970-е гг. стали вытеснять кейнсианство с позиции истеблишмента мейнстрима экономической науки.

По мнению теоретика, общепризнанная интерпретация неосоциалистической экономической системы – неоклассическая модель – не отражает реальности. Неоклассическая система выполняет инструментальные функции, содержит формулу для спокойной жизни без излишних споров. Она многим обязана традиции, приемлема для описания общества, которое когда-то существовало, и для характеристики рыночной системы как одной из частей современной экономики. Кроме того, неоклассическая модель – это имеющаяся «под рукой» готовая теория, по канонам которой удобно учить студентов. Еще одна сильная сторона неоклассического учения – возможность бесконечного теоретического усовершенствования, а с возрастающей сложностью складывается впечатление повышающейся точности, правильности и лучшего понимания. Утрата релевантности и отказ от осмысления социальных последствий трансформации экономики подвигали к отказу от неоклассической модели, возрождали интерес к противоречивой теории марксизма или побуждали к созданию новых альтернативных концепций [2, с. 36, 54–55].

Планирование в современной индустриальной системе

Неспособность прежней теории объяснить происходившие социально-экономические изменения неожиданно инициировала научный поиск в западной экономике характерных черт советской социалистической системы регулирования, плановой организации народного хозяйства. Откровенной «ересью» выглядело заявление Дж. К. Гэлбрейта о том, что западная экономическая система, под какой бы идеологической вывеской она ни скрывалась, в существенной части представляет собой плановую экономику [1, с. 41]. В озвученном оксюмороном точно были определены причинно-следственные приоритеты. Идеология взаимосвязана с экономикой, оказывает на нее укрепляющее или разрушающее воздействие, отражает ин-

тересы различных социальных слоев населения; но не она служит главным фактором эволюции хозяйственных систем, имеющих свою специфическую логику исторического развития, – перемены в разделении труда, в формах организации производства.

Обновление экономики и общества, вызванное научно-технической революцией, дало повод говорить об индустриальной системе, индустриальном обществе как отличительных признаках переживаемой исторической эпохи, о создании условий для формирования «*planning system*» – плановой системы. Последний термин точнее передает смысловое содержание понятия, нежели предложенный в книге перевод – «*планирующая система*» [2, с. 80]. Примечательно, что Дж. К. Гэлбрейт в своей ранней работе использовал термин «индустриальная система», а во второй публикации выстраивал концепцию на основе противопоставления плановой системы и рыночной системы.

По разумению экономиста, необходимость планирования предопределяется характером использования времени и капитала в современном производстве, специализацией предприятий, потребностями крупных корпоративных организаций, проблемами нестабильного функционирования рынка в условиях передовой техники и технологии. В мире крупных корпораций выстраивается матрица контрактов, которые устраняют присущую рынку неопределенность во взаимоотношениях между фирмами [1, с. 52, 67].

Ученый очертил контуры общей теории высокого уровня развития экономики, отметил, что когда фирмы становятся крупными, трансформируется природа экономической системы общества, решающим инструментом и движущей силой преобразований оказывается современная корпорация, а не государство и тем более не отдельная личность. Начальной точкой, задающей вектор развития, служит технология с соответствующей организацией. Индустриальный корпоративный сектор вырастает как надстройка над рыночным предпринимательством. В национальной экономике формируются, взаимодействуют и эволюционируют две части: рыночная система и господствующая над ней в социально-политической иерархии плановая система. Необходимость контролировать среду, предупреждать неблагоприятные события способствует гораздо большему размеру фирм по сравнению с оптимальными размерами фирм в рыночных условиях олигополии или монополистической конкуренции [2, с. 67–69].

Доминирование корпоративного сектора усиливает дифференциацию компонентов экономики страны в отраслевом, региональном, социальном аспектах. Сочетание мощного стимула увеличения размера фирмы в некоторых секторах экономики с ограничениями роста фирм в других секторах создает исключительно неравномерную картину экономического развития. Плановая и рыночная системы разнятся не стремлением избавиться от ограничений рынка и обрести контроль над экономической средой, а средствами и успешностью достижения этих целей. В плановой системе фирма «без лишнего шума», автоматически добивается контроля над ценами и объемом производства благодаря своим размерам и обращению к могущественной исполнительной бюрократии, обретает выгодные условия торговли, контролируя также цены и издержки рыночной системы [2, с. 72–82].

Происходившие перемены были настолько серьезными, что Дж. К. Гэлбрейт обновил один из фундаментальных постулатов экономической науки, предложил дефиницию и дал теоретическое объяснение нового фактора производства или, точнее, новую форму проявления (новый вид) фактора предпринимательства, соединяющего в хозяйственной деятельности остальные, традиционные факторы производства – труд, капитал, природные ресурсы.

Власть в экономике и обществе связана с одним, наименее доступным фактором производства, поэтому источник власти в промышленном предприятии под воздействием современной техники, технологии и планирования переместился от капитала к новому фактору производства – организованному знанию, от собственников капитала к совокупности людей, обладающих разнообразными специализированными знаниями, опытом и способностями [1, с. 95–99].

В экономике и обществе власть безвозвратно перешла к организации, которая успешно осуществляет синтез новой, «групповой индивидуальности», намного превосходящей личность в достижении социальных целей. Принятие решений важнее их утверждения. Подлинное право принимать групповые решения принадлежит инженерам, плановикам и иным специалистам, поскольку планирование требует чрезвычайно разнообразной информации и подготовленных людей. Для обозначения всех, кто обладает необходимыми способностями и знаниями, участвует в процессе принятия решений группой или в организации, которую они составляют, – от руководителей современного промышленного предприятия почти до основ-

ной массы рабочей силы, Дж. К. Гэлбрейт предложил использовать термин «техноструктура» [1, с. 101–113].

Доминирование фактора производства техноструктуры обеспечивается современной корпоративной формой организации бизнеса. Корпорация служит превосходным аппаратом для объединения и анализа информации, доставляемой множеством людей, для групповых решений, выходящих за пределы компетентности отдельных лиц, приспособлена к передовой технике, крупным капиталовложениям и планированию, которое позволяет техноструктуре ограждать от вмешательства извне свою прибыль и самостоятельность [1, с. 119, 126].

Особое внимание экономист уделил изменению целей и мотивов хозяйствующих субъектов в плановой системе индустриального общества. Максимизация прибыли перестала быть главной целью корпорации после того, как управляющие забрали власть у акционеров. Менеджеры корпорации преследуют свои меркантильные интересы, а не денежные интересы собственников, которым они ничем не обязаны. Техноструктура стремится к максимизации успеха в качестве организации, ибо увеличение выпуска продукции означает расширение самой техноструктуры. Исходя из этих соображений, устанавливаемые плановой системой цены будут ниже цен, которые обеспечивали бы максимум прибыли. Цены эффективнее контролируются фирмой, перестают играть исключительную роль в распределении ресурсов; гораздо важнее применение власти во всем объеме – над ценами, издержками, потребителями, поставщиками, правительством. Рост фирмы согласуется с целью общества – экономическим ростом, который позволяет решать многие социально-экономические проблемы. Признание экономического роста целью общества означает укрепление господства современной корпорации и техноструктуры [1, с. 167, 216–220; 2, с. 150, 155].

Неоклассическая теория отрицала наличие подобной власти. Поэтому Дж. К. Гэлбрейт красноречиво отвечал оппонентам. Крупные корпорации получили возможность навязывать свою волю обществу, устанавливать цены и издержки, влиять на потребителей, организовывать поставки материалов и полуфабрикатов, мобилизовать собственные накопления и капитал, проводить свою политику в отношении рабочей силы, оказывать воздействие на взгляды общества и деятельность государства. Цели техноструктуры, управляющих фирмой интеллектуалов приобрели колоссальное значение.

Не рынок определяет эти цели. Они переступили границы рынка, используют его как инструмент и «становятся той колесницей, к которой общество если не приковано, то уж во всяком случае пристегнуто» [2, с. 125].

Иерархия власти в экономике и обществе обуславливает доминирование плановой системы над рыночной системой – миром небольших фирм, не обладающих контролем над своими ценами и издержками. Существует неравное распределение доходов между крупными и мелкими фирмами: в получаемых прибылях и возможностях выплаты жалованья. В современной экономике плановая система эксплуатирует рыночную систему, развивается более быстрыми темпами, используя неравные возможности извлечения прибыли [2, с. 173, 175].

Еще одним свидетельством иерархии сил хозяйствующих субъектов служит усиливающаяся власть производителя, от которой зависит распределение в государственном и частном секторах экономики производственных ресурсов – капитала, рабочей силы и материалов. В современной экономике равновесие сил отражает власть производителя. Производство достигает больших размеров не обязательно там, где существует большая потребность; оно может быть велико там, где есть большая возможность управлять поведением потребителя или участвовать в контроле над закупками товаров и услуг государством, причем всецело в интересах бюрократического роста [2, с. 189, 190].

В индустриальной системе складываются устойчивые горизонтальные отношения между крупными фирмами-производителями, действует механизм координации производственных планов между корпорациями – сеть долгосрочных контрактов; рынок для такой координации не годится. Контракты предопределяют потребности покупателей на месяцы и годы, устанавливают цены, условия поставок и их оплаты, обеспечивают приспособление предложения товаров к спросу. Основная цель осуществляемого фирмой планирования – рост в будущем. Информация и гарантии, получаемые от других фирм, обеспечивают фирме-поставщику сведения, необходимые для ее собственного планирования, дают возможность удовлетворять нужды своих заказчиков в соответствии с их планами [2, с. 167–168].

Контракт гарантирует цену и поставки для одной фирмы, одновременно гарантирует цену и объем продаж для другой фирмы. С ускорением развития и возрастанием технической сложности изделий, совершенствованием технологий производства матрица взаимосвязанных кон-

трактов расширяется, становится гигантской. Бизнес в плановой системе – это в основном заключение контрактов [1, с. 67; 2, с. 168].

Макроэкономическое регулирование в условиях плановой системы

Плановая система, как и рыночная, развивается нестабильно, нарушает соответствие между спросом и предложением товаров. Недостаточность эффективного спроса (использования покупательной способности) вызывает спады экономической активности. Неуверенность в превращении сбережений в расходы сильно влияет на плановую систему, а корректирующий механизм отсутствует. Решения об объеме сбережений и инвестициях принимаются сравнительно небольшим числом крупных корпораций. Речь идет об огромных суммах, и нет никакого механизма, который обеспечивал бы соответствие плановых решений [2, с. 230–232].

Дж. К. Гэлбрейт обстоятельно рассматривал проблему формирования спроса в индустриальной системе. Управление спросом стало обширной, быстро растущей отраслью экономики, охватывающей громадную систему средств массовой информации, широкую сеть бытовых и торговых организаций, рекламу, многочисленные прикладные исследования, профессиональное обучение и другие подобные услуги. Эта гигантская машина управляет покупками конечных потребителей – частных лиц и государства. Для эффективного контроля над потребительским спросом приходится управлять способом расходования и размером дохода, идущего на потребление. Руководство спросом распространяется на отдельные виды товаров и на всю продукцию. Необходимость контроля над поведением потребителя и поддержание совокупного спроса – неотъемлемая часть планирования индустриальной системы [1, с. 247–248].

Ученый поставил под сомнение одну из базовых исходных предпосылок неоклассической модели рыночной экономики – суверенитет, «всевластие» потребителя. Почти во всех исследованиях и учебниках по экономике предполагается, что инициатива исходит от потребителя, который под воздействием своих потребностей покупает на рынке товары и услуги. Рынок, в свою очередь, передает предприятиям-производителям информацию о возможностях получения прибыли, а реакция на информацию рынка означает удовлетворение желания потребителя. Поток указаний передается в одном направлении – от потребителя к рынку и от него к производству [1, с. 259].

В индустриальной системе наблюдается обратная последовательность информационного воздействия на взаимное приспособление спроса и предложения товаров и услуг. Крупная корпорация способна контролировать цены своих закупок и продаж, управлять покупками потребителя. Измененная последовательность опирается на мотивацию технотрактуры, стремящейся полнее подчинить своим целям социальные установки и цели. Господствующие в обществе взгляды формируются теми, кто производит товары. Приспособление рыночного поведения потребителя и социальных установок к нуждам производителя и к целям технотрактуры становится незаменимым элементом индустриальной системы [1, с. 260].

Первостепенную важность в корпоративном секторе приобретает регулирование общего, совокупного спроса посредством поддержания занятости и доходов населения. Необходимо надежно обеспечить достаточный уровень покупательной способности для поглощения произведенной продукции индустриальной системы по установленным ценам. На такой императив опиралась кейнсианская революция в экономической науке. Производство для текущего потребления более стабильно, чем производство для инвестирования, которое зависит от изменений оценки неопределенного будущего [1, с. 268–269].

В индустриальной системе размеры сбережений и инвестиции имеют тенденцию расти и падать одновременно. Но это не означает, что они будут равны, что инвестиции поглотят сбережения. В организованной экономике не существует механизма взаимного уравновешивания решений относительно объемов сбережений и инвестиций. Регулирование спроса требует значительного расширения государственного вмешательства в экономику, и налоговая система может превратиться из средства повышения государственных доходов в инструмент управления спросом [1, с. 270, 275].

В плановой системе бездействует механизм обратной связи (гибкость цен и заработной платы), который помогает стабилизировать рыночную систему и сдерживает тенденцию кумулятивного эффекта сжатия спроса. Контролируемые фирмами цены не падают. Находящуюся под контролем профсоюзов заработную плату практически нельзя понизить. Следовательно, падающий спрос невозможно поддерживать снижением цен, а сокращение заработной платы не компенсируется увеличением занятости. Уменьшение спроса в плановой системе непосредственно воздействует на

объем производства и занятость во всей национальной экономике, в том числе в рыночной системе [2, с. 233].

Признание наличия понижательных тенденций в современной экономике и отсутствия у нее способности их самоограничения или самоконтроля привели в 30-е гг. прошлого века к кейнсианской революции, которая первоначально предполагала, что правительству следует увеличивать гражданские расходы на общественные нужды, не покрываемые налогами, чтобы ликвидировать недостаток совокупного спроса. Но после Второй мировой войны правительственная политика уже полностью отвечала потребностям плановой системы, сумевшей свести на нет кейнсианскую революцию. Общественные расходы были установлены на постоянно высоком уровне и шли в основном на военно-техническое или промышленное развитие, гарантировали прямую поддержку плановой системы, не подвергались критике и служили высшим интересам национальной безопасности или другим национальным интересам. При помощи регулирования доходов была достигнута относительная стабильность [2, с. 234].

Ученый-экономист указал на нерелевантность концепций своих научных оппонентов, на то, что никто не заметил, как плановая система приспособила кейнсианскую теорию к своим нуждам. Три основных положения кейнсианской и неоклассической теории способствовали искажению реальности. Во-первых, предотвращение безработицы наряду с удовлетворительными темпами роста экономики считались важнее вопросов руководства и доходов. Во-вторых, отрицали, что вопрос о военных расходах – это функциональная часть экономической теории. Наконец, существовало разделение науки на макроэкономику и микроэкономику, которая рассматривала фирму как полностью подчиненную рынку. Не изучали влияние корпораций на государственные расходы. Подчинение макроэкономической политики правительства интересам плановой системы было надежно скрыто от серьезного исследования [2, с. 235–236].

Богатый эвристический потенциал нового концептуального подхода Дж. К. Гэлбрейт продемонстрировал, объясняя взаимосвязь устойчивой тенденции к инфляции в национальной экономике с функционированием плановой системы. Рыночная система может нести потери от инфляции в условиях длительного повышения цен, но с такой инфляционной динамикой легко бороться, поскольку она органически не присуща рыночному сектору экономики. Иное положение в плановой системе, где обычно

легко удовлетворяются требования профсоюзов о повышении заработной платы наемных работников, так как крупные фирмы способны регулировать цены на свою продукцию и компенсировать возросшие издержки. Если в условиях высоких цен спрос заметно опускается ниже возможностей рынка, то государство устраняет возникший недостаток. Поскольку плановая система предоставлена сама себе и обладает контролем над совокупным спросом, в ней будет наблюдаться постоянный рост заработной платы и цен [2, с. 238–240].

В послевоенное время всем индустриально развитым странам удалось преодолеть понижающую тенденцию плановой системы – кумулятивную нисходящую спираль в заработной плате, ценах и производстве. Напротив, они столкнулись с повышающей тенденцией – инфляцией. Как и в случае с кумулятивным спадом, инфляция стала распространяться за пределы плановой системы, нарушая структуру заработной платы и издержек в рыночной системе и государственном секторе экономики, где увеличение зарплаты не компенсировалось ростом производительности труда. Уязвимость экономики от спадов и инфляции обуславливалась ростом плановой системы и связанным с ним возникновением современных профсоюзов [2, с. 241].

При достаточно высоком уровне совокупного спроса цены и ставки заработной платы, а также оплата «белых воротничков» и членов технотехники в индустриальной плановой системе становятся неустойчивыми, подталкивают друг друга вверх в поступательной спирали, которая представляет собой функциональную противоположность безработицы. При повышении оплаты до уровня, освобождающего от постоянной нужды, рабочие предпочитают умеренный рост заработка при стабильных ценах более значительному росту доходов, сопровождаемому частичной их потерей из-за роста стоимости жизни. Повышение производительности труда благодаря техническому прогрессу и инвестициям позволяет корпорации ежегодно увеличивать ставки заработной платы без подъема цен и сокращения прибылей, соглашаться на стабилизацию цен в качестве своего вклада в договоренность с рабочими. Государству остается лишь проявить инициативу в осуществлении такого регулирования. Стало быть, нет альтернативы государству, венчающему здание планирования [1, с. 297, 304, 307, 311].

Рассмотрение причин и последствий систематической инфляции завершалось выпадом в адрес либерально-рыночного фундаментализ-

ма. Ученый-экономист констатировал, что если фирма не находится больше во власти рынка и если планирование обуславливает необходимость вмешательства государства ради установления определенного уровня цен и зарплаты, «от неоклассической теории не остается камня на камне». Невозможно существование рыночной системы, в которой в массовом порядке осуществляется регулирование заработной платы и цен [2, с. 244].

Дж. К. Гэлбрейт доказывал неэффективность попыток антиинфляционного сокращения совокупного спроса по рецептам ортодоксальной рыночной теории. Основные способы ограничения спроса: уменьшение государственных и частных расходов, сокращение частных расходов за счет заемных средств и повышения налогов – оказывают незначительное воздействие на плановую систему. Государственные расходы на приобретение товаров и удовлетворение потребностей плановой системы не могут быть сокращены в больших размерах в силу национальных интересов. Отсрочка, снижение или отказ от расходов будет, прежде всего, касаться затрат на социальные нужды: жилищное строительство, городское хозяйство, образование и т.д. Бюджетные ограничения будут сказываться на гражданских службах государственного сектора рыночной системы. При повышении процентных ставок и уменьшении предложения заемных средств плановая система активно использует для инвестиций свои доходы и накопления. Затраты, которые могут возникнуть в результате повышения налогов на товары, услуги и доходы, плановая система может переложить на общество. Если налоги повлияют на уровень доходов, расплачиваться будут владельцы корпораций, а не члены технотехники [2, с. 246–248].

Резюме специалиста звучало иронично. Предпринимаемые меры оказываются неэффективными, создают затруднения и не компенсируются за счет стабильности цен. Ограничение совокупного спроса воздействует в первую очередь на рыночную систему, оказывает отрицательное воздействие на экономический рост, вступает в конфликт с целями плановой системы. Как бы это ни противоречило неоклассической теории, непосредственные мероприятия государства в отношении зарплаты и цен становятся неизбежными. Обстоятельства, как это часто бывает, безжалостно опрокидывают самую необходимую доктрину [2, с. 235–236].

Достойна внимания постановка Дж. К. Гэлбрейтом вопроса о взаимовыгодном, неразрывном взаимодействии индустриальной плановой

системы и государства. В важнейших делах корпорация служит орудием государства, а правящая власть выступает орудием индустриальной системы. Если общество одобряет и восхваляет делание денег как высшую социальную задачу, то государственные служащие считают естественным «продавать себя или свои решения по цене, приемлемой для покупателей» [1, с. 354]. Корпорации влияют на государство гораздо сильнее, чем предпринимательское сословие рыночной системы. Казенные заказы на военную и другую технику служат надежной основой для наиболее развитых форм планирования. Военные расходы делают государственный сектор большим, без них бюджет правительства резко бы уменьшился. Недостаточно, чтобы государственные расходы на иные цели количественно компенсировали сокращение военных расходов. Остаются вопросы о том, кто будет выступать гарантом новой техники и планирования индустриальной системы. Социальные расходы не могут решить названных проблем. Только затраты на развитие техники способны заменить военные расходы [1, с. 280, 350].

Техноструктура солидарна с деятельностью государства, приспособленной к ее интересам. Когда планирование заменяет рынок, а денежное вознаграждение дополняется отождествлением и приспособлением целей, четкой границы, отделяющей государство от частной фирмы, уже не существует, она становится условной. Обе организации важны друг для друга. Их представители общаются в повседневной работе. Каждая из этих организаций начинает разделять цели другой, каждая приспособливает их к собственным целям. Каждая из них представляет собой продолжение другой [1, с. 365, 369].

Отступление от темы: реминисценции теории государственно-монополистического капитализма В. И. Ульянова-Ленина в концепции государственно-корпоративной экономики Дж. К. Гэлбрейта

Чтение книг Дж. К. Гэлбрейта «Новое индустриальное общество» и «Экономические теории и цели общества» вызывает ощущение реминисценции (неявного цитирования, мысленной отсылки, воспоминания) наиболее известных произведений В. И. Ульянова-Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» и «О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия)».

Концептуальное видение поименованных авторов направлено на осмысление закономерностей развития и трансформации системы

капиталистической рыночной экономики. Теоретическая модель свободной рыночной конкуренции предпринимателей – частных собственников своих предприятий – опирается на ряд исходных предпосылок. Национальная экономика успешно развивается благодаря стихийному рыночному регулированию: взаимодействия спроса и предложения товаров и услуг посредством механизма цен; объемов производства и инвестиций посредством механизма получения прибыли; соотношения сбережений и инвестиций посредством механизма выплаты процента на вложенный капитал; занятости (безработицы) посредством механизма заработной платы и создания (сокращения) рабочих мест. Однако эволюция приводит к превращению основных свойств частнокапиталистической рыночной системы в свою противоположность.

Рыночная конкуренция ради увеличения прибыли вынуждает частных предпринимателей внедрять в производство инновации, достижения научно-технического прогресса. Повышение технического уровня, выпуск новой техники, применение передовых технологий, рост квалификации кадров сопровождаются концентрацией производства и капитала, ростом размеров и изменением организационных форм предприятий, возникновением крупных корпоративных структур, которые выходят за пределы частнокапиталистической рыночной системы. Складываются предпосылки замены стихийной рыночной конкуренции планомерной организацией производства, распределения, торговли и потребления.

Изменяется расстановка сил хозяйствующих субъектов в экономике и обществе. Управленцы крупного корпоративного бизнеса укрепляют свои властные полномочия, оттесняют на второй план интересы собственников капитала, наращивают воздействие на формирование общественного мнения и социальных целей, подчиняют своим интересам функционирование государственного аппарата, заставляют государство включаться в систему планомерной организации производства и расширять ее сферу до масштабов всей национальной экономики.

Сектор крупных корпораций, вырастая из сектора частнокапиталистического рыночного товарного производства, не устраняет, а сохраняет и эксплуатирует его, существует как господствующая надстройка. В иерархии секторов (укладов) национальной экономики государство и крупный корпоративный бизнес доминируют над частным капиталистическим предпринимательством, мелким товарным производством и потребителями.

Государство венчает иерархическую структуру экономики, формирует и обеспечивает достижение комплекса общенациональных целей, реализует интересы различных социальных слоев населения. Приоритет интересов и целей крупных корпоративных структур в политике правящей власти означает функционирование национальной экономики в режиме государственного капитализма. Подчинение политики правительства интересам и целям максимально широких социальных групп соответствует развитию национальной экономики в режиме государственного социализма.

Систематически подобранные цитаты из работ В. И. Ленина достаточно полно реконструируют логику теоретических построений Дж. К. Гэлбрейта. Но при сопоставлении взглядов авторов следует учитывать возникающие терминологические проблемы, оговаривать условную синонимичность используемых понятий. Как уже отмечалось выше, Дж. К. Гэлбрейт называл сектор крупных корпораций индустриальной системой, плановой системой. В. И. Ленин для характеристики корпоративного сектора применял термин «монополия», но не ограничивал его использование отраслями крупной корпоративной индустрии, а писал также о финансовой монополии, монопольном положении экономически развитых стран; кроме того, понятие монополии определяло специфическую рыночную ситуацию, противоположную состоянию свободной конкуренции. Такая терминологическая многозначность была органически присуща научно-публицистическому стилю ленинских произведений

Прогресс производства, достижения науки и техники, поощрявшие инновации в различных сферах общества, сопровождались преобразованиями в организации производства, транспорта, торговли, трансформацией механизмов и режимов хозяйственного регулирования. В. И. Ленин показывал взаимосвязь этих тенденций эволюции экономики на рубеже XIX–XX вв., констатируя, что громадный рост промышленности и процесс сосредоточения производства во все более крупных предприятиях – одна из наиболее характерных особенностей капитализма. Концентрация вплотную подводит к монополии. Ибо нескольким десяткам гигантских предприятий легко прийти к соглашению между собой. Крупный размер предприятий затрудняет конкуренцию, порождает тенденцию к монополии. Превращение конкуренции в монополию – одно из важнейших явлений в экономике новейшего капитализма. Высокий технический уровень крупных предприятий

создает тенденцию к монополии. Концентрация заставляет затрачивать на предприятие громадные суммы капитала, затрудняя появление новых предприятий. А каждое новое предприятие, которое хочет стать на уровне гигантских предприятий, должно производить такое громадное избыточное количество продуктов, что прибыльная продажа их возможна только при необыкновенном увеличении спроса; в противном случае этот избыток продуктов понизит цены до невыгодного уровня [3, с. 310–314].

Особое внимание В. И. Ленин уделил изменениям в социальных функциях субъектов хозяйственной деятельности и укреплению позиций крупного корпоративного бизнеса в сфере формирования общественного мнения, выбора целей и средств экономической политики. Капитализму вообще свойственно отделение собственности на капитал от приложения капитала к производству, отделение денежного капитала от промышленного, отделение рантье, живущего только доходом с денежного капитала, от предпринимателя и всех непосредственно участвующих в распоряжении капиталом лиц. Монополия, раз она сложилась и ворочает миллиардами, с абсолютной неизбежностью пронизывает все стороны общественной жизни, независимо от политического устройства и других «частностей» [3, с. 355–356].

В. И. Ленин указывал вектор социально-экономической эволюции и выявлял ее закономерности. Свободная конкуренция порождает концентрацию производства и на известной ступени своего развития ведет к монополии. Порождение монополии концентрацией производства является общим и основным законом современной стадии развития капитализма. Картели договариваются об условиях продажи, сроках платежа, делят между собой области сбыта, определяют количество производимых продуктов, устанавливают цены, распределяют между отдельными предприятиями прибыль и т.д. Монополия обеспечивает гигантские доходы и ведет к образованию технически-производственных единиц необъятного размера. Конкуренция превращается в монополию. Получается гигантское обобществление производства и процесса технических изобретений и усовершенствований [3, с. 315–320].

Это уже не старая свободная конкуренция раздробленных и незнающих ничего друг о друге хозяев, производящих для сбыта на неизвестном рынке. Концентрация позволяет произвести приблизительный учет всех источников сырых материалов во всем мире и захватить их гигантскими монополистическими союзами.

Осуществляется оценка размеров рынка и его раздел между этими союзами. Монополизуются обученные рабочие силы, нанимаются лучшие инженеры, захватываются пути и средства сообщения. Капиталисты втягиваются в новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению. Общие рамки формально признаваемой свободной конкуренции остаются, но усиливается господство немногих монополистов над некартелированным бизнесом и населением [3, с. 320–321].

Диалектическое развитие капитализма сопровождается переходом количественных изменений в преобразование его качественных свойств, временным разрешением социально-экономических противоречий в виде воспроизводства их на новом историческом уровне. В. И. Ленин отмечал, что некоторые основные свойства капитализма стали превращаться в свою противоположность, обнаружились черты переходной эпохи от капитализма к более высокому общественно-экономическому укладу. Свободная конкуренция есть основное свойство капитализма и товарного производства, но она стала превращаться в свою прямую противоположность – монополию, создавая крупное производство, вытесняя мелкое, заменяя крупное крупнейшим. Из концентрации производства и капитала вырастает монополия: картели, синдикаты, тресты, сливающийся с ними капитал банков. В то же время монополии, вырастая из свободной конкуренции, не устраняют ее, а существуют над ней и рядом с ней, порождая ряд особенно острых и крутых противоречий, трений, конфликтов. Монополия есть переход от капитализма к более высокому строю [3, с. 385–386].

Система крупных корпораций перерастает узкие границы стихийной свободной конкуренции, создает предпосылки обобществления и планомерной организации экономики в громадных масштабах. Закономерность происходивших перемен подчеркивал В. И. Ленин: «Когда крупное предприятие становится гигантским и планомерно, на основании точного учета массовых данных, организует доставку первоначального сырого материала в размерах: $\frac{2}{3}$ или $\frac{3}{4}$ всего необходимого для десятков миллионов населения; когда систематически организуется перевозка этого сырья в наиболее удобные пункты производства, отделенного иногда сотнями и тысячами верст один от другого; когда из одного центра распоряжаются всеми стадиями последовательной обработки материала вплоть до получения целого ряда разновидностей готовых

продуктов; когда распределение этих продуктов совершается по одному плану между десятками и сотнями миллионов потребителей; ... тогда становится очевидным, что перед нами налицо обобществление производства; ... что частнохозяйственные и частнособственнические отношения составляют оболочку, которая уже не соответствует содержанию, ... но которая все же неизбежно будет устранена» [3, с. 425].

Политико-экономическая система, в понимании В. И. Ленина, была многомерной, противоречивой, иерархически организованной, отражала расстановку социальных сил в стране. Теоретическая модель российского хозяйства столетней давности сочетала элементы капитализма и социализма, представляла собой многоуровневую структуру общественно-экономических укладов: 1) натуральное хозяйство; 2) мелкое товарное производство; 3) частнохозяйственный капитализм; 4) государственный капитализм; 5) социализм [4, с. 207].

Взаимодействие укладов на вершине иерархии – крупного корпоративного сектора и государственного аппарата – обуславливало историческую специфику национальной экономики. Социально-экономический строй в стране определялся политической надстройкой – государством, а также проводимой правящей властью политикой. Этот тезис В. И. Ленина доказывал в полемической манере. Конкретным примером государственного капитализма называлась Германия с современной крупнокапиталистической техникой и планомерной организацией, *подчиненной юнкерско-буржуазному империализму*. «Откиньте подчеркнутые слова, поставьте на место государства военного, юнкерского, буржуазного, империалистического тоже государство, но государство иного социального типа, иного классового содержания, государство советское, т.е. пролетарское, и вы получите всю ту сумму условий, которая дает социализм. Социализм немыслим без крупнокапиталистической техники, построенной по последнему слову новейшей науки, без планомерной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов» [4, с. 210].

В. И. Ленин был убежден в объективной обусловленности перехода от государственно-буржуазной политико-экономической системы к социалистическому государственному устройству: «Попробуйте подставить вместо ... помещичье-капиталистического государства, государство революционно-демократическое, т.е. революционно разрушающее всякие при-

вилегии, не боящееся революционно осуществлять самый полный демократизм? Вы увидите, что государственно-монополистический капитализм при действительно революционно-демократическом государстве неминуемо, неизбежно означает шаг к социализму. Ибо социализм есть ... ближайший шаг вперед от государственно-капиталистической монополии. Государственно-монополистический капитализм есть полнейшая материальная подготовка социализма, есть преддверие его, есть та ступенька исторической лестницы, между которой (ступенькой) и ступенькой, называемой социализм, никаких промежуточных ступеней нет» [4, с. 213].

Приведенная подборка ленинских цитат может восприниматься неоднозначно. Если ее считать произвольной «подгонкой» под концептуальные схемы Дж. К. Гэлбрейта, то возникают сомнения в правомерности сопоставлений взглядов названных авторов. Если же учесть, что обе рассмотренные работы В. И. Ленина были переведены и изданы на английском языке, и с ними, вполне вероятно, был знаком Дж. К. Гэлбрейт, то постановка проблемы реминисценции воззрений двух теоретиков выглядит корректной.

Политическая экономия «нового социализма»

Вызывают восхищение нравственная позиция и гражданское мужество Дж. К. Гэлбрейта в раскрытии социально-экономических противоречий и даже пороков эволюции индустриального общества (государства) под воздействием плановой системы корпоративного сектора, смелость в обосновании необходимости и возможности реформирования современной ему американской экономики на основе модели «нового социализма». При более широком взгляде поставленная проблема далеко выходила за пределы Соединенных Штатов, побуждала к критическому переосмыслению послевоенного опыта политико-экономического развития стран Западной и Восточной Европы, Советского Союза. Конвергентная политическая экономия Дж. К. Гэлбрейта предлагает надежный теоретико-методологический ключ к пониманию тенденций и закономерностей эволюции экономической системы и экономической политики Российской Федерации последних трех десятилетий.

В рассуждениях звучал призыв к преобразованиям и преодолению «провалов» плановой системы и поддерживающей ее государственной политики. Ученый сомневался, что экономическая система имеет тенденцию

к самосовершенствованию. Неравномерное развитие, неравенство, никчемные и вредные нововведения, ущерб окружающей среде, пренебрежение интересами отдельной личности, власть над государством, инфляция, неспособность наладить координацию между отраслями – составные части системы и реальности. Это глубоко присущие системе дефекты. Власть крупного бизнеса органически распространяется на государство – естественный источник реформ, воздействует на общественное мнение. Огромное влияние на формирование взглядов в обществе оказывает система образования; для системы власти жизненно важна точка зрения, излагаемая в наиболее авторитетных учебных курсах [2, с. 269–270].

По разумению мыслителя, реформа должна опираться на рост критического отношения к стремлению технократии попираť личность, к закабалению людей ради ее интересов. Недостатки системы реальные, болезненные, угнетающие. При помощи убеждения можно преодолеть все, кроме собственных интересов и упорного сопротивления поразительного числа людей, которых стремятся обмануть. Реформа не начинается с законов или правительства. Она начинается с изменения взглядов на экономическую систему, с мнений. То, во что верят люди, можно изменить не доводами, а «железной логикой обстоятельств» [2, с. 269–270].

Дж. К. Гэлбрейт писал об общей теории реформ, намечал контуры стратегии экономической реформы, обсуждал последовательность ее шагов и конкретных мер. Прежде чем государство сможет осуществлять регулирование плановой системы, надо понять, что интересы общественности и плановой системы обычно не совпадают и что перестройка с помощью регулирования – это естественный, а не исключительный процесс. Государство должно быть освобождено от власти плановой системы. Только в народном (public) государстве, используемом в интересах общества, в отличие от государства, в котором командует плановая система, возможно осуществление реформ [2, с. 276, 280].

Глубоким и вдумчивым было размышление по поводу спорного тезиса о том, что государственная собственность – лучшее средство против частного проявления власти. Государственная собственность не дает многообещающего решения проблемы власти, осуществляемой частным образом, если государство оказывается инструментом этой власти, если государство не освобождено от контроля плановой системы. Проблема власти возникает не из-за того, что

организации частные, а из-за того, что любая организация отвергает вмешательство извне и свыше. Однако это не исключает правильно понимаемой государственной собственности в управлении властью. Сотрудничество и взаимная помощь государственных и частных организаций усиливают их власть за счет разделения труда [2, с. 278–279].

Выделяя три этапа реформ, Дж. К. Гэлбрейт неожиданно использовал термин «новый социализм», причем связал его с усилением частнохозяйственных отношений, с укреплением позиций и созданием условий для успешного развития рыночной системы в национальной экономике. В первую очередь, ученый-экономист предлагал радикально усилить влияние и возможности рыночной системы, повысить уровень ее развития и конкурентоспособности, уменьшить ее эксплуатацию плановой системой, сократить неравенство в доходах между системами. Этот концептуальный подход (экономическую модель) можно назвать «новым социализмом» [2, с. 280–281].

Затем приходит очередь политики упорядочения целей плановой системы, чтобы они не определяли интересы общества, а служили им. Необходимо ограничение использования ресурсов в чрезмерно развитых областях, переключение государства на обслуживание общества, а не плановой системы, защиту окружающей среды, подчинение технологии общественным, а не технократическим интересам. Наконец, нужно управлять не одной экономикой, а двумя: одна из них подчинена рынку, а другая планируется составляющими ее крупными фирмами [2, с. 281].

Неравнодушно обсуждал Дж. К. Гэлбрейт решение самой трудной задачи реформы – раскрепощения мнений, поскольку власть, основанная на мнении, необыкновенно авторитарна и при полном господстве исключает любую мысль, способную ослабить ее узы. Необходимо освободиться от доктрин, которые заставляют людей служить не самим себе, а плановой системе крупных корпораций, интересам и власти корпоративной и государственной бюрократии. Отважный мыслитель призывал обезвредить инструменты, используемые для увековечивания мифа о том, что интересы техноструктуры плановой системы совпадают с интересами отдельного человека [2, с. 282, 286].

Список «вредоносных» инструментов включает четыре позиции. Во-первых, современное экономическое образование служит не пониманию, а обеспечению интересов плановой системы. Оно построено довольно наивно, что-

бы не дать отдельному человеку возможности понять, как им управляют, и приспособить его взгляды к интересам господствующей социально-экономической системы. Во-вторых, ориентация современной системы образования на преподавание неоклассической экономической теории, на формирование в процессе преподавания стандартного набора идей, прагматичного восприятия жизненных успехов, связанных с доходом и потреблением, на отказ от обучения творчеству и искусству. В-третьих, безоговорочное принятие современной реакции на рекламу и другие формы убеждения, используемые производителями. В-четвертых, выработка государственной политики, обеспечивающей доминирование в обществе интересов крупного корпоративного бизнеса [2, с. 286–287].

Краткий обзор специфики формирования общественного мнения совместными усилиями корпоративной и государственной бюрократии позволил Дж. К. Гэлбрейту показать схожие черты реализации власти плановой системы в экономиках западного типа и советского типа, обратить внимание на конвергенцию в эволюции обеих альтернативных политико-экономических моделей.

Всякое планирование стремится завоевать контроль над мнением – заставить людей подчиняться в мыслях и действиях тому, что выгодно для тех, кто осуществляет планирование. В экономике советского типа это достигалось формальным декретированием – здесь проводилась правильная и неизменная линия, которая, однако, время от времени корректировалась по мере изменения планирующих органов. В экономиках западного типа мнение, которое угодно плановой системе, достигается во имя либерализма. Оно считается комплексом выводов, к которым приходит человек, обладающий здравым смыслом и разумом в результате приемлемой в научном отношении подготовки. Мнение, не выгодное плановой системе, не подавляется; оно либо игнорируется, либо клеймится как эксцентричное, ненаучное, не обладающее научной точностью или респектабельностью, либо порочное в других отношениях [2, с. 289–290].

Тенденции конвергентной эволюции экономических систем

Дж. К. Гэлбрейт обосновывал логически целостное концептуальное понимание объективной обусловленности конвергенции в развитии моделей экономики западного и советского типа, образно, полемично выявлял общие черты двух систем планирования. «Враги рынка» – не

идеология и социалисты, а инженер и передовая техника, диктуемая ею специализация рабочей силы и производственных процессов, продолжительность периода производства, потребность в капитале. Нельзя производить технически сложную продукцию в условиях нефиксированных цен и неуправляемого спроса. Рыночный механизм начинает отказывать, когда нужна исключительно высокая надежность, когда жизненно важным становится планирование. Аппарат социалистического планирования и современная крупная корпорация – это варианты приспособления к одной и той же необходимости. В экономике советского типа цены в значительной степени регулировались государством, а объем продукции определялся не рыночным спросом, а общим планом. В экономиках западных стран крупные фирмы господствуют на рынках, устанавливают цены и стремятся обеспечить спрос на продаваемую продукцию [1, с. 70–71].

Конвергенция сопоставляемых разновидностей мировых экономических систем – индустриально развитых стран первого (западного) мира и второго (социалистического) мира – подтверждалась серьезным сравнительным анализом планирования процессов накопления и инвестирования капитала. Продолжительность и специфика производства передовой техники предполагает большие затраты капитала, которые современная экономика в состоянии предоставить в размерах, даже превышающих потребность. Предложение капитала планируется теми, кто его использует в крупных масштабах, дабы свести к минимуму зависимость от рынка инвестиций [1, с. 72].

Всякое планирование отличается от рынка отсутствием механизма взаимного приспособления предложения к спросу, в том числе и предложения сбережений, используемых для капиталовложений. Поэтому периодически возникает тенденция к образованию избыточных сбережений, вызывая потребность в дополнительном планировании, которое осуществляет государство с целью превращения сбережений в инвестиции [1, с. 72–73].

Во всех индустриально развитых странах решение о сбережениях принимает не потребитель, а другая инстанция. В Советском Союзе и странах Восточной Европы было директивное планирование, и часть дохода удерживалась для вложений капитала промышленными предприятиями и особенно государством. В США и странах с экономикой западного типа инструментом планирования служит корпорация, осуществляющая удержание дохода [1, с. 76].

Параллель плановой индустриальной системы западных корпораций с директивно-плановой советской экономикой очевидна: в обоих случаях решения принимали организации. В полемике по социальным вопросам не следует заходить далеко. Между двумя системами наблюдались значительные различия в степени централизации планирования сбережений и методах их аккумуляции. Но в сфере предложения капитала индустриализация независимо от различий в путях, которыми она проходила, выдвигала настоятельные требования, приводившие к конвергенции систем [1, с. 78–79].

Государство использует свою власть в сфере налогообложения и расходов, чтобы обеспечить равновесие, которое индустриальная система крупных предприятий не может самостоятельно установить. Государство возмещает недостающий элемент в планировании сбережений, составляя неотъемлемую часть современного промышленного планирования [1, с. 81–82].

Парадокс заключается в том, что меры, которые обеспечивают использование сбережений, одновременно способствуют расширению их предложения. Чем эффективнее сбережения поглощаются инвестициями, тем выше доход и больше объем самих сбережений. Не нехватка сбережений, а спад, возникающий из-за неспособности использовать все имеющиеся сбережения, – вот призрак, который преследует всех отвечающих за экономическую политику. Превышение капиталовложений над сбережениями (по крайней мере, в мирное время) – явление исключительное [1, с. 83].

Исследование конвергенции альтернативных социально-экономических систем Дж. К. Гэлбрейт продолжил в сфере экономической политики, рассматривая некоторые аспекты проблемы социализма (равенства и социальной справедливости) как идеологии, политической программы и практического опыта реализации, в частности в СССР. Ученый смело и мужественно предлагал перспективу реформирования американской модели экономики на основе принципов «нового социализма», противопоставляя его доминированию и реализации интересов техноструктуры, без околичностей называя современную корпорацию инструментом сохранения неравенства [2, с. 340].

Дж. К. Гэлбрейт показал сложность проблем, возникающих при попытках поставить под государственный или общественный контроль деятельность крупных корпораций, принудить техноструктуру плановой системы действовать в личных и социальных интере-

сах людей. Независимо от государственной или частной собственности корпораций, технoструктура обладает относительной самостоятельностью, сходными полномочиями и использует одинаковые групповые методы для принятия текущих решений и разработки стратегии своей экономической политики [1, с. 143–144].

Беда демократического социализма – это одновременно и беда капиталистов-предпринимателей. Как только последние лишаются возможности осуществлять контроль, демократический социализм перестает быть альтернативой. Сложная техника и планирование, рост масштабов деятельности, лишившие власти капиталиста-акционера и передавшие ее в руки технoструктуре, сделали контроль невозможным и для общества. Почти во всем некоммунистическом мире социализм стал устаревшим лозунгом в смысле государственной собственности на промышленные предприятия. Переход власти к технoструктуре лишает смысла борьбу за демократический социализм, если приходится выбирать между эффективностью без общественного контроля и неэффективным общественным контролем. Проблема заключается в следующем: можно ли приспособить технoструктуру к общественным целям или, наоборот, общество должно приспособиться к ее нуждам. Юридический характер собственности, безусловно, влияет на возможность приспособления к общественным целям [1, с. 148].

Необычно выглядела компаративистика исследователя, отмечавшего, что потребность в самостоятельности, необходимой для эффективной деятельности технoструктуры, испытывала фирма и в условиях экономики советского типа. Она обуславливалась необходимостью объединения людей, располагающих специальной информацией. Здесь не было никаких отличительных особенностей экономической системы и можно было обойтись без идеологии. Потребность в самостоятельности для советской фирмы была несколько меньше, поскольку ее функции были проще, чем у американского предприятия сравнимых размеров и в той же отрасли. Большую часть плановой работы, которую проделывала американская или западноевропейская фирма, в экономике советского типа осуществлял государственный аппарат. Почти все главные посты в советской фирме занимали инженеры, что означало большую озабоченность техническими и управленческими функциями в отличие от функций плановых [1, с. 149–150].

Дж. К. Гэлбрейт констатировал, что в СССР провозглашался полный общественный контроль над промышленным предприятием подобно контролю акционеров и советов директоров в корпорациях США. Но на практике советскому предприятию предоставлялась значительная и все возрастающая самостоятельность (вероятно, речь шла о проводившейся с 1965 г. реформе под руководством А. Н. Косыгина). Частичная децентрализация управления в экономике Советского Союза ошибочно провозглашалась на Западе шагом в сторону рыночного контроля. Крупной советской фирме не грозила опасность попасть под неконтролируемое воздействие рыночных сил в области сбыта продукции, снабжения, обеспечения рабочей силой и в вопросах формирования производственной политики. Это было не более возможно, чем в Соединенных Штатах [1, с. 152].

Децентрализация в экономических системах советского типа означала не возврат к рынку, а перемещение некоторых плановых функций от государства к фирме. Технoструктура советской фирмы испытывала потребность в экономических рычагах, необходимых для успешной деятельности в условиях самостоятельности. Конвергенция с западной системой не означала возвращения советской системы к рынку, поскольку обе системы переросли ограничения и механизм рынка. Явная конвергенция происходила в направлении одинаковых форм планирования. Важными для социалистических и несоциалистических систем оставались следующие вопросы: что технoструктура собиралась делать с требуемой самостоятельностью, каковы ее цели и соответствовали ли они общественным целям, каково взаимодействие между ними [1, с. 152–153]?

Исследование тенденций конвергентной эволюции завершалось размышлениями Дж. К. Гэлбрейта о возможных перспективах координации и планирования в экономике западного типа. Поскольку в плановой системе существует большая вероятность периодического нарушения согласованности между реализующими свои интересы частями, государству придется предпринять шаги с целью осуществления координации, распространить всеобщее планирование и на плановую систему. Этот следующий необходимый шаг в экономическом развитии твердо опирается на логику плановой системы. Для координации роста в различных частях экономики должен быть создан государственный плановый орган, подчиненный законодательным властям и решению трудных проблем общественной компетенции.

Требуется планирование, которое служит общественным интересам, а не интересам плановой системы. Больше не существует тенденции к тому, чтобы дела улаживались сами собой [2, с. 396–397, 400].

Заключение

Проведенный научный анализ не укладывается в обычные рамки реферативного обзора творений достойных представителей экономической мысли. Обращение к полувековой истории произведений Дж. К. Гэлбрейта и углубление в вековую историю работ В. И. Ульянова-Ленина лишь подчеркивает их актуальную злободневность. Рассмотренные авторские концепции позволяют весьма неожиданным образом интерпретировать эволюцию современной экономики России последних трех десятилетий как закономерную реверсивную деградацию.

Провозглашение рыночных реформ в Российской Федерации после развала СССР в 1991 г. стало поворотом «назад к рынку» от современной экономической модели индустриальной корпоративной плановой системы, которая уже превзошла, переросла рыночную систему регулирования экономики. Экономическая история нашей страны повернула вспять – от созидания к разрушению. Реализация выбранного курса – от шокового рыночного реформирования к частичному восстановлению разваленной экономики и переводу ее в режим многолетней рецессии – сопровождалась закономерными негативными результатами. Масштабы утрат частично отражает далеко неполный перечень происходивших перемен: деиндустриализация и кризисное падение обрабатывающей промышленности, ликвидация системы централизованного государственного планирования, усиление сырьевой внешнеторговой специализации и скатывание отечественной экономики на периферию мирового хозяйства, разрушение социальной сферы и фундаментальной науки, дивергенция в сопоставлении с эволюцией индустриально развитых стран. Трансформация социалистической системы государственной экономики в государственно-монополистический капитализм означала отступление назад по исторической лестнице общественно-экономических укладов.

Преодоление нынешней политической, социальной и экономической разрухи в России предполагает возвращение на путь восходящей эволюции и конвергенции. За истекшие тридцать лет «рыночной» деградации наш народ выстрадал идеологию справедливого, солидарного общества, социально ориентированного государства, модель социалистической экономики. И если россияне выберут достойную альтернативу будущего развития отечественной социально-экономической системы, то в ее обустройстве могут пригодиться идеи «нового социализма» Дж. К. Гэлбрейта, в котором сочетаются плановые и рыночные механизмы координации, реализуется государственная политика в интересах общества, широких слоев населения.

Список литературы

1. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М. : Прогресс, 1969. 480 с.
2. Гэлбрейт Дж. К. Экономические теории и цели общества. М. : Прогресс, 1976. 406 с.
3. Ленин В. И. Империализм как высшая стадия капитализма // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 27. М. : Политиздат, 1973. С. 299–426.
4. Ленин В. И. О продовольственном налоге (Значение новой политики и ее условия) // Ленин В. И. Полн. собр. соч. : в 55 т. Т. 43. М. : Политиздат, 1974. С. 205–245.

References

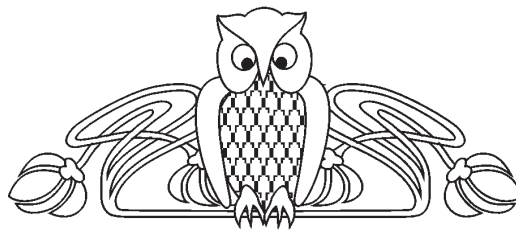
1. Galbraith J. K. *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State]. Moscow, Progress Publ., 1969. 480 p. (in Russian).
2. Galbraith J. K. *Ekonomicheskie teorii i tseli obshchestva* [Economics and the Public Purpose]. Moscow, Progress Publ., 1976. 406 p. (in Russian).
3. Lenin V. I. Imperialism, the highest stage of capitalism. In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy* : v 55 t. T. 27 [Complete Works: in 55 vols. Vol. 27]. Moscow, Politizdat, 1973, pp. 299–426 (in Russian).
4. Lenin V. I. About food tax (The meaning of the new policy and its terms). In: Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochineniy*: v 55 t. T. 43 [Complete Works: in 55 vols. Vol. 43]. Moscow, Politizdat, 1974, pp. 205–245 (in Russian).

Поступила в редакцию 10.04.2022; одобрена после рецензирования 15.05.2022; принята к публикации 10.06.2022
The article was submitted 10.04.2022; approved after reviewing 15.05.2022; accepted for publication 10.06.2022

Научная статья
УДК 336.7

Инновации российского финансового сектора экономики

А. П. Цыпин¹✉, Ю. С. Капитонова², М. А. Кузин³

¹Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Россия, 125190, г. Москва, Ленинградский просп., д. 80

²Московский государственный университет пищевых производств, Россия, 125080, г. Москва, Волоколамское ш., д. 11

³Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125167, г. Москва, Ленинградский просп., д. 49/2

Цыпин Александр Павлович, кандидат экономических наук, доцент кафедры бизнес-статистики, zipin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>

Капитонова Юлия Сергеевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления бизнесом и сервисными технологиями, kapitonovays@mgupp.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2601-8095>

Кузин Максим Алексеевич, студент 3-го курса факультета «Высшая школа управления», erfe.erf2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2608-2732>

Аннотация. Введение. Цифровые изменения, происходящие во всех сферах жизни общества, наиболее очевидны в определенных секторах, особенно в финансовом секторе. Одним из факторов современного развития устойчивой экономики является цифровизация общества, связанная с быстрым развитием информационных технологий. Информатизация этого сектора в России связана с синтезом изменений правового, экономического, социального, политического характера. **Теоретический анализ.** Статья посвящена ключевым тенденциям информатизации финансового сектора России. Рассмотрение теоретико-методологических подходов к изучению проникновения цифровых технологий в финансовый сектор показывает отставание российской практики развертывания цифровых технологий от западных практик и стремительный рост в 2020 г. под влиянием ковид-кризиса. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ основных поставщиков информационных технологий в финансовой сфере и их продуктов. Определены приоритетные направления развития информационных технологий в финансовом секторе и пути их реализации. Изучены основные подходы к укреплению информационной безопасности и надежности финансовых технологий в России. Проведен синтез материалов по исследованиям информационных технологий в финансовом секторе России. **Результаты.** Современные реалии таковы, что новые технологии, основанные на цифровых сервисах, активно внедряются в российскую практику, что изменяет структуру субъектов финансового рынка, делает финансовые продукты более доступными для граждан и бизнеса. Проникновение ИТ-компаний на рынок финансовых услуг запускает процесс трансформации доставки финансовых продуктов и услуг, финтех становится самостоятельным сектором экономики. Формат работы финансового сектора 24/7 дает пользователям круглосуточный доступ к услугам и продуктам, но при этом формирует целый спектр рисков, которые необходимо учитывать и устранять. Цифровизация финансового сектора, основанная на глобальном переосмыслении информационных решений, является ключевым условием перехода к устойчивому развитию.

Ключевые слова: цифровизация, финансовый сектор, банки, кибератаки, искусственный интеллект

Для цитирования: Цыпин А. П., Капитонова Ю. С., Кузин М. А. Инновации российского финансового сектора экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 268–276. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-268-276>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Innovations of the Russian financial sector of the economy

A. P. Tsy-pin¹✉, Yu. S. Kapitonova², M. A. Kuzin³

¹Moskovsky Financial and Industrial University «Synergy», 80 Leningradsky Prospekt, Moscow 125190, Russia

²Moskovsky State University of Food Production, 11 Volokolamskoe Sh., Moscow 125080, Russia

³Financial University under the Government of the Russian Federation, 49/2 Leningradsky Prospekt, Moscow 125167, Russia

Aleksandr P. Tsy-pin, zipin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1914-0719>

Yuliya S. Kapitonova, kapitonovays@mgupp.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2601-8095>

Maksim A. Kuzin, erfe.erf2015@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2608-2732>

Abstract. Introduction. The digital changes taking place in all spheres of society are most evident in certain sectors, especially in the financial sector. One of the factors of the modern development of a sustainable economy is the digitalization of society associated with the rapid

development of information technologies. Informatization of this sector in Russia is associated with the synthesis of legal, economic, social, political changes. **Theoretical analysis.** The article is devoted to the key trends of informatization of the financial sector of Russia. Consideration of theoretical and methodological approaches to the study of the penetration of digital technologies into the financial sector shows the lag of the Russian practice of deploying digital technologies from Western practices, and rapid growth in 2020 under the influence of the covid crisis. **Empirical analysis.** Analysis of the main suppliers of information technologies in the financial sphere and their products has been carried out. Priority directions of development of information technologies in the financial sector and ways of their implementation are identified. The main approaches to strengthening information security and reliability of financial technologies in Russia have been studied. Synthesis of materials on research of information technologies in the financial sector of Russia has been carried out. **Results.** Modern realities are such that new technologies based on digital services are actively being introduced into Russian practice, which changes the structure of financial market entities, makes financial products more accessible to citizens and businesses. The penetration of IT companies into the financial services market starts the process of transforming the delivery of financial products and services fintech becomes an independent sector of the economy. The format of the financial sector, 24/7, gives users round-the-clock access to services and products, but at the same time forms a range of risks that need to be taken into account and addressed. Digitalization of the financial sector, based on a global rethinking of information solutions, is the key to the transition to sustainable development.

Keywords: digitalization, financial sector, banks, cyberattacks, artificial intelligence

For citation: Tsy-pin A. P., Kapitonova Yu. S., Kuzin M. A. Innovations of the Russian financial sector of the economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 268–276 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-268-276>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Цифровая трансформация любого сектора экономики формируется на основе таких составляющих, как государственная политика, информационные технологии и бизнес-процессы. В то же время на первый план выходит творческая конкуренция. Эти компоненты могут обеспечить устойчивое развитие и увеличить потенциал экономики для удовлетворения потребностей общества.

Цифровая трансформация финансового сектора повышает качество и скорость взаимодействия между клиентами этого сектора и кредитными организациями, но в то же время создает дополнительные риски. В этой связи цифровые каналы доставки информации, продуктов и сервисов становятся главным конкурентным преимуществом.

Ландшафт информационной банковской безопасности постоянно меняется, что порождает новые формы обхода мер безопасности. Факторы, влияющие на банковскую безопасность, включают политическую, социальную, технологическую и законодательную составляющие. Эта взаимосвязь демонстрирует необходимость совместного рассмотрения этих аспектов, учитывая важность каждого из них для достижения запланированного результата.

Теоретический анализ

Обращаясь к освещению темы проникновения цифровых технологий в экономику в общем и в финансовый сектор в частности, находим ряд научных публикаций, заслуживающих внимание.

Коллектив авторов под руководством М. А. Барсуковой, рассматривая внедрение финансовых инноваций в контексте устойчивого

развития, приходит к выводу, что необходимо соблюдать баланс между интеграцией и координацией. Первое рассматривается как «процесс взаимодействия всех сторон хозяйственной жизни», соответственно, второе – как «осуществление прямых производственных связей между организациями региона и страны в целом на основе углубления их специализации» [1, с. 57].

А. А. Лазоренко в своем исследовании указывает, что в настоящее время все банки включились в «гонку» цифровизации, этот процесс приводит к ускорению транзакций, которые проводятся дистанционно и обрабатываются в облачных сервисах. В результате этого в среднесрочной перспективе цифровые банковские услуги займут доминирующее положение в банковской сфере [2, с. 228].

Д. З. Нагучева и А. З. Толстова в своем исследовании приходят к выводу, что накопленный российскими кредитными организациями опыт в области цифровизации, свидетельствует о готовности банков массово перейти на цифровые сервисы, что позволит ускорить бизнес-процессы и увеличить доступ клиентов к банковским продуктам [3, с. 51].

По мнению Р. А. Анюковой, финансовые инновации в текущих условиях перехода на цифровую экономику являются драйвером роста российского финансового сектора, чему способствует развитая ИТ-индустрия Российской Федерации и приток финтех из-за рубежа [4, с. 27].

Коллектив авторов (Т. В. Никитина, М. А. Гальпер, А. Д. Лучко) в качестве объекта своего исследования рассматривают Сбербанк, который в последние пять лет наращивает область цифровых банковских услуг, и приходят к выводу, что этот процесс позволил рассматриваемому

банку увеличить розничные продажи, особенно в области жилищного кредитования [5, с. 74–75].

Л. А. Петрова и Т. Е. Кузнецова, изучая цифровую трансформацию банковской сферы, указывают, что внедрение в практику таких технологий, как блокчейн, искусственные нейронные сети, машинное обучение, в конечном итоге приводит к глобальным технологическим изменениям и позволяет предлагать для клиентов более «гибкие» продукты, снижают риски и уровень мошенничества [6, с. 99–100].

О. А. Василенко, проводя исследование на реальном примере внедрения новых аналитических технологий в АО КБ «Юнистрим», приходит к выводу, что внедрение инноваций в банковскую сферу работает как мультипликатор, увеличивая эффект в реальной экономике [7, с. 88].

Рассматривая темпы цифровизации банковского сектора, Н. В. Фотиади отмечает, что в ближайшее время будут в массовом порядке вводиться такие новые технологии, как система биометрической идентификации, блокчейн и речевая аналитика, и эти инновации приведут к значительному ускорению банковских бизнес-процессов [8, с. 43–44].

Исследователь Ю. Б. Бубнова, изучая появление в банковской сфере нового игрока, а именно ИТ-компании, делает вывод о том, что «это создает серьезную конкуренцию традиционным банковским структурам и требует от них немедленной реакции» [9, с. 431].

Активное проникновение в банковскую сферу инновационных информационных технологий, по мнению Ю. А. Чернявской, приводит к ряду положительных эффектов, а именно: растет доход, увеличивается охват рынка, снижаются транзакционные издержки [10, с. 21].

Как отмечают в своей работе М. Ю. Бакиева и О. В. Гуреева, к внедрению цифровых технологий в финансовую сферу необходимо подходить осторожно, «поскольку бесконтрольный “инновационный бум” является угрозой для макроэкономического равновесия» [11, с. 18–19].

Коллектив авторов под руководством Н. В. Андреевой, изучая процесс проникновения цифровых технологий в российский банковский сектор, делают вывод, что на текущий момент в России насчитывается несколько полностью цифровых банков, и прежде всего это Тинькофф Банк. Также исследователи указывают на сложность применения ИТ-инфраструктуры, развернутой в кредитных организациях в прошлом [12, с. 417]. Все эти факторы, оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на развитие финансового сектора.

Е. В. Попова с соавторами, рассматривая закономерности развития финтех в России, отмечают положительное влияние на рост ключевых показателей таких факторов, как увеличение «валового внутреннего продукта, недостаток прямых инвестиций, распространение применения мобильных устройств среди населения, развитие фондовой биржи» [13, с. 597].

Оценивая последствия ковид-кризиса на финансовую сферу, В. Ю. Анисимова и А. С. Комисаров указывают, что одной из защитных мер банковского сектора является переход на онлайн-обслуживание и удаленную работу [14, с. 18].

Рассмотренные исследования российских ученых позволяют утверждать, что основной тенденцией последних пяти лет в финансовой сфере является переход на онлайн-работу и обслуживание клиентов. В этой связи считываем, что выбранная нами тема исследования является актуальной и своевременной.

Основной целью нашего исследования является установление ключевых тенденций развития информационных технологий в финансовом секторе Российской Федерации. Второстепенной целью выступает рассмотрение путей оптимизации существующих и прогнозируемых рисков финансового сектора путем анализа имеющихся на текущий момент информационных технологий.

Объектом данного исследования стал финансовый сектор Российской Федерации, предметом – процессы в российском финансовом секторе в результате его цифровой трансформации. Эти процессы связаны с усилением информационной составляющей, увеличением рисков кибератак и ростом киберпреступности в этом секторе.

Главной отличительной особенностью данного исследования является его междисциплинарный характер, наблюдается четкая взаимосвязь таких секторов, как информационные технологии, финансовые технологии, экономические аспекты.

Эмпирический анализ

Необходимо иметь в виду, что почти пятая часть всех кибератак в мире (17%) приходится на финансовый сектор. Такие страны, как США, Канада, Сингапур, Австралия, Малайзия, Новая Зеландия, Япония, Великобритания, Австрия, сегодня наиболее привлекательны для финансового сектора, поэтому они имеют большую защиту от киберпреступников, чем другие. Основные риски в финансово-кредитном секторе, связанные с информатизацией этого сектора, включают:

– финансовые потери клиентов банков, вызванные ростом киберпреступности;

– финансовые потери от киберпреступности некоторых финансовых и кредитных учреждений, критически важных для их финансового положения;

– снижение операционной надежности и невозможность непрерывности предоставления финансовых услуг клиентам, что приводит к снижению репутации;

– вероятность системного кризиса при наличии серьезных проблем информационной безопасности из-за кибератак в банках, значимых для национального рынка.

Современное развитие информационной безопасности и информационных технологий в кредитно-финансовой сфере Российской Федерации основано на опыте США, Национального института стандартов и технологий, Валютно-финансового управления Сингапура, Базельского комитета по банковскому надзору и других важных организаций.

Следует выделить приоритетные области развития информационных технологий в финансовом секторе. Это управление большими данными, технологии на основе искусственного интеллекта, роботизация финансового сектора, цифровые каналы обслуживания клиентов, формирование развернутой системы защиты от киберугроз, платформы с открытым исходным кодом, веб-решения, оптимизирующие внутренние процессы банка, аутстаффинг и банковскую аналитику. Эти технологии предусматривают новый формат финансового бизнеса, качественно иные бизнес-модели, а также серьезные изменения в информационных технологиях национального регулятора.

Использование искусственного интеллекта в банковском секторе происходит достаточно активно. Рейтинговое агентство «Эксперт РА» и RAEX (RAEX-Аналитика) представили классификацию российских банков по уровню использования информационных технологий, основанных на искусственном интеллекте (табл. 1).

Таблица 1 / Table 1

Классификация российских банков по уровню использования технологий на основе искусственного интеллекта
Classification of Russian banks by the level of use of technologies based on artificial intelligence

Уровень / Level	Банки / Banks
Значительно выше среднего уровня	Тинькофф Банк, Газпромбанк, МТС Банк
Выше среднего	Московский Кредитный Банк, Банк Русский Стандарт, Промсвязьбанк, Банк «Ренессанс Кредит»
Достаточно близко к среднему	Уральский банк реконструкции и развития, БКС Банк, Банк ДельтаКредит, Банк «Открытие»

Сост. по: [15].

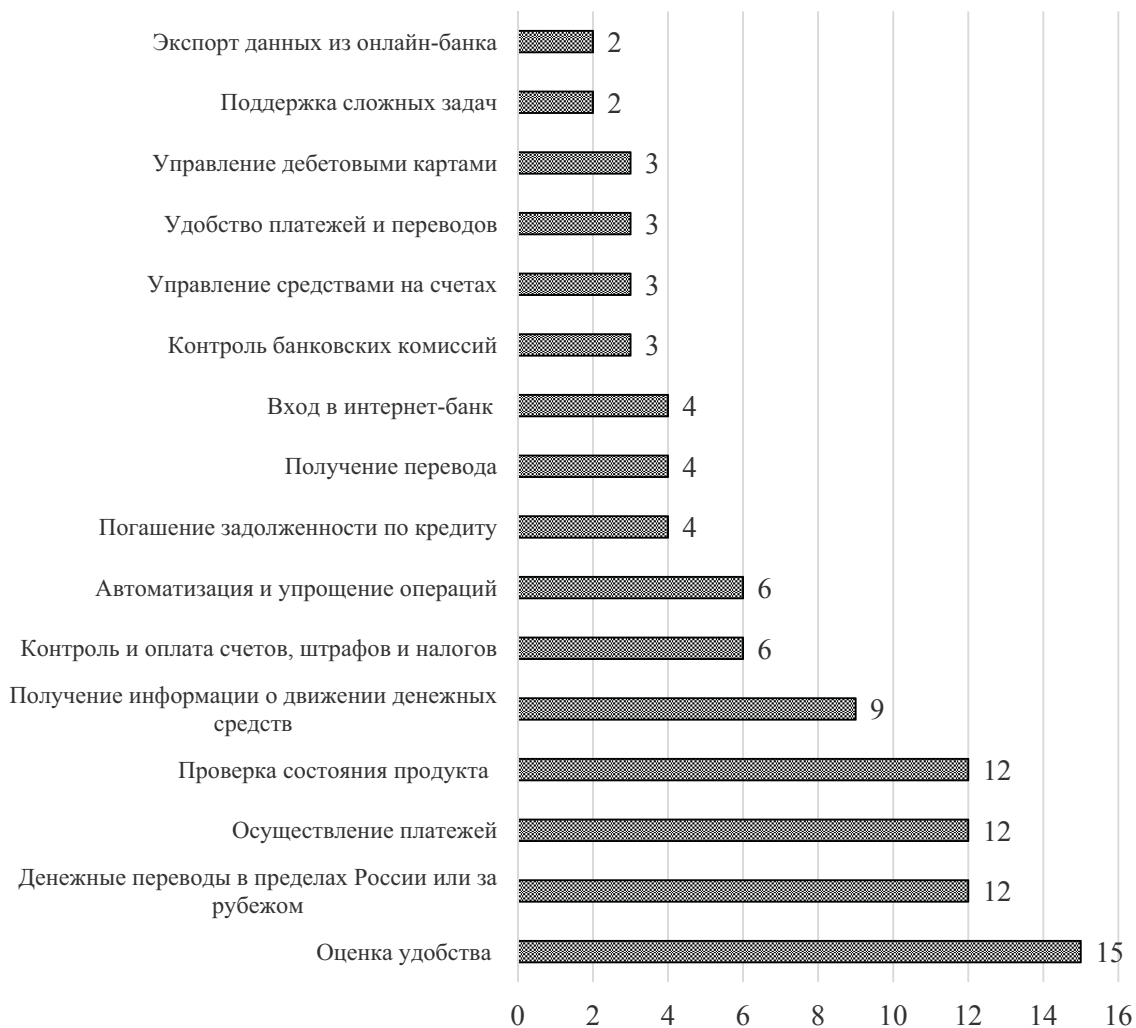
Исследование охватывало 50 банков из числа 100 крупнейших по активам. Итоговая оценка суммирует два фактора: использование искусственного интеллекта в рамках кредитного анализа и в рамках деятельности банка в целом. Первому фактору отводится доля 45%, второму фактору – 55%.

Информатизация российского финансового сектора находится на достаточно высоком уровне. Лидерами информатизации во всех сферах деятельности являются крупнейшие банки [16, с. 36–37]. Другая группа банков фокусируется на цифровых технологиях фронт-офиса и клиентского бэк-офиса. Наиболее важные проекты в области информатизации российского финансового сектора связаны с внедрением государственных инициатив в этом направлении, проектов Банка России. Как утверждает Е. А. Боркова, это Единая биометрическая система, более быстрая платежная система, создание торговой площадки [17, с. 336].

Пандемия Covid-19 выявила новые проблемы и возможности финансового сектора. Переход на дистанционное обслуживание показал необходимость и привлекательность многих цифровых услуг. Рейтинг интернет-банкинга Markswebb 2020 предусматривал формирование итоговых значений на основе выполнения повседневных задач, которые были поставлены перед банками в пандемию (рисунок; сост. по: [17]).

По результатам рейтинга были выделены банки, наиболее адаптированные к запросам потребителей в условиях приоритета дистанционного банковского обслуживания (табл. 2).

Инновационные изменения в финансовом секторе, связанные с цифровой трансформацией, требуют значительных инвестиций. Общая выручка крупнейших поставщиков информационных продуктов и технологий для банковского сектора в 2018 г. увеличилась на 8,9% по сравнению с 2017 г. Подробная информация о поставщиках (пять лидеров) представлена в табл. 3.

Повседневные задачи, выполняемые интернет-банками, %
Figure. Daily tasks performed by Internet banks, %

Таблица 2 / Table 2

ТОП 10 рейтинга интернет-банков для физических лиц в 2020 г.
TOP 10 rating of Internet banks for individuals in 2020

Место в номинации Daily banking	Банк / Banks	Место в номинации Daily banking	Банк / Banks
1	Тинькофф Банк	1	Тинькофф Банк
2 (+6)	Банк «Открытие»	2 (+14)	Банк «Открытие»
3	Ак Барс Банк	3 (+5)	Райффайзенбанк
4 (-2)	Банк «Левобережный»	4 (+3)	СКБ-банк
5 (+12)	ВТБ	5 (-2)	Промсвязьбанк
6 (-1)	Почта-банк	6 (-1)	Сбербанк
7	Промсвязьбанк	7 (+4)	ВТБ
8 (-3)	Райффайзенбанк	8 (-6)	Банк «Левобережный»
9 (+9)	Россельхозбанк	9(-3)	Банк Казани
10 (-1)	СКБ-банк	10(-6)	Ак Барс Банк

Сост. по: [18].

Таблица 3 / Table 3

Выручка ведущих поставщиков информационных технологий для банков в России в 2017–2018 гг.
Revenue of leading information technology suppliers for banks in Russia in 2017–2018

Организация Organization	Выручка от проектов для банков в области информационных технологий, млн руб. Revenue from projects for banks in the field of information technology, million rubles	Изменения, 2018–2017, % Changes, 2018–2017, %
Центр финансовых технологий	22 600	+10,2
СберТех	20 533	-32,3
Софтлайн	18 250	+34,0
ITG	13 009	+3,1
Jet	12 323	+21,7

Сост. по: [19].

Далее рассмотрим наиболее важные продукты и технологии, продаваемые ведущими поставщиками информационных технологий – Центром финансовых технологий и СберТех (табл. 4).

Таблица 4 / Table 4

Информационные технологии и продукты, продаваемые поставщиками информационных технологий банкам в Российской Федерации
Information technology and products sold by information technology suppliers to banks in the Russian Federation

Организация Organization	Информационные технологии Information technologies	Продукты / Products	Банки / Banks
Центр финансовых технологий	Более быстрая платежная система, Системы дистанционного банковского обслуживания, SaaS – Программное обеспечение как услуга, Автоматизированные банковские системы	Платформа Банковского Самообслуживания, Faktura.ru	Саровбизнесбанк, Александровский Банк, Банк Кремля, Томскпромстройбанк, Газтрансбанк и др.
СберТех	ИТ-аутсорсинг, Система управления базами данных, Системы управления производительностью сетевых приложений, Центр обработки данных – технологии центров обработки данных, серверные платформы	Проекты на основе технологии блокчейн, Qlik Смысл, MongoDB база данных NoSQL-типа, Apache Cassandra, GridGain Структура данных в памяти, Проекты создания комплексной ИТ-инфраструктуры	Сбербанк

Сост. по: [19].

Основные подходы к повышению информационной безопасности и надежности финансовых технологий включают следующие компоненты:

- правовое регулирование, установленное федеральными законами;
- создание и развитие безопасной и киберустойчивой финансовой инфраструктуры, включающей платформы удаленной идентификации; маркетплейс;
- систему быстрых платежей;
- платежную систему Банка России;
- национальную систему платежных карт «Мир»;

- систему обмена финансовыми сообщениями;
- платформу облачных сервисов;
- технологическую платформу распределенного реестра;
- применение новейших разработок, таких как финансовые технологии RegTech (технология регулирования), SupTech (технология надзора);
- большие данные, Интеллектуальные данные;
- развитие мобильных технологий; развитие технологий, основанных на искусственном

интеллекте, применение разработок в области робототехники и машинного обучения; активные разработки в области биометрии;

– внедрение технологий распределенного реестра; активное использование открытых интерфейсов;

– по мнению О. В. Ледневой, к выделенным компонентам также стоит отнести изучение цифровых финансовых технологий, продуктов и услуг в рамках нормативной платформы Банка России с учетом возможных киберрисков, моделирование возможных угроз и способов их минимизации [20, с. 467].

Изменение подходов к банковской безопасности в информационной сфере продиктовано преобладанием мобильных технологий для проведения финансовых операций и уменьшением использования настольных компьютеров. Телефонный банкинг также теряет свои позиции. Эти изменения связаны с предпочтениями современного поколения клиентов.

Рост потребительских предпочтений в отношении мобильных устройств приводит к увеличению числа уязвимостей, угроз и рисков. Все эти позиции являются предпосылками того, что безопасность должна быть заложена с самого начала, а не фиксировать уже совершенные факты киберпреступности. Часто мошеннические процессы требуют регистрации и активации мобильного устройства при формировании онлайн-аккаунта или проведении транзакции. Разработка банковских приложений напрямую влияет на репутацию бренда, что требует постоянного усиления их безопасности.

Открытый банкинг также имеет ряд серьезных уязвимостей, главной из которых является риск утечки данных, несмотря на четкую законодательную поддержку в ряде стран. Следует также отметить, что наличие слабых уязвимостей в информационной инфраструктуре сторонних поставщиков приведет к увеличению мошеннических платежей.

Искусственный интеллект все чаще используется финансовым сектором, что оптимизирует деятельность финансового учреждения, повышая эффективность, конкурентоспособность и снижая риски мошенничества. Огромный, но разрозненный банк данных клиентов означает ограниченное использование искусственного интеллекта, решением данной проблемы является сочетание технологий и человеческого опыта, что позволит обеспечить безопасность клиентов и предоставить пользователям лучшие решения на рынке.

На первый план выходят новые угрозы технологического и политического характера.

Новые информационные технологии формируются на основе оценки этих рисков. Они предоставляют современные методы проверки личности, чтобы свести к минимуму подозрительные транзакции или открытие счетов. Информационные технологии направлены на анализ данных из различных источников, ускорение принятия решений в области безопасности в режиме реального времени с учетом требований регулирующих органов.

Особым приоритетом выступает успешная работа платежной системы. Рост информационной и экономической безопасности для операторов платежных систем, денежных переводов, услуг платежной инфраструктуры и банков обеспечивается автоматизированной системой «Фид-АнтиФрод». Эта система, представляющая собой централизованную базу данных случаев и попыток перевода денег без согласия клиента, позволяет клиентам оценивать риски при осуществлении денежных переводов.

Результаты

Финансовый сектор активно заменяет традиционные бизнес-модели, технологии, продукты, новые технологии (цифровые, телекоммуникационные, биометрические). Эти факты меняют не только ландшафт, но и структуру участников финансового рынка.

Интеграция новых финансовых решений, основанных на новейших информационных технологиях, способствует изменению моделей потребления и снижению затрат. Сектор финансовых технологий становится самостоятельным сектором экономики.

Мобильные и другие портативные устройства позволяют находиться в киберпространстве круглосуточно, но данные инновационные решения требуют новых способов управления финансами. Вместе с тем стоит упомянуть о формировании новых рисков и необходимости изменений в различных сферах жизнедеятельности общества.

Новые способы работы с финансами требуют создания инновационных информационных решений, связанных с необходимостью дальнейшего усовершенствования юридической, социальной, кадровой политики на национальном и международном уровнях. Цифровизация финансового сектора, основанная на глобальном переосмыслении информационных решений, является ключевым условием перехода к устойчивому развитию. Финансовый сектор, будучи кровеносной системой экономики, способен выступать в качестве движущей силы устойчивого развития российской экономики.

Список литературы

- Барсукова М. А., Боркова Е. А., Ватлина Л. В. Управление экономической устойчивостью в условиях инновационного развития // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С. 54–58.
- Лазоренко А. А. Инновации в банковском секторе // *Global and Regional Research*. 2019. Т. 1, № 2. С. 222–229.
- Нагучева Д. З., Толстова А. З. Совершенствование инновационной деятельности коммерческих банков на современном этапе развития России // *Инновационная наука*. 2019. № 9. С. 47–52.
- Анюкова Р. А., Крячкова Л. И. Инновации в области финансовых технологий Российской Федерации // *Инновационная экономика : перспективы развития и совершенствования*. 2018. № 8 (34). С. 24–28.
- Никитина Т. В., Гальпер М. А., Лучко А. Д. Проведение цифровизации в розничном банковском бизнесе (на примере практики Сбербанка) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2018. № 5 (113). С. 71–75.
- Петрова Л. А., Кузнецова Т. Е. Цифровизация банковской системы : цифровая трансформация среды и бизнес-процессов // *Финансовый журнал*. 2020. Т. 12, № 3. С. 91–101. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-3-91-101>
- Василенко О. А. Тенденции и перспективы развития финансовых инноваций в банковском бизнесе России // *Мир новой экономики*. 2019. Т. 13, № 2. С. 80–89. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-80-89>
- Фотиади Н. В. Развитие цифровизации российского банковского сектора // *Вестник Российского нового университета. Серия «Человек и общество»*. 2021. № 1. С. 36–46. <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.01.P.036>
- Бубнова Ю. Б. Трансформация бизнес-модели банка в условиях цифровой экономики // *Известия Байкальского государственного университета*. 2019. Т. 29, № 3. С. 425–433. [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29\(3\).425-433](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29(3).425-433)
- Чернявская Ю. А. Перспективы инновационного развития финансового сектора экономики России // *Инновации и инвестиции*. 2018. № 2. С. 20–21.
- Бакиева М. Ю., Гуреева О. В. Финансовые инновации в российской экономике // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018. № 3 (72). С. 16–19.
- Андреева Н. В., Ермош Е. В., Набатчикова С. Б., Огородникова Е. П. Применение цифровых технологий в банковском секторе экономики // *Вестник Академии знаний*. 2020. № 37 (2). С. 415–419. <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10201>
- Попов Е. В., Омонов Ж. К., Шульгин Д. Б. Институциональные факторы развития финансовых технологий в России // *Journal of Applied Economic Research*. 2020. Т. 19, № 4. С. 585–604. <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.4.027>
- Анисимова В. Ю., Комисаров А. С. Инновации в банковской сфере : вызовы 2020 года // *Вестник Самарского университета. Экономика и управление*. 2020. Т. 11, № 4. С. 12–19. <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2020-11-4-12-19>
- Финтех в России 2018 : в поисках нового рынка. URL: https://media.rbcdn.ru/media/reports/Fintech_in_Russia_2018.pdf (дата обращения: 09.09.2021).
- Цыпин А. П., Орлова А. А. Исследование конкуренции в региональном банковском секторе России // *Современная конкуренция*. 2021. Т. 15, № 2 (82). С. 29–38. <https://doi.org/10.37791/2687-0657-2021-15-2-29-38>
- Боркова Е. А., Гильманов Д. В. Биткоин. Исторические параллели и перспективы развития на мировом рынке // *Экономические отношения*. 2019. Т. 9, № 1. С. 327–338. <https://doi.org/10.18334/eo.9.1.39973>
- Как во время кризиса развивать интернет-банк для частных лиц, чтобы он нес ценность клиентам и помог справиться с новыми вызовами? // *Markswebb*. URL: <https://www.markswebb.ru/report/internet-banking-tank-2020/> (дата обращения: 09.09.2021).
- Российский рынок банковской информатизации // *TADVISER*. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Российский_рынок_банковской_информатизации (дата обращения: 09.09.2021).
- Леднева О. В. Статистическое изучение уровня цифровизации экономики России : проблемы и перспективы // *Вопросы инновационной экономики*. 2021. Т. 11, № 2. С. 455–470. <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.111963>

References

- Barsukova M. A., Borkova E. A., Vatlina L. V. Management of economic sustainability in the conditions of innovative development. *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 2019, no. 2 (116), pp. 54–58 (in Russian).
- Lazorenko A. A. Innovations in the banking sector. *Global and Regional Research*, 2019, vol. 1, no. 2, pp. 222–229 (in Russian).
- Nagucheva D. Z., Tolstova A. Z. Improving the innovation activities of commercial banks at the modern stage of the development of Russia. *Innovative Science*, 2019, no. 9, pp. 47–52 (in Russian).
- Anyukova R. A., Kryachkova L. I. Innovations in the field of financial technologies of the Russian Federation. *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya* [Innovative Economy: Prospects for Development and Improvement], 2018, no. 8 (34), pp. 24–28 (in Russian).
- Nikitina T. V., Galper M. A., Luchko A. D. Digitalization in the retail banking business (using the example of Sberbank practice). *Izvestiâ Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo èkonomičeskogo universiteta*, 2018, no. 5 (113), pp. 71–75 (in Russian).
- Petrova L. A., Kuznetsova I. E. Digitalization in the Banking Industry: Digital Transformation of Environment and Business Processes. *Financial Journal*, 2020, vol. 12, no. 3, pp. 91–101 (in Russian). <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2020-3-91-101>

7. Vasilenko O. A. Trends and Prospects of Development of Financial Innovations in the Russian Banking Business. *Mir novoy ekonomiki* [The World of the New Economy], 2019, vol. 13, no. 2, pp. 80–89 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-2-80-89>
8. Fotiadi N. V. Development of digitalization of the Russian banking sector. *Vestnik of Russian New University. Series "Human and Society"*, 2021, no. 1, pp. 36–46 (in Russian). <https://doi.org/10.25586/RNU.V9276.21.01.P.036>
9. Bubnova Yu. B. Transformation of the bank's business model in terms of digital economy. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Baikal State University], 2019, vol. 29, no. 3, pp. 425–433 (in Russian). [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29\(3\).425-433](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2019.29(3).425-433)
10. Chernyavskaya Yu. A. Prospects of innovative development of the financial sector of the Russian economy. *Innovatsii i investitsii* [Innovation and Investment], 2018, no. 2, pp. 20–21 (in Russian).
11. Bakieva M. Yu., Gureeva O. V. Financial innovations in Russian economy. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik Saratov State Socio-Economic University], 2018, no. 3 (72), pp. 16–19 (in Russian).
12. Andreeva N. V., Ermosh E. V., Nabatchikova S. B., Ogorodnikova E. P. Application of digital technologies in the banking sector of the economy. *Vestnik Akademii znaniy* [Bulletin of the Academy of Knowledge], 2020, no. 37 (2), pp. 415–419 (in Russian). <https://doi.org/10.24411/2304-6139-2020-10201>
13. Popov E. V., Omonov Zh. K., Shulgin D. B. Institutional factors for the development of financial technologies in Russia. *Journal of Applied Economic Research*, 2020, vol. 19, no. 4, pp. 585–604 (in Russian). <https://doi.org/10.15826/vestnik.2020.19.4.027>
14. Anisimova V. Yu., Komisarov A. S. Innovations in the banking sector: challenges of 2020. *Vestnik of Samara University. Economics and Management*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 12–19 (in Russian). <https://doi.org/10.18287/2542-0461-2020-11-4-12-19>
15. *Fintekh v Rossii 2018: v poiskakh novogo rynka* (Fintech in Russia 2018: In search of a new market). Available at: https://media.rbcdn.ru/media/reports/Fintekh_in_Russia_2018.pdf (accessed 9 September 2021) (in Russian).
16. Tsypin A. P., Orlova A. A. Study of competition in the regional banking sector of Russia. *Sovremennaya konkurentsia* [Modern Competition], 2021, vol. 15, no. 2 (82), pp. 29–38 (in Russian). <https://doi.org/10.37791/2687-0657-2021-15-2-29-38>
17. Borkova E. A., Gilmanov D. V. Bitcoin. Historical parallels and development prospects in the world market. *Journal of International Economic Affairs*, 2019, vol. 9, no. 1, pp. 327–338 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.9.1.39973>
18. How to develop an Internet bank for individuals during a crisis so that it carries value to customers and helps to cope with new challenges? *Marksw Webb*. Available at: <https://www.markswwebb.ru/report/internet-banking-rank-2020/> (accessed 9 September 2021) (in Russian).
19. Russian Banking Information Market. *TADVISER*. Available at: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Российский_рынок_банковской_информатизации (accessed 9 September 2021) (in Russian).
20. Ledneva O. V. Statistical study of the Russian economy digitalization level: Problems and prospects. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki* [Issues of Innovative Economy], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 455–470 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/vinec.11.2.111963>

Поступила в редакцию 16.02.2022; одобрена после рецензирования 09.03.2022; принята к публикации 08.04.2022
The article was submitted 16.02.2022; approved after reviewing 09.03.2022; accepted for publication 08.04.2022

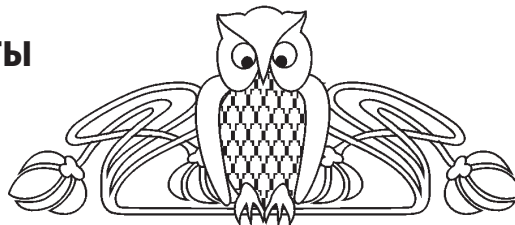

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 277–286
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 277–286
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-277-286>

Научная статья
УДК 330.8

Теоретико-методологические аспекты обеспечения устойчивого развития агропродовольственных систем

М. Е. Кадомцева

Институт аграрных проблем РАН – обособленное структурное подразделение ФИЦ «Саратовский научный центр Российской академии наук», Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 94

Кадомцева Марина Евгеньевна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник лаборатории стратегии развития институциональной среды агропромышленного комплекса, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Аннотация. Введение. Актуальность научного обоснования подходов к обеспечению устойчивого развития агропродовольственной системы (АПС) обусловлена нарастающим воздействием факторов внешней среды на внутреннюю структурную сбалансированность и целевую установку АПС. Устойчивое развитие национальной агропродовольственной системы стало подразумевать экономический рост для достижения показателей физической и экономической доступности качественных продуктов питания для населения страны. При этом экологические приоритеты все больше стали отходить на второй план, что противоречит основным принципам концепции устойчивого развития, предполагающим единство экономического, социального и экологического аспектов. **Методология исследования.** Теоретико-методологической основой исследования послужил системный подход, основные положения которого дают основания рассматривать агропродовольственный комплекс (АПК) в виде сложной, динамичной и многоуровневой системы связанных между собой элементов и многообразных упорядоченных связей между ними. **Теоретический анализ.** В статье рассмотрены и систематизированы теоретические подходы к трактовке понятия «агропродовольственная система». Выделены структурные особенности агропродовольственного комплекса как системы. Охарактеризованы этапы процесса воспроизводства во всех отраслях АПК сквозь призму экономической, социальной и экологической составляющих концепции устойчивого развития. **Эмпирический анализ.** С использованием системного подхода исследовано влияние внешних и внутренних факторов на основные критерии устойчивости агропродовольственной системы. Приведена концептуальная схема анализа устойчивости агропродовольственных систем в отношении внешних воздействий. Применительно к АПС рассмотрены такие связанные характеристики, как потенциал устойчивости, адаптация и управление. **Выводы.** Раскрыта взаимосвязь основных принципов обеспечения устойчивости агропродовольственных систем и аспектов продовольственной безопасности. Выделены свойства, наиболее значимые для поддержания устойчивости агропродовольственной системы в условиях постоянного воздействия внешних рисков.

Ключевые слова: устойчивое развитие, агропродовольственная система, процесс воспроизводства, внешняя среда, структура, управление

Для цитирования: Кадомцева М. Е. Теоретико-методологические аспекты обеспечения устойчивого развития агропродовольственных систем // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 277–286. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-277-286>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Theoretical and methodological aspects of ensuring the sustainable development of agro-food systems

M. Ye. Kadomtseva

Institute of Agrarian Problems RAS – Subdivision of the Saratov Federal Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 94 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina Ye. Kadomtseva, kozyreva_marina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9547-5564>

Abstract. Introduction. The relevance of the scientific substantiation of approaches to ensuring the sustainable development of the agro-food system is due to the growing impact of environmental factors on the internal structural balance and the target setting of the agro-food system. The sustainable development of the national agro-food system has begun to imply economic growth in order to achieve indicators of the physical and economic accessibility of quality food for the Russian population. At the same time, environmental priorities increasingly has begun to fade into the background, which contradicts the basic principles of the concept of sustainable development, which implies the unity of economic, social and environmental aspects. **Research methodology.** The theoretical and methodological basis of the study is a systematic approach, the main provisions of which give grounds to consider the agro-food complex as a complex, dynamic and multi-level system of interconnected elements

and diverse ordered relationships between them. **Theoretical analysis.** The article considers and systematizes theoretical approaches to the interpretation of the concept of "agro-food system". The structural features of the agro-food complex as a system are highlighted. The stages of the reproduction process in all sectors of the agro-industrial complex are characterized through the prism of the economic, social and environmental components of the concept of sustainable development. **Empirical analysis.** Using a systematic approach, the influence of external and internal factors on the main criteria for the sustainability of the agro-food system has been studied. A conceptual framework for analyzing the resilience of agro-food systems in relation to external influences is presented. Potential for sustainability, adaptation and management are considered with regard to agro-food system. **Conclusions.** The relationship between the basic principles of ensuring the sustainability of agro-food systems and aspects of food security is revealed. The properties that are most significant for maintaining the sustainability of the agro-food system under the constant influence of external risks are identified.

Keywords: sustainable development, agro-food system, reproduction process, external environment, structure, management

For citation: Kadomtseva M. Ye. Theoretical and methodological aspects of ensuring the sustainable development of agro-food systems. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 277–286 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-277-286>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В сентябре 2021 г. в г. Нью Йорке состоялся первый в истории Саммит ООН по продовольственным системам, на котором были согласованы пути преобразования и стратегии агропродовольственной системы (АПС) для достижения прогресса по всем Целям устойчивого развития [1]. Отрасли агропродовольственного комплекса являются секторами, которые наиболее тесно переплетены с Целями устойчивого развития ООН, в связи с чем важнейшим стал вопрос об устойчивости агропродовольственных систем для обеспечения их непрерывного функционирования [2, 3].

Новые вызовы времени характеризуются социально-экономической неопределенностью и высокими экологическими рисками. Постоянно возникающие неблагоприятные факторы оказывают дестабилизирующее воздействие, демонстрируя уязвимость агропродовольственных систем. Всё это обуславливает необходимость научного осмысления и разработки комплексных теоретических подходов к решению задач устойчивого развития АПС, учитывающих актуальные тренды.

Современные теории демонстрируют разнообразие подходов к концепции устойчивого развития [4]. В научном сообществе развернулась широкая дискуссия о сложности применения на практике триады «экономика – природа – общество» к той или иной системе с присущими ей характеристиками [5]. До сих пор имеется мало попыток рассмотреть цель, функции и задачи агропродовольственного комплекса как системы, которые должны учитывать актуальные тренды и вписываться в концепцию устойчивого развития. Поэтому целью настоящего исследования является развитие теоретико-методологических аспектов обеспечения устойчивого развития агропродовольственного комплекса как сложной социо-эколого-экономической си-

стемы с использованием основных положений системного подхода. Фундаментальный научный подход будет способствовать становлению на прочную теоретическую основу исследования оптимизации функционирования АПК и получению соответствующих ориентиров для решения практических задач с учетом новых вызовов времени.

Методология исследования

Теоретической основой исследования послужил диалектический подход с его важнейшей составной частью – системным принципом, способствующим получению целостного представления изучаемых сложных объектов, к которым относится агропродовольственный комплекс. В то же время системные принципы ориентируют на системную структуризацию объекта исследования – многомерный структурный подход с разделением на подсистемы, компоненты с их взаимосвязями [6]. Агропродовольственная система рассматривается в виде сложной, динамичной и многоуровневой структуры связанных между собой элементов и многообразных упорядоченных связей между ними. Целостный взгляд на АПС дает возможность систематизировать ее структуру, определить функциональные элементы, их взаимосвязь и взаимообусловленность [7].

Методология системного анализа при исследовании вопросов устойчивого развития агропродовольственного комплекса актуальна, так как открытость АПС и ее связь с макросредой обуславливают возможность исследования объекта в пределах основных частей концепции устойчивого развития: экономика, социология, экология. Следовательно, методология изучения должна органически включать специальные методы, применяемые в различных областях науки, а также методы общего научного познания, такие как анализ, синтез и обобщение.

Теоретический анализ

Представление агропродовольственного комплекса в виде системы прослеживается в фундаментальных работах А. А. Никонова [8], А. А. Анфиногентовой [9], Э. Н. Крылатых [10], посвященных теоретическим аспектам оптимизации структуры АПК. При этом в перечне фундаментальных работ аббревиатура АПК закономерно применена к агропродовольственному, а не агропромышленному комплексу. А. А. Анфиногентова определяет агропродовольственный комплекс как систему, объединяющую сельское и лесное хозяйство, охоту и рыболовство, а также отрасли промышленности, перерабатывающие сельскохозяйственное сырье, оптовую и розничную торговлю, транспорт. Концентрация внимания на продовольственной системе выносит за скобки первую сферу – промышленное производство и машиностроение для сельскохозяйственных нужд, при этом ее воздействие на развитие комплекса не подвергается сомнению. Правомерность такого подхода логична при исследованиях продуктовых или продовольственных цепочек, что позволяет анализировать товарные рынки конечной продукции, а также потребление конечного продукта в домашних хозяйствах [11, с. 3].

А. Г. Папцов дает определение мировой агропродовольственной системы как важнейшей части мировой хозяйственной системы, представляющей собой совокупность взаимосвязанных национальных и региональных продовольственных систем [12, с. 82]. Однако это не просто сумма национальных аграрных экономик, а сложная единая система, включающая в себя производство, распределение, обмен и потребление продовольствия в международном масштабе. Сложность АПК как системы подчеркивают У. Р. Эшби [13] и О. И. Боткин [14]. По их мнению, агропродовольственная система является сложной системой социально-экономических отношений, складывающихся в процессе воспроизводства экономических благ (товаров и услуг). Действительно, система является сложной, если структура этой системы представляет собой устойчивое множество разнородных элементов и связей между ними. При этом разнородными называются элементы с разным функциональным назначением, однако они объединены относительно главной цели, которая определяет конечный результат. В таком случае целесообразно выделение ведущих подсистем путем разбивки на блоки и выделение главных взаимосвязей. Агропродовольственный комплекс России как объект системного управления, с одной стороны, является подсистемой национальной экономики, с другой стороны, включает

в себя отрасли со множеством хозяйствующих субъектов различных организационно-правовых форм и разными институциональными условиями их функционирования и взаимодействия. Это позволяет нам представить АПК как сложную, динамичную и многоуровневую структуру связанных между собой элементов и многообразных упорядоченных горизонтальных и вертикальных связей между ними, отождествляя тем самым понятия «агропродовольственный комплекс» и «агропродовольственная система».

Следует помнить, что агропродовольственная система – это открытая система, которая включена в глобальные социально-экономические процессы, тесно связана с биофизическим миром, имеет высокую долю влияния неформальных факторов в хозяйственных процессах [15]. Это обуславливает необходимость рассматривать АПС как социо-эколого-экономическую систему.

Отношение природы и общества невозможно рассматривать в отрыве друг от друга. Данный тезис подробно раскрывает в своей работе А. А. Зарнадзе. Взаимоотношение природы и общества не может складываться иначе чем через взаимный обмен деятельностью между людьми. Это означает, что наряду с обществом и природой экономика является важнейшим элементом социально-экономической структуры общества. Однако в центре системы «экономика – природа – общество» стоит человек (индивид) как базовая единица в экономической науке, как основа производственного процесса и начальный уровень экономических отношений. Специфика аграрного производства, кроме крупных агрокомплексов, определяется, в первую очередь, тем, что хозяйственная деятельность сосредоточена в сельской местности, поэтому сельскохозяйственное производство является не столько видом работы человека, сколько образом его жизни [16, с. 452].

Целевая функция АПС тесно связана с социальными аспектами: удовлетворением потребностей населения в повышении уровня и улучшении структуры питания, социальных и демографических условий, снижении бедности для всех участников агропродовольственных систем [17]. Устойчивые агропродовольственные системы должны обеспечивать занятость и достойный доход в сельских районах и во всех звеньях товаропроизводящих цепочек, а также полезные и питательные продукты питания, другие товары и экологические услуги для всего населения в целом. Показателями и индикаторами являются качественные и количественные характеристики благосостояния сельского населения, включая продолжительность жизни,

рождаемость, смертность, здоровье, уровень образованности сельского населения, его занятости и доходов, потребляемых благ и услуг, обеспеченность жильем и т.д.

Удовлетворение основных потребностей населения в продовольствии требует задействования всего потенциала устойчивого развития, и в первую очередь экономического роста. Экономическая эффективность производства, рост доходов предприятий и наращивание инвестиционного потенциала, повышение уровня жизни – ключевые составляющие стратегии устойчивого развития агропродовольственного комплекса. Вместе с тем интенсификация агропроизводства ведет к увеличению отходов и выбросов, повышению нагрузки на окружающую среду. Сельское хозяйство, пищевая промышленность, а также другие отрасли АПК являются ресурсоемкими,

используют энергию, забирают питательные вещества из земли и воды, чтобы преобразовать их в пищу, одновременно создавая значительный уровень выбросов парниковых газов в процессе производства. Игнорирование потребностей экологии ведет к деградации окружающей среды и ставит под угрозу существование общества. Поэтому социально-экономическое развитие АПК должно быть экологически сбалансированным и направлено на удовлетворение потребностей населения в качественных продуктах питания, не ставя под угрозу способность будущих поколений удовлетворять эти потребности за счет собственных ресурсов.

Социо-эколого-экономическая триада пронизывает все этапы экономического воспроизводства в АПК: производство, распределение, обмен и потребление (рис. 1, сост. по: [11]).

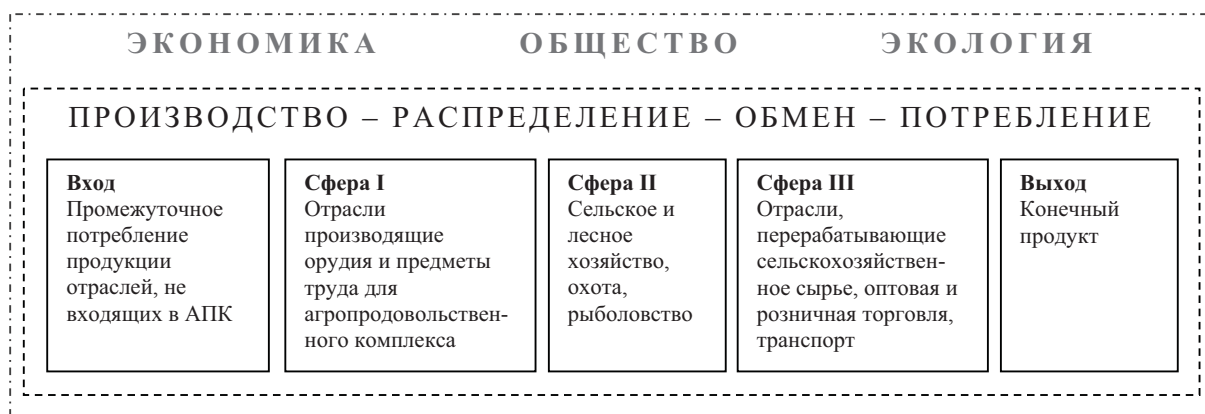

Рис. 1. Агропродовольственный комплекс как открытая система взаимосвязанных отраслей
Fig. 1. Agro-food complex as an open system of interconnected industries

В рамках концепции устойчивого развития зарубежные авторы включают в воспроизводственную цепочку удаление отходов [18]. Если обратиться к определению понятия «продовольственные системы», предложенному Продовольственной и сельскохозяйственной организацией Объединенных Наций (*Food and Agriculture Organization, FAO*) в 2018 г., то эти системы охватывают весь спектр участников и их взаимосвязанные виды деятельности по созданию добавленной стоимости, агрегированию, переработке, распределению, потреблению и утилизации пищевых продуктов, а также более широкую экономическую, социальную и природную среду, в которую они встроены. С данным определением связано и понятие устойчивости продовольственной системы, которая обеспечивает продовольственную безопасность и питание для всего населения таким образом, чтобы не подвергать опасности экономические,

социальные и экологические основы обеспечения продовольственной безопасности и питания будущих поколений.

Эмпирический анализ

Агропродовольственный комплекс, как и любая другая социально-экономическая система, не может существовать, не обладая таким свойством, как устойчивость [19]. Это является базовым условием существования и важнейшей характеристикой элементов системы, ее структуры и системы в целом. Свойство устойчивости помогает агропродовольственной системе сохранять свои базовые параметры, структуру, функциональные возможности и обеспечивать продовольственную безопасность. Продовольственная и сельскохозяйственная организация Объединенных Наций определяет это как жизнестойкость агропродовольственных систем (рис. 2, сост. по: [20]).

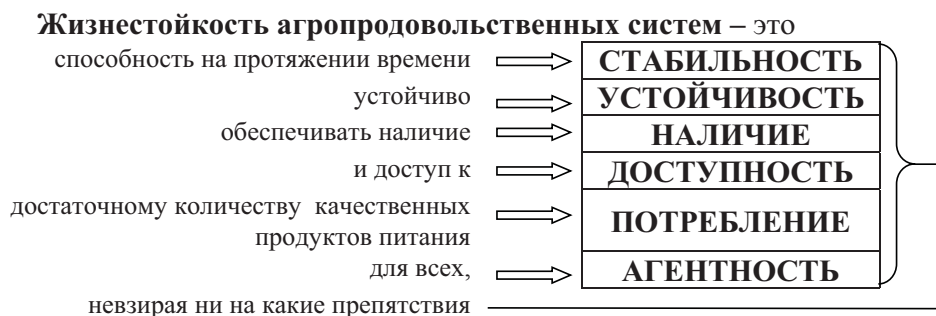

Рис. 2. Жизнестойкость агропродовольственных систем и аспекты продовольственной безопасности

Fig. 2. Resilience of agro-food systems and aspects of food security

Согласно ФАО ООН, устойчивость – это способность предотвращать бедствия и кризисы, а также предвидеть, преодолевать, принимать меры или восстанавливаться после них своевременно и эффективно. Устойчивость является важнейшим критерием постоянного развития системы, обеспечивающим ее целостность и дальнейший прогресс при постоянных воздействиях внешней среды. Внешняя среда весьма подвижна и многообразна, оказывает на систему косвенное воздействие через влияние на внутреннюю системную организацию. Агропродовольственный комплекс является многоуровневой системой, которая охватывает первичное звено сельскохозяйственного производства, производственные товаропроизводящие цепочки, инфраструктуру, хозяйствующих субъектов, а также прочих участников со множеством различного рода взаимосвязей. Сложность и разнородность внутренних связей между элементами определяют прямое и обратное воздействие на устойчивость АПС. Например, перебои в производстве сельскохозяйственной продукции могут сказаться на физической доступности продовольствия. Вместе с тем негативные факторы, влияющие на потребление продуктов питания и спрос на них, могут повлиять на агропроизводителей. Потрясение в любом компоненте системы посредством цепной реакции может быстро распространиться по всем подсистемам, дестабилизируя тем самым саму систему. Поэтому устойчивое развитие имеет динамичный характер и представляет собой не неизменное состояние гармонии, а, скорее, процесс постоянных внутренних институциональных преобразований [21].

Результаты влияния факторов внешней среды постоянны и динамичны во времени. К таким факторам относятся социокультурные (условия жизни в сельской местности, уровень образования, религия, традиции и т.д.), экономические (структура национальной экономи-

ки, развитость рыночной инфраструктуры и т.д.), экологические (природно-климатические условия, природные ресурсы и их качество и др.), инновационные (развитие национальных инновационных систем, уровень технологического уклада и пр.) и т.д. (рис. 3, сост. по: [20]). К внешним условиям следует относить глобальные вызовы и угрозы, возникновение массовых явлений, находящих отражение в большинстве аспектов развития общества. Одним из примеров является влияние пандемии COVID-19 и связанных с ней ограничительных мер [22] на устойчивость агропродовольственных систем. В результате мероприятий, предпринимаемых для сдерживания распространения вируса, были нарушены товаропроизводящие цепочки, обострилась такая проблема продовольственной безопасности, как экономическая доступность качественных продуктов питания и снижение потребительского спроса.

Другим примером является изменение климата в планетарном масштабе, оказывающее непосредственное влияние на сельскохозяйственное производство. Последствия глобальных климатических изменений на сегодняшний день признаны одним из наиболее деструктивных для устойчивого развития АПК факторов, результатом чего становятся:

- изменение физических показателей сельскохозяйственного производства и изменения в структуре экспорта;
- трансформация глобальных продовольственных цепочек и мирового продовольственного пространства;
- смещение аграрного производства и развития сельских территорий;
- снижение качества продуктов питания и их доступности;
- зависимость отраслей АПК от стратегии декарбонизации и требований «зеленой» экономики.

Рис. 3. Концептуальная схема анализа устойчивости агропродовольственных систем в отношении внешних воздействий
Fig. 3. Conceptual framework for analyzing the resilience of agro-food systems to external impacts

Существуют относительно устойчивый перечень основных внешних условий и периодически возникающие локальные проблемы. В качестве локальных проблем могут выступать региональный дисбаланс, изменение рыночной конъюнктуры, несовершенство нормативно-правовой базы и т.д. Устойчивое развитие АПК под воздействием перманентных условий (рисков) имеет заданный вектор, однако его траектория может несколько меняться в зависимости от возникающих (локальных) колебаний, которые возникают в результате внешних и внутренних потрясений. Для сохранения устойчивости, определяемой непрерывным выполнением своих функций, и для достижения неизменной конечной цели система может искать разные пути адаптации и нивелирования рисков в рамках заданного вектора устойчивости. От степени изменения и влияния внешних условий зависят: глубина трансформаций структуры,

внутренних свойств системы и ее элементов; режим функционирования, когда отдельные параметры системы могут неконтролируемо возрастать или, наоборот, падать за определенный период времени. Внутрисистемные тенденции дифференциации сменяются тенденциями интеграции, ослабление связей – их усилением, возрастание интенсивности – ее снижением, распад элементов – возникновением новых и их объединением [23].

ФАО вводит такое понятие, как «потенциал устойчивости агропродовольственной системы», для сохранения структурной целостности и взаимосвязей между объектами, определяющих данную систему, при малых и глубокого дестабилизирующих воздействиях. Потенциал устойчивости АПС включает в себя предотвращение, предвидение, преодоление, адаптацию и трансформацию [24, 25]. Неотъемлемой частью потенциала устойчивости также является

управление [26]. Оно определяет способность экосистем поддерживать динамическое равновесие между элементами, связями и процессами, протекающими внутри системы и во внешней среде, оставаясь в пределах критических пороговых значений, а также способность к восстановлению.

Важнейшей предпосылкой использования системного подхода в решении задач управления является утверждение, что формы и методы управления на каждом этапе должны быть адекватны постоянно изменяющимся условиям функционирования. В зависимости от приоритетов национального развития трансформируются и критерии устойчивого развития. Снижение экологических требований для поддержания динамики воспроизводства с 2022 г. стало приобретать повсеместный характер в реальных секторах экономики России. Примерами являются упрощение требований к сертификации агропродукции и нормативов, существенное снижение требований к экологическим показателям двигателей автомобилей, выпускаемых отечественным автопромом с 2022 г.

Устойчивое развитие АПС приобрело акцент на сохранение и поддержание необходимого уровня физической и экономической доступности продуктов питания для населения. При этом экологические приоритеты отошли на второй план. В условиях перехода к интенсивному типу воспроизводства, глубокой перестройки структуры экономики большую актуальность приобрел экономический рост. В данном аспекте основные конечные результаты АПК как одной из важнейших отраслей народного хозяйства прописаны в Доктрине продовольственной безопасности Российской Федерации.

Выводы

Системный подход позволяет рассматривать агропродовольственную систему как открытую, сложную и динамичную структуру связанных между собой элементов с многообразными упорядоченными связями между ними. В то же время сама АПС является одной из подсистем национальной экономики, целевая функция которой – повышение качества жизни населения путем эффективного процесса воспроизводства на инновационной основе, обеспечивающего рост предложения и повышение качества продовольствия и других потребительских товаров, произведенных из сельскохозяйственного сырья, при условии рационального использования ресурсов.

Агропродовольственная система представляет собой совокупность отраслей народного

хозяйства, задействованных в производстве продукции, ее хранении, переработке и доведении до потребителя. Она объединяет в себе следующие сферы деятельности: сельское хозяйство, производство конечной продовольственной продукции; ее хранение, транспортировку и реализацию; социокультурное обслуживание сельского населения; информационное и научное обеспечение данной системы.

Открытость АПК как системы обуславливает значительное воздействие внешних факторов на его внутреннюю организацию, функциональные возможности, элементы и связи между ними. Примерами таких дестабилизирующих факторов являются глобальное изменение климата, пандемия COVID-19 и неблагоприятная геополитическая обстановка. Их влияние проявляется в территориально-отраслевом смещении сельскохозяйственного производства, нарушении и изменении товаропроизводящих цепочек и структурной сбалансированности, модификации структуры спроса, повлекшей изменения в звене конечной реализации продукции.

Внешние шоки и локальные ограничения создают синергетический эффект, создавая перспективу длительной рецессии. Новые вызовы времени потребовали концентрации на решении задачи сохранения устойчивости агропродовольственных систем, которая выражается в поддержании целостности продовольственных цепочек, обеспечении физической и экономической доступности качественных продуктов питания путем интенсификации производственных процессов. Вместе с тем следует учитывать, что агропродовольственная система – это социо-эколого-экономическая система, в которой социально-экономические процессы тесно связаны с биофизической средой [27]. Ориентацию на удовлетворение потребности человека, улучшение уровня и структуры питания, социально-демографических его условий следует сопровождать целевой установкой на рациональное использование ресурсов, сохранение их биоразнообразия и продуктивности, экологическое равновесие. Поэтому концепция обеспечения устойчивого развития агропродовольственного комплекса должна базироваться на динамическом единстве процессов функционирования компонентов АПК в условиях воздействий внутренней и внешней среды, способствующих формированию контурных характеристик различных типов моделей развития АПК, ориентированных на стимулирование экономического роста и сокращение бедности, обеспечение экологической устойчивости, развитие производства на инновационной основе.

Список литературы

1. Иванов С. Ф. Экологические последствия роста населения : глобальный консенсус // *Мировая экономика и международные отношения*. 1995. № 10. С. 108–115.
2. Киреева Н. А., Прущак О. В., Барышникова Н. А., Кирилук О. М. Устойчивое развитие агропродовольственной системы России и вопросы продовольственной безопасности // *Международная экономика*. 2021. № 8. С. 589–604. <https://doi.org/10.33920/vne-04-2108-02>
3. Преобразование нашего мира : Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция ГА ООН от 25.09.2015 (A/RES/70/1). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1/> (дата обращения: 14.03.2022).
4. Кадомцева М. Е. Концептуальные аспекты устойчивого развития экономических систем : эволюция подходов и современная парадигма // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право*. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 263–270. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>
5. Hueting R., Reijnders L. Sustainability is an objective concept // *Ecological Economics*. 1998. № 27. Р. 139–147.
6. Гвишиани Д. М. Диалектико-материалистические основания системных исследований // *Диалектика и системный анализ* / отв. ред. Д. М. Гвишиани. М. : Наука. 1986. С. 5–18.
7. Зарнадзе А. А. Институциональная методология обеспечения целостности управления социально-экономической системой // *Экономика и математические методы*. 2008. Т. 44, №1. С. 58–61.
8. Никонов А. А. Спираль многовековой драмы : аграрная наука и политика России (XVIII–XX вв.). М. : Энциклопедия российских деревень, 1995. 355 с.
9. Анфиногентова А. А., Ермолова О. В., Решетникова Е. Г., Мореханова М. Ю. Агропродовольственный комплекс России в продовольственной системе мира : устойчивость и экономическая доступность продовольствия для населения // *Региональные агросистемы : экономика и социология*. 2021. № 1. С. 4–18.
10. Крылатых Э. Н. К вопросу о структуре агропромышленного комплекса и системе моделей его планирования // *Экономика и математические методы*. 1979. Т. 15, № 3. С. 529–538.
11. Анфиногентова А. А. Системный подход к непрерывному совершенствованию управления агропродовольственным комплексом России // *Региональные агросистемы : экономика и социология*. 2018. № 1. С. 1–8.
12. Папцов А. Г., Шеламова Н. А. Мировая агропродовольственная система и глобальные климатические изменения // *АПК : Экономика, управление*. 2017. № 11. С. 81–94.
13. Эшби У. Р. Введение в кибернетику. М. : Изд-во иностранной литературы, 1959. 432 с.
14. Боткин О. И., Сутыгина А. И., Сутыгин П. Ф. Институциональные аспекты устойчивого функционирования региональной продовольственной системы // *Вестник Поволжского государственного технологического университета. Серия «Экономика и управление»*. 2019. № 1 (41). С. 40–50. <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2019.1.40>
15. Гизатуллин Х. Н., Троицкий В. А. Концепция устойчивого развития : новая социально-экономическая парадигма // *ОНС : Общественные науки и современность*. 1998. № 5. С. 124–130.
16. Кадомцева М. Е. Оценка институциональных изменений в агростраховании // *Журнал экономической теории*. 2021. Т. 18, № 3. С. 448–461. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.9>
17. Решетникова Е. Г. Региональная дифференциация уровня жизни : вызовы времени // *Проблемы развития территории*. 2021. Т. 25, № 1. С. 108–122. <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6>
18. Tansey G., Worsley T. *The Food System: A Guide*. London : Earthscan, 1995. 294 p.
19. Порохин А. В., Порохина Е. В., Соина-Кутищева Ю. Н., Барыльников В. В. Устойчивость как определяющая характеристика состояния социально-экономической системы // *Фундаментальные исследования*. 2014. № 12 (ч. 4). С. 816–821.
20. HLPЕ. 2020. Food security and nutrition: building a global narrative towards 2030. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security. Rome, FAO. 91 pp. URL: <http://www.fao.org/3/ca9731en/ca9731en.pdf> (дата обращения: 06.04.2022).
21. Шеховцева Л. С. Многомерная структуризация институционального обеспечения пространственного развития региона : принципы и методология // *Регион : экономика и социология*. 2018. № 1 (97). С. 32–51. <https://doi.org/10.15372/REG20180102>
22. The Global Risks Report 2021, 16th Edition, is published by the World Economic Forum. URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (дата обращения: 26.03.2022).
23. Афонасова М. А. Управление социально-экономическими системами в условиях роста неопределенности и новых социальных вызовов // *Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент*. 2021. № 4. С. 10–17. <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2021-4-10-17>
24. Burch S. Sustainable development paths: investigating the roots of local policy responses to climate change // *Sustainable Development*. 2011. Vol. 19, iss. 3. P. 176–188.
25. ФАО. 2021 год. Краткий обзор. Положение дел в области продовольствия и сельского хозяйства – 2021. Повышение жизнестойкости агропродовольственных систем в условиях потрясений и стрессов. Рим, ФАО. URL: <https://www.fao.org/3/cb7351ru/cb7351ru.pdf> (дата обращения: 09.04.2022).

26. Zeijl-Rozema A. van, Cörvers R., Kemp R., Martens P. Governance for Sustainable Development: A Framework // *Sustainable Development*. 2008. Vol. 16, iss. 6. P. 410–421.
27. Евдокимова Н. Е. Переход к качеству экономического роста в сельском хозяйстве : формирование сценариев // От роста к качеству роста в агропромышленном комплексе : как обеспечить переход? : материалы II Московского академического экономического форума 2020 (МАЭФ 2020). М., 2020. С. 12–26.
10. Krylatyh E. N. On the question of the structure of the agro-industrial complex and the system of models for its planning. *Economics and Mathematical Methods*, 1979, vol. 15, no. 3, pp. 529–538 (in Russian).
11. Anfinogentova A. A. Systematic approach to continuous improvement of management of the Russia agro-food complex. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Agrosystems: Economics and Sociology], 2018, no. 1, pp. 1–8 (in Russian).
12. Paptsov A. G., Shelamova N. A. World agrofood system and global climatic changes. *API: Economics, Management*, 2017, no. 11, pp. 81–94 (in Russian).
13. Ashby W. R. *An Introduction to Cybernetics*. London, Chapman and Hall, 1956. 295 p. (Russ. ed.: Moscow, IL, 1959. 432 p.).
14. Botkin O. I., Sutygina A. I., Sutygin P. F. Institutional aspects for the stable functioning of regional food system. *Vestnik of Volga State University of Technology. Series "Economics and Management"*, 2019, no. 1 (41), pp. 40–50 (in Russian). <https://doi.org/10.25686/2306-2800.2019.1.40>
15. Gizatullin Kh. N., Troitsky V. A. The concept of sustainable development: A new socio-economic paradigm. *Social Sciences and Contemporary World*, 1998, no. 5, pp. 124–130 (in Russian).
16. Kadomtseva M. E. Assessment of Institutional Development in Agricultural Insurance. *Zhurnal ekonomicheskoi teorii* [Russian Journal of Economic Theory], 2021, vol. 18, iss. 3, pp. 448–461 (in Russian). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.9>
17. Reshetnikova E. G. Regional differentiation of living standards: Challenges of time. *Problems of Territory Development*, 2021, vol. 25, iss. 1, pp. 108–122 (in Russian). <https://doi.org/10.15838/ptd.2021.1.111.6>
18. Tansey G., Worsley T. *The Food System: A Guide*. London, Earthscan, 1995. 294 p.
19. Porokhin A. V., Porokhina E. V., Soina-Kutishcheva Yu. N., Barylnikov V. V. Sustainability as the defining characteristic of the state of socio and economic system. *Fundamental Research*, 2014, no. 12 (pt. 4), pp. 816–821 (in Russian).
20. HLPE. 2020. *Food security and nutrition: building a global narrative towards 2030. A report by the High Level Panel of Experts on Food Security and Nutrition of the Committee on World Food Security*. Rome, FAO. 91 pp. Available at: <http://www.fao.org/3/ca9731en/ca9731en.pdf> (accessed 06 April 2022).
21. Shekhovtseva L. S. Multidimensional structuring of institutional maintenance of region's spatial development: Principles and methodology. *Region: Economics and Sociology*, 2018, no. 1 (97), pp. 32–51 (in Russian). <https://doi.org/10.15372/REG20180102>
22. *The Global Risks Report 2021*, 16th Edition, is published by the World Economic Forum. Available at: http://www3.weforum.org/docs/WEF_The_Global_Risks_Report_2021.pdf (accessed 26 March 2022).

References

1. Ivanov S. F. The Environmental Consequences of Population Growth: A Global Consensus. *World Economy and International Relations*, 1995, no. 10, pp. 108–115 (in Russian).
2. Kireeva N. A., Prushchak O. V., Baryshnikova N. A., Kirilyuk O. M. Sustainable development of the agro-food system of Russia and food security. *International Economics*, 2021, no. 8, pp. 589–604 (in Russian). <https://doi.org/10.33920/vne-04-2108-02>
3. Transforming Our World: The 2030 Agenda for Sustainable Development. UN General Assembly Resolution of September 25, 2015 (A/RES/70/1). Available at: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/1/> (accessed 14 March 2022).
4. Kadomtseva M. Ye. Conceptual aspects of sustainable development of economic systems: Evolution of approaches and modern paradigm. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 263–270 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-3-263-270>
5. Hueting R., Reijnders L. Sustainability is an objective concept. *Ecological Economics*, 1998, vol. 27, pp. 139–147.
6. Gvishiani D. M. Dialectical-materialistic foundations of system research. In: D. M. Gvishiani, ed. *Dialektika i sistemnyi analiz* [Dialectics and System Analysis]. Moscow, Nauka Publ, 1986, pp. 5–18 (in Russian).
7. Zarnadze A. A. Institutional methodology for ensuring the integrity of the management of the socio-economic system. *Economics and the Mathematical Methods*, 2008, vol. 44, iss. 1, pp. 58–61 (in Russian).
8. Nikonov A. A. *Spiral' mnogovekovoy dramy: agrarnaya nauka i politika Rossii (XVIII–XX vv.)* [Spiral of a Centuries-Old Drama: Agrarian Science And Politics in Russia (18–20 centuries)]. Moscow, Entsiklopedia Rossiyskikh dereven', 1995. 355 p. (in Russian).
9. Anfinogentova A. A., Ermolova O. V., Reshetnikova E. G., Morekhanova M. Yu. Agricultural food complex of Russia in the food system of the world: sustainability and economic availability of food for the population. *Regional'nye agrosistemy: ekonomika i sotsiologiya* [Regional Agrosystems: Economics and Sociology], 2021, no. 1, pp. 4–18 (in Russian).

23. Afonasova M. A. Management of socio-economic systems in the conditions of growing uncertainty and new social challenges. *Bulletin of Buryat State University. Economy and Management*, 2021, no. 4, pp. 10–17 (in Russian). <https://doi.org/10.18101/2304-4446-2021-4-10-17>
24. Burch S. Sustainable development paths: investigating the roots of local policy responses to climate change. *Sustainable Development*, 2011, vol. 19, iss. 3, pp. 176–188.
25. FAO. 2021 god. *Kratkiy obzor. Polozhenie del v oblasti prodovol'stviya i sel'skogo khozyaistva – 2021. Povyshenie zhiznestoykosti agroprodovol'stvennykh sistem v usloviyakh potryaseniya i stressov* (FAO. 2021 Short review. The State of Food and Agriculture 2021. Strengthening the resilience of agriculture and food systems in the face of shocks and stress). Rome, FAO. Available at: <https://www.fao.org/3/cb7351ru/cb7351ru.pdf> (accessed 9 April 2022) (in Russian).
26. Zeijl-Rozema A. van, Cörvers R., Kemp R., Martens P. Governance for Sustainable Development: A Framework. *Sustainable Development*, 2008, vol. 16, iss. 6, pp. 410–421.
27. Evdokimova N. E. Transition to the quality of economic growth in agriculture: The formation of scenarios. *From growth to growth quality in the agro-industrial complex: How to ensure the transition? Proceedings of the II Moscow Academic Economic Forum 2020 (MAEF 2020)*. Moscow, 2020, pp. 12–26 (in Russian).

Поступила в редакцию 30.04.2022; одобрена после рецензирования 30.05.2022; принята к публикации 01.06.2022
The article was submitted 30.04.2022; approved after reviewing 30.05.2022; accepted for publication 01.06.2022

УПРАВЛЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 287–294

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 287–294

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-287-294>

Научная статья

УДК 338.24:332.025

Оценка эффектов применения проектных инструментов промышленной политики в регионах

И. Н. Ткаченко , Е. Н. Стариков, М. В. Евсеева

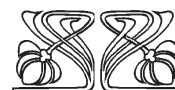
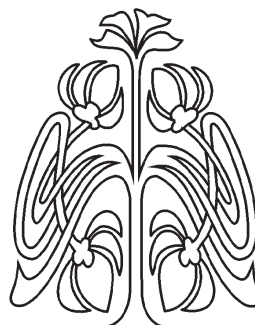
Уральский государственный экономический университет, Россия, 620144, г. Екатеринбург, ул. 8 Марта/Народной воли, д. 62/45

Ткаченко Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономической теории и корпоративной экономики, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

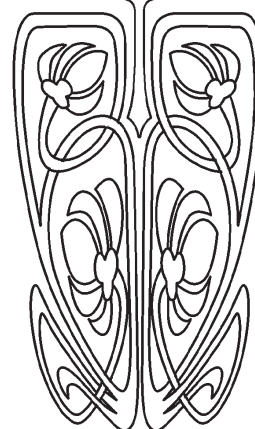
Стариков Евгений Николаевич, кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой шахматного искусства и компьютерной математики, starik1705@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3465-7233>

Евсеева Марина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории и корпоративного управления, m.evseeva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1163-612X>

Аннотация. Введение. Данное исследование посвящено анализу проектных инструментов промышленной политики, реализуемых Фондом развития промышленности России, с позиции оценки их влияния на системные результаты промышленного развития регионов России. **Теоретический анализ.** Промышленный сектор экономики исторически играет ключевую роль в социально-экономическом развитии России. Учитывая системообразующую роль промышленности в экономике страны, вопросы государственной поддержки промышленного развития традиционно являются важнейшими в повестке экономической политики государства. Созданный в 2014 г. Фонд за прошедший период продемонстрировал гибкость и адаптивность своих программ к меняющимся условиям, предоставил своим клиентам удобный инструментарий льготного кредитования проектов технологической модернизации производств и в целом стал наиболее востребованным инструментом промышленной политики. В то же время вопрос стратегической эффективности деятельности Фонда как системного института промышленной политики, решающего не только локальные задачи по поддержке проектов модернизации и созданию новых производств, но и задачи промышленного развития и роста в целом, пока остается открытым. **Эмпирический анализ.** Учитывая, что проблема промышленного развития в конечном итоге локализуется на уровне субъектов РФ, в настоящем исследовании на основе методов регрессионного анализа осуществлена оценка влияния деятельности Фонда на развитие сектора обрабатывающих производств в регионах России. В работе оценивалось влияние проектов, реализованных в рамках программ Фонда, на показатели индекса производства и объема отгрузки товаров, услуг собственными силами в обрабатывающей промышленности региона по группам субъектов РФ в зависимости от уровня среднегодовой стоимости реализованных с участием Фондом развития промышленности инвестиционных проектов. **Результаты.** Проведенный анализ показал, что действующий инструментарий Фонда дает положительный эффект системного роста и развития промышленности только до определенного уровня интенсивности своего при-

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

менения в регионах со средним и низким уровнем промышленного развития. Что касается промышленно развитых регионов, то полученные здесь результаты с позиции системных эффектов ускоренного промышленного развития не очевидны.

Ключевые слова: Фонд развития промышленности, промышленная политика, проекты промышленного развития, обрабатывающая промышленность, государственная поддержка, регионы

Благодарности: Публикация подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Свердловской области (проект № 20-410-660032 р_а «Инновационно-технологическое развитие промышленности региона в контексте трансформации архитектуры бизнеса и управленческих технологий, продуцирующих знания и общие ценности: институциональный и стейкхолдерский аспекты»).

Для цитирования: Ткаченко И. Н., Стариков Е. Н., Евсеева М. В. Оценка эффектов применения проектных инструментов промышленной политики в регионах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 287–294. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-287-294>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Effect evaluation of the industrial policy project instruments application in the regions

I. N. Tkachenko ✉, Ye. N. Starikov, M. V. Evseeva

Ural State University of Economics, 62/45 8 Marta/Narodnoy Voli St., Ekaterinburg 620144, Russia

Irina N. Tkachenko, tkachenko@usue.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0996-0684>

Yevgeniy N. Starikov, starik1705@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3465-7233>

Marina V. Evseeva, m.evseeva@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1163-612X>

Abstract. Introduction. This study is devoted to the analysis of industrial policy project instruments implemented by the Russian Industrial Development Fund, from the standpoint of assessing their impact on the systemic results of the industrial development of Russian regions.

Theoretical analysis. The industrial sector of the economy has historically played a key role in the socio-economic development of Russia. Given the backbone role of industry in the country's economy, the issues of state support for industrial development are traditionally the most important on the agenda of the state's economic policy. Established in 2014, over the past period, the Fund has demonstrated the flexibility and adaptability of its programs to changing conditions, has provided its customers with convenient tools for concessional lending for technological modernization projects, and, in general, has become the most popular instrument of industrial policy. At the same time, the question of the strategic effectiveness of the Fund's activities as a systemic institution of industrial policy, solving not only local tasks of supporting modernization projects and creating new industries, but also the tasks of industrial development and growth in general, remains open. **Empirical analysis.** Given that the problem of industrial development is ultimately localized at the level of the constituent entities of the Russian Federation, in this study, based on the methods of regression analysis, an assessment has been made of the impact of the Fund's activities on the development of the manufacturing sector in the regions of Russia. The work has assessed the impact of projects implemented within the framework of the Fund's programs on the indicators of the production index and the volume of shipment of goods, services on their own in the manufacturing industry of the region by groups of constituent entities of the Russian Federation, depending on the level of the average annual cost of investment projects implemented with the participation of the Industrial Development Fund. **Results.** The analysis has showed that the Fund's current tools have a positive effect on the systemic growth and development of industry only up to a certain level of intensity of their use in regions with an average and low level of industrial development. As for industrialized regions, the results obtained here from the standpoint of systemic effects of accelerated industrial development are not obvious.

Keywords: Industrial Development Fund, industrial policy, industrial development projects, manufacturing industry, government support, regions

Acknowledgments: The research is funded by the Russian Foundation for Basic Research and Sverdlovsk region (project No. 20-410-660032 р_а "Innovation-technological development of regional industry in the context of the transformation of business architecture and management technologies that produce knowledge and common values: Institutional and stakeholder aspects").

For citation: Tkachenko I. N., Starikov Ye. N., Evseeva M. V. Effect evaluation of the industrial policy project instruments application in the regions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 287–294 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-287-294>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В 2014 г. в России был принят Федеральный закон № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации», в рамках реализации которого на базе Российского фонда технологического развития был создан Фонд развития

промышленности (далее – ФРП, Фонд). Основной задачей его является стимулирование прямых инвестиций в обрабатывающей промышленности путем предоставления займов промышленным компаниям – инициаторам проектов по глубокой модернизации действующих и

созданию новых производств по ставкам от 1 до 3% годовых на срок до 7 лет в размере от 5 млн до 2 млрд руб. Согласно Отчету о результатах работы ФРП за 2019 и 2020 гг., среди основных направлений государственной поддержки, реализуемых Фондом, указаны: автокомпоненты; локализация компонентной базы; станкостроение; конверсия; цифровизация промышленности; лизинговые проекты; маркировка товаров; наилучшие доступные технологии / импортозамещение; противоэпидемические проекты; повышение производительности труда.

С момента создания Фонда к его деятельности было приковано пристальное внимание экспертного сообщества. Ожидалось, что ФРП обеспечит баланс действий государства и частного бизнеса по технологическому развитию отечественной промышленности [1]. Также предполагалось, что возможности, предоставляемые Фондом своим заемщикам по льготному кредитованию и доступности «дешевых и длинных» денег, смогут простимулировать и существенно повысить инвестиционную активность в обрабатывающей промышленности [2], что в итоге обеспечит высокий уровень освоения инновационных разработок и приведет к росту технологичности промышленных предприятий [3]. В результате за весь период деятельности с 2015 г. по июнь 2022 г. при поддержке Фонда было реализовано и (или) продолжается реализация 1083 инвестиционных проектов на территориях 74 субъектов Российской Федерации. По данным ФРП, в 63 регионах России созданы или модернизированы и нарастили выпуск новой промышленной высокотехнологичной продукции 496 производств. Общий объем займов, выданных Фондом заемщикам из промышленного сектора, превысил 254,3 млрд руб.

Учитывая достаточно длительный срок деятельности Фонда в сфере поддержки промышленного развития, широкий региональный охват инвестиционных проектов, реализуемых при поддержке ФРП, постоянно расширяющуюся линейку направлений поддержки и формата кредитных программ, а также высокий спрос со стороны участников инвестиционной деятельности в промышленном секторе на инструменты поддержки Фонда, вопрос эффективности его работы не только с позиции результатов проектной деятельности в рамках конкретных проектов, но и как комплексного инструмента промышленной политики и системного интегратора промышленного развития в регионах страны является крайне актуальным.

В этой связи авторами настоящего исследования на основе методов регрессионного анализа предпринята попытка оценить влияние деятельности ФРП на системное развитие высокотехнологичной промышленности в регионах России, на территории которых реализуются инвестиционные проекты, поддержанные Фондом.

Теоретический анализ

На современном этапе своего развития промышленная политика России включает в себя широкий спектр программ, проектов и стратегий, направленных на формирование условий и поддержку технологической модернизации как непосредственно промышленного сектора, так и смежных секторов экономики, включая инфраструктурный, социальный и научно-технический [4]. Другими словами, фиксируется определенный акцент на практическую реализацию более широкого подхода управления экономическим развитием, связанного с масштабной инфраструктурной политикой, направленной на решение задач модернизации и развития модели отечественной экономики в соответствии с системными требованиями нового цифрового технологического уклада [5, 6].

В то же время в рамках такого расширенного подхода к формированию и реализации промышленной политики стратегия, цели и задачи развития непосредственно промышленности предметно и четко не определены [7]. Они присутствуют в разрозненном виде через цели и задачи, сформулированные в отраслевых планах импортозамещения Минпромторга РФ, в стратегиях развития отдельных отраслей промышленного комплекса РФ (см., например, Стратегия развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года, Стратегия развития электронной промышленности Российской Федерации на период до 2030 года, Стратегия развития лесного комплекса Российской Федерации до 2030 года), а также в Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности РФ до 2024 года и на период до 2035 года. Кроме того, они опосредованы показателями и индикаторами государственных программ и национальных проектов. Следует также отметить, что в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» [8] основной целью современной промышленной политики России является «формирование высокотехнологичной, конкурентоспособной промышленности, обеспечивающей переход экономики государства от экспортно-

сырьевого типа развития к инновационному типу развития». В то же время за истекший период после принятия данного Закона не было принято нормативных документов стратегического характера, конкретизирующих данную цель в виде целевых показателей развития промышленности как в целом, так и в территориальном разрезе. Такое положение вещей, безусловно, затрудняет как определение приоритетов в применении имеющегося инструментария промышленной политики, так и оценку его эффективности, а также разработку новых мер и механизмов управления развитием промышленного комплекса страны и регионов [9].

При оценке эффективности инструментария промышленной политики, включая и финансовые инструменты, традиционно используются сопоставления показателей бюджетных расходов на меры государственной поддержки с достигнутыми показателями развития поддерживаемых секторов промышленности, среди которых динамика количества занятых, включая создание новых высокотехнологичных рабочих мест, прирост объема экспорта, рост уровня производительности труда и др. [10]. При этом ФРП как инструмент промышленной политики имеет ряд выраженных особенностей, которые следует учитывать при анализе и оценке его деятельности. Так, Фонд, на протяжении последних семи с половиной лет являясь, по сути, центральным и ключевым инструментом промышленной политики России, в явном виде до сих пор не сформулировал собственную стратегию в качестве именно такого стратегического элемента обеспечения промышленного развития страны. На сайте Фонда сегодня сформулированы ценности, принципы, присутствует миссия. В то же время принятые программы и отраслевые приоритеты Фонда четко демонстрируют промышленному бизнесу направление вектора промышленной политики государства, что позволяет субъектам экономических отношений в сфере промышленного развития встраиваться в актуальную экономическую повестку [11]. Естественно, при этом снижается и степень неопределенности при реализации инвестиционных проектов, что в итоге приводит к росту инвестиционной активности в промышленном секторе экономики [2].

Важнейшим аспектом в организации работы ФРП является региональная компонента, позволяющая выделять «точки роста» и запускать механизмы регионального саморазвития, поскольку лишь на локальном уровне можно четко обозначить и выбрать приоритеты инвестирования конкретных технологических возможностей,

обеспечивающих в перспективе расширенное воспроизводство промышленного потенциала региона [12]. Также учет региональных особенностей позволяет выбрать для стимулирования конкретные производства, восполняющие производственные разрывы, и оказывать воздействие на соотношение инвестиций в новые и старые технологии [13, 14].

Однако в ежегодных отчетах о своей деятельности Фонд руководствуется количественными критериями, а именно целевыми и достигнутыми показателями отраслевой структуры поддержанных инвестиционных проектов, соотношением объемов финансовых средств Фонда и средств частных инвесторов – инициаторов проектов, объемом потенциальных налоговых поступлений в качестве меры бюджетной эффективности реализованных проектов, количеством созданных в рамках проектов новых высокопроизводительных рабочих мест и некоторыми другими показателями [15]. В то же время критериев оценки системного воздействия инвестиционных проектов, реализуемых при поддержке Фонда, на процессы промышленного развития и технологической модернизации пока не выработано, и подобная оценка в принципе не осуществляется.

Эмпирический анализ

Для осуществления оценки системных эффектов влияния инвестиционных проектов, поддержанных программами ФРП, на результаты промышленного развития регионов России нами была сформирована эмпирическая база данных за период 2015–2021 гг. по 73 субъектам РФ, включающая следующие показатели:

- индекс промышленного производства и объем отгрузки товаров собственного производства, выполненных работ, услуг по виду деятельности «Обрабатывающие производства»;
- объем инвестиций в основной капитал по полному кругу предприятий по виду деятельности «Обрабатывающие производства» за счет всех источников финансирования, сгруппированные по регионам;
- стоимостные показатели инвестиционных проектов (всего 924 проекта), поддержанных в рамках программ ФРП в 2015–2021 гг., сгруппированные по регионам.

Группировка регионов РФ, представленная в таблице, была осуществлена на основе статистических методов через расчет среднероссийского медианного уровня среднегодовой стоимости инвестиционных проектов в обрабатывающей промышленности, реализованных по программам ФРП ($\bar{V}_t = 731,6$ млн руб.), и расчет средне-

квадратического отклонения данных выборки стоимости проектов относительно среднего ($V_{\max} = 1\,774,9$ млн руб.) (из анализа исключены 35 субъектов РФ, поскольку в 12 из них проекты при поддержке Фонда в анализируемый период не реализовывались, а в 23 реализация проектов носила несистемный, единичный характер).

Группировка регионов России по размеру среднегодовой стоимости инвестиционных проектов, реализованных при поддержке ФРП, за период 2015–2021 гг.

Table. Grouping of Russian regions by the size of the average annual cost of investment projects implemented with the support of the IDF for the period 2015–2021

Регион	Среднегодовая стоимость реализованных инвестиционных проектов, млн руб.
Первая группа – с высоким размером среднегодовой стоимости инвестиционных проектов	
Московская область	5177,7
Пермский край	3431,4
Республика Татарстан	3153,1
г. Санкт-Петербург	2797,2
г. Москва	2706,8
Иркутская область	2215,9
Нижегородская область	2198,8
Челябинская область	2186,0
Республика Башкортостан	2122,8
Свердловская область	1861,6
Тульская область	1823,3
Вторая группа – с размером среднегодовой стоимости инвестиционных проектов выше среднероссийского медианного уровня	
Ленинградская область	1702,3
Калужская область	1621,1
Ставропольский край	1380,0
Ярославская область	1298,7
Чувашская Республика	1292,6
Ростовская область	1178,2
Самарская область	1133,7
Воронежская область	1086,6
Красноярский край	996,8
ХМАО-Югра	960,5
Омская область	931,6
Новосибирская область	871,7
Владимирская область	871,0
Ивановская область	784,2

Окончание таблицы / Continuation of the Table

Регион	Среднегодовая стоимость реализованных инвестиционных проектов, млн руб.
Третья группа – с низким размером среднегодовой стоимости инвестиционных проектов ниже среднероссийской медианы	
Брянская область	678,9
Пензенская область	665,3
Республика Мордовия	642,1
Ульяновская область	615,0
Саратовская область	561,4
Курганская область	522,1
Удмуртская Республика	506,9
Курская область	438,7
Белгородская область	407,3
Тюменская область	404,9
Волгоградская область	384,6
Рязанская область	345,8
Тверская область	342,2
Республика Бурятия	339,1
Смоленская область	323,2
Кировская область	309,4
Хабаровский край	306,0
Новгородская область	275,4
Архангельская область	166,9
Томская область	152,6
Краснодарский край	141,8
Алтайский край	123,3
Липецкая область	91,3
Кемеровская область	88,2
Калининградская область	41,2

Регрессионный анализ проводился по методу наименьших квадратов в программном продукте Gretl. По всем трем группам регионов, предприятиям которых оказывалась регулярная инвестиционная поддержка Фонда, были построены регрессионные модели с фиксированными и случайными эффектами по объединенному (pooled) методу наименьших квадратов и с корректировкой на гетероскедастичность. Для выбора оптимальной модели проводился панельный анализ с использованием теста Хаусмана и информационных критериев Шварца, Акаике и Хеннана – Куинна; достоверность основных параметров модели оценивалась с помощью стандартных ошибок и Р-значений,

надежность параметров регрессии оценивалась также с помощью методики Чоу – для проверки наличия структурных сдвигов в выборке наблюдений. Достоверность моделей оценивалась на основе коэффициента детерминации и вероятности выполнения нуль-гипотезы его незначимости (F-знач). Проводился анализ наличия гетероскедастичности в модели с помощью теста Уайта, автокорреляции между остатками на основе тестов Вулдриджа и Дарбина – Уотсона, а также нормальности распределения ошибок модели.

Результирующими переменными при анализе выступили индекс производства обрабатывающей промышленности как совокупный показатель роста промышленности региона и темп роста объема отгруженных товаров собственного производства, выполненных работ, услуг собственными силами в обрабатывающей промышленности региона, также свидетельствующий о положительных процессах системного развития промышленного производства. Фактором, определяющим тенденции изменения результирующих переменных, был выбран удельный вес инвестиционных проектов, реализуемых в регионе с поддержкой Фонда, в общем объеме инвестиций в основной капитал по виду деятельности «Обрабатывающие производства», характеризующий добавочную инвестиционную активность в промышленном секторе от деятельности Фонда в регионе за период.

Итоговые регрессионные модели получились следующие:

– для регионов Первой группы (66 наблюдений):

$$Y = e^{4.638} * X^{-0,0069}; \quad (1)$$

$$Z = e^{4,684} * X^{-0,014}; \quad (2)$$

– для регионов Второй группы (84 наблюдения):

$$Y = e^{4.638} * X^{0,00041}, \quad (3)$$

$$Z = e^{4,678} * X^{0,0149}; \quad (4)$$

– для регионов Третьей группы (150 наблюдений):

$$Y = e^{4.631} * X^{0,0038}, \quad (5)$$

$$Z = e^{4,68} * X^{0,014}, \quad (6)$$

где Y – индекс производства обрабатывающей промышленности в регионе в текущем периоде по сравнению с предыдущим, %; Z – темп роста объема отгруженных товаров, услуг собственными силами в обрабатывающей промышленности региона в текущем периоде по сравнению с предыдущим, %; X – отношение стоимости инвестиционных проектов, реализуемых в регионе при поддержке ФРП, к общему объему привлеченных инвестиций в основной капитал в регионе, %.

Результаты

Результаты моделирования, представленные выше (формулы 1–6), демонстрируют для регионов Первой группы обратную зависимость между исследуемыми показателями как для индекса производства обрабатывающей промышленности, так и для темпов роста объема отгруженных товаров, услуг собственными силами в обрабатывающей промышленности региона. В то же время для регионов Второй и Третьей групп взаимосвязь между показателями имеет положительную корреляцию, несколько менее значимую в регионах Третьей группы.

Согласно построенным моделям для регионов Первой группы рост на 1% удельного веса стоимости инвестиционных проектов, реализуемых в регионе при поддержке ФРП, к общему объему привлеченных инвестиций в основной капитал в регионе приводит к снижению темпов роста объема отгруженных товаров собственного производства, оказанных услуг в обрабатывающей промышленности на 0,014% и снижению индекса производства обрабатывающей промышленности на 0,0069%. В то же время рост факторного признака на 1% приводит в регионах Второй группы к росту объема отгруженных товаров собственного производства, оказанных услуг в обрабатывающей промышленности на 0,015% и росту индекса производства обрабатывающей промышленности на 0,00041%, а в регионах Третьей группы – к росту объема отгруженных товаров собственного производства, оказанных услуг в обрабатывающей промышленности на 0,014% и росту индекса производства обрабатывающей промышленности на 0,0038%.

Результаты регрессионного моделирования показывают в целом неоднозначные эффекты влияния государственной поддержки, оказываемой в рамках программ, реализуемых Фондом, на процессы промышленного развития, что, однако, позволяет предложить набор рекомендаций по оптимизации и совершенствованию данного инструментария промышленной политики с позиции оказания системных эффектов на промышленный рост в регионах России.

Выводы

Таким образом, подводя итог, можно утверждать, что, несмотря на серьезные достижения в поддержке реализации достаточно большого количества инвестиционных проектов, в результате которых были модернизированы производства, а также созданы новые, появились новые высокопроизводительные рабочие места и освоен выпуск востребованной на рынке про-

дукции промышленного назначения, роль системного интегратора промышленного развития и роста ФРП пока не выполняет.

Как показывают результаты проведенного нами анализа, предлагаемый Фондом инструментарий дает положительный эффект системного роста и развития промышленности только до определенного уровня интенсивности своего применения в регионах со средним и низким уровнем промышленного развития. При этом следует также отметить ограниченность достигнутого на сегодняшний день уровня охвата регионов мерами кредитной поддержки со стороны Фонда – почти 40% регионов России либо совсем не попадают в контур его деятельности (14%), либо присутствуют фрагментарно (27%).

Что касается промышленно развитых регионов страны, на поддержке реализации инвестиционных проектов в которых были сосредоточены основные усилия Фонда (стоимость инвестиционных проектов предприятий обрабатывающей промышленности, поддержанных Фондом, в исследуемом периоде в Первой группе регионов в общей стоимости всех проектов, поддержанных Фондом, составила 54%), то полученные здесь результаты с позиции достижения системных эффектов ускоренного промышленного развития и технологической модернизации промышленного комплекса как раз не бесспорны. Дополнительно можно отметить, что аналогичные результаты, свидетельствующие о слабом и не очевидном влиянии проектного инструментария ФРП на процессы технологического развития промышленности в индустриально развитых регионах, были также ранее зафиксированы в работах авторов настоящей статьи [16].

В регионах Первой группы кредитного инструментария Фонда явно недостаточно для системного оживления промышленного развития и формирования устойчивого вектора промышленного роста, и, скорее всего, необходимо не наращивание интенсивности его применения, а в целом пересмотр подходов к оказанию государственной поддержки, учитывая отраслевую, структурную, институциональную и технологическую специфику промышленного комплекса в данных регионах. Вследствие этого требуется разработка и внедрение в хозяйственную практику новых инструментов государственной поддержки, предметно и более избирательно ориентированных на запросы конкретных промышленных производств в указанных регионах.

В то же время сосредоточение ресурсов Фонда на реализации модернизационных проектов в промышленном комплексе регионов Второй и

Третьей групп может, судя по полученным в ходе исследования результатам, привести к явным положительным эффектам в области промышленного развития данных территорий.

Список литературы

1. Рассадина А. К. Реиндустриализация на основе инновационного развития : зарубежный опыт и российские реалии // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2016. № 3. С. 15–34. <https://doi.org/10.38050/01300105201632>
2. Яковлева Е. А., Козловская Э. А. Инновационное развитие экономики (концепция импортозамещения) // Финансы : теория и практика. 2016. Т. 20, № 6. С. 54–62. <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-6-54-62>
3. Тодосийчук А. А. Об инновационном развитии промышленности // Инновации. 2016. № 5 (211). С. 39–47.
4. Еремин В. В., Кузнецов Н. В., Чернышева Т. К. О применении проектного подхода для совершенствования стратегического планирования в Российской Федерации в 2022–2023 годах // Экономика. Налоги. Право. 2022. Т. 15, № 1. С. 105–114. <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-1-105-114>
5. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М. : Изд-во «Э», 2017. 208 с.
6. Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М. : Эксмо, 2019. 320 с.
7. Стариков Е. Н., Раменская Л. А. Международный опыт формирования и реализации промышленной политики // Региональная экономика : теория и практика. 2020. Т. 18, № 2 (473). С. 249–264.
8. О промышленной политике в Российской Федерации : федер. закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ (с изм. и доп.). Доступ из прав.-правовой системы «Гарант».
9. Идрисов Г. И., Мау В. А., Божечкова А. В. В поисках новой модели роста // Вопросы экономики. 2017. № 12. С. 5–23. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-12-5-23>
10. Коровин Г. Б. Результативность государственной поддержки обрабатывающей промышленности в индустриальных регионах РФ // Экономика региона. 2021. Т. 17, вып. 4. С. 1256–1269. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-15>
11. Ивантер В. В., Порфирьев Б. Н., Широков А. А., Шокин И. Н. Основы структурно-инвестиционной политики в современных российских условиях // Финансы : теория и практика. 2017. Т. 21, № 1. С. 6–15.
12. Сухарев О. С. Координация региональной политики : инвестиционно-инновационный аспект // Экономика региона. 2007. № 3. С. 60–71.
13. Сухарев О. С. Оценка уровня индустриализации региональной экономики и региональная промышленная политика // Экономическая политика и ресурсный потенциал региона : сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. Брянск : Изд-во БГИТУ, 2018. С. 152–163.

14. Земцов С. П., Чернов А. В. Какие высокотехнологичные компании в России растут быстрее и почему // Журнал Новой экономической ассоциации. 2019. № 1 (41). С. 68–99. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-41-1-3>
15. Романова О. А., Пономарева А. О. Теоретические, институциональные и этические основания реализации современной промышленной политики. Часть I // Экономика региона. 2019. Т. 15, вып. 1. С. 13–28. <https://doi.org/10.17059/2019-1-2>
16. Евсеева М. В., Стариков Е. Н., Воронов М. П. Уровень технологического развития индустриальных регионов : экосистемный подход // Управленец. 2021. Т. 12, № 3. С. 13–30. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-3-2>
1. Rassadina A. K. Reindustrialization on the Basis of Innovative Development. Foreign Experience and Russian Reality. *Moscow University Economics Bulletin*, 2016, no. 3, pp. 15–34 (in Russian). <https://doi.org/10.38050/01300105201632>
2. Yakovleva E. A., Kozlovskaya E. A. Innovative development of Russian economy (Concept of import substitution). *Finance: Theory and Practice*, 2016, vol. 20, no. 6, pp. 54–62 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2587-5671-2016-20-6-54-62>
3. Todosijchuk A. A. On the innovative development of industry. *Innovatsii* [Innovation], 2016, no. 5 (211), pp. 39–47 (in Russian).
4. Eremin V. V., Kuznecov N. V., Chernysheva T. K. On the application of the project approach to improve strategic planning in the Russian Federation in 2022–2023. *Ekonomika. Nalogi. Pravo* [Economics, Taxes & Law], 2022, vol. 15, no. 1, pp. 105–114 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/1999-849X-2022-15-1-105-114>
5. Shvab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, «E» Publ., 2017. 208 p (in Russian).
6. Shvab K. *Tekhnologii chetvertoi promyshlennoi revolyutsii* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Exmo Publ., 2019. 320 p. (in Russian).
7. Starikov E. N., Ramenskaja L. A. International experience in the formation and implementation of industrial policy. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2020, vol. 18, no. 2 (473), pp. 249–264 (in Russian).
8. On industrial policy in the Russian Federation. Federal Law 488-FZ of December 31, 2014 (as amended and supplemented). *ATP «Garant»* [electronic resource] (in Russian).
9. Idrisov G. I., Mau V. A., Bozhechkova A. V. Searching for a new growth model. *Voprosy Ekonomiki*, 2017, no. 12, pp. 5–23 (in Russian). <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2017-12-5-23>
10. Korovin G. B. Efficiency of Government Support for the Manufacturing Sector in Russian Industrial Regions. *Ekonomika regiona* [Economy of Regions], 2021, vol. 17, iss. 4, pp. 1256–1269 (in Russian). <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-4-15>
11. Ivanter V. V., Porfir'ev B. N., Shirov A. A., Shokin I. N. Basis of structural-investment policy in modern conditions of Russian economy. *Finance: Theory and Practice*, 2017, vol. 21, no. 1, pp. 6–15 (in Russian).
12. Suharev O. S. Regional Policy Coordination: Investment and Innovation Aspect. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2007, no. 3, pp. 60–71 (in Russian).
13. Suharev O. S. Assessment of the level of industrialization of the regional economy and regional industrial policy. In: *Ekonomicheskaya politika i resursnyi potentsial regiona: sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Economic policy and resource potential of the region: Collection of articles of the All-Russian scientific and practical conference]. Briansk, BSITU Publ., 2018, pp. 152–163 (in Russian).
14. Zemcov S. P., Chernov A. V. What high-tech companies in Russia growing faster and why? *Journal of the New Economic Association*, 2019, no. 1 (41), pp. 68–99 (in Russian). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2019-41-1-3>
15. Romanova O. A., Ponomareva A. O. Theoretical, institutional and ethical basis for implementing modern industrial policy. Part I. *Ekonomika regiona* [Economy of Region], 2019, vol. 15, iss. 1, pp. 13–28 (in Russian). <https://doi.org/10.17059/2019-1-2>
16. Evseeva M. V., Starikov E. N., Voronov M. P. Technological development of industrial regions: The ecosystem approach. *Upravlenets / The Manager*, 2021, vol. 12, no. 3, pp. 13–30 (in Russian). <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2021-12-3-2>

Поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 07.05.2022; принята к публикации 30.05.2022
The article was submitted 07.04.2022; approved after reviewing 07.05.2022; accepted for publication 30.05.2022

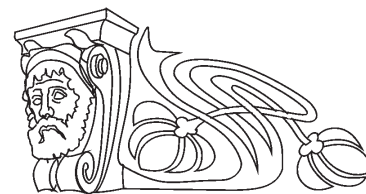

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 295–303
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 295–303
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-295-303>

Научная статья
УДК 336:378(73)

Моделирование влияния факторов развития промышленности на реиндустриализацию экономики США

В. Н. Минат

Рязанский государственный агротехнологический университет имени П. А. Костычева, Россия, 390044, г. Рязань, ул. Костычева, д. 1

Минат Валерий Николаевич, кандидат географических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента, minat.valera@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-8787-4274>

Аннотация. Введение. В условиях деглобализации и регионализации мировой экономики ведущая страна современного неокapиализма Соединенные Штаты Америки проводит модернизацию национальной индустриальной системы, используя внутренние и внешние факторы инновационно-технологического развития. Предметом исследования выступает оценка влияния факторов развития промышленного производства, наблюдаемого в США в 2010-х гг., на реиндустриализацию экономики страны (в сравнении с предыдущим десятилетием). Актуальным представляется эмпирическое подтверждение феномена реиндустриализации как стратегической базы развития американской экономики. **Теоретический анализ.** Исходя из циклической, волновой природы экономического развития мир-системы, «центром» которой выступают Соединенные Штаты, автор выделяет два концептуальных положения, условно выражающих внешние и внутренние противоречия, решение которых объективно подталкивает США к реиндустриализации. Соответственно, первое связано с нарастающей конкуренцией на мировом рынке со стороны стран, «оседлавших» новую технологическую волну, а второе – с решением проблем национальной технологической безопасности посредством NBIC-конвергенции промышленного производства. **Эмпирический анализ.** Выявление и обоснование влияния факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США представляется возможным посредством экономико-математического моделирования, основой которого является метод главных компонент. Моделирование включает сравнение линейных комбинаций исходных факторов развития американской промышленности за определенные периоды времени, условно разделенные на две циклические волны, качественно характеризующие разнонаправленность динамики индустриальной мезоэкономической системы США в 2000-х и 2010-х гг. **Результаты.** Выявлено различие в степени влияния каждого из выделенных факторов, оцененных по конкретным показателям промышленного развития США и моделируемых в пределах определенной циклической волны. При этом суммарное влияние рассмотренных факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США можно считать в целом однонаправленным. Это свидетельствует, прежде всего, о феноменальности реиндустриализации «по-американски» как закономерном объективном следствии циклическо-волнового характера процесса капиталистического воспроизводства, находящегося в начале XXI в. на острие смены технологических укладов. Кроме того, в объективный процесс реиндустриальной модернизации, подтвержденный эмпирическими данными проведенного моделирования, включается субъективная составляющая в виде усиления государственного влияния на технологизацию промышленного сектора экономики за счет использования средств финансово-спекулятивной сферы и протекционистских мер во внешней торговле.

Ключевые слова: реиндустриализация, промышленность США, индустриальная мезоэкономическая система, экономико-математическое моделирование, метод главных компонент, факторы развития промышленности, циклическая волна

Для цитирования: Минат В. Н. Моделирование влияния факторов развития промышленности на реиндустриализацию экономики США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 295–303. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-295-303>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Modeling the impact of industrial development factors on the reindustrialization of the US economy

V. N. Minat

Ryazan State Agrotechnological University Named after P. A. Kostychev, 1 Kostycheva St., Ryazan 390044, Russia

Valery N. Minat, minat.valera@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8787-4274>

Abstract. Introduction. In the context of deglobalization and regionalization of the world economy, the leading country of modern neo-capitalism, the United States of America, is modernizing the national industrial system, using internal and external factors of innovation and technological development. The subject of the study is the assessment of the impact of industrial production development factors observed in the United States

in the 2010s on the reindustrialization of the country's economy (in comparison with the previous decade). The empirical confirmation of the phenomenon of reindustrialization as a strategic basis for the development of the American economy seems to be topical. **Theoretical analysis.** Based on the cyclic, wave nature of the economic development of the world-system, the "center" of which is the United States, the author identifies two conceptual provisions that conditionally express external and internal contradictions, the solution of which objectively pushes the United States towards reindustrialization. Accordingly, the first one is connected with the growing competition in the world market from the countries that "ride" the new technological wave, and the second one is connected with the solution of the problems of national technological security through the NBIC convergence of industrial production. **Empirical analysis.** Identification and substantiation of the influence of factors in the development of American industry on the reindustrialization of the US economy is possible through economic and mathematical modeling, the basis of which is the method of principal components. The modeling includes a comparison of linear combinations of the initial factors of the development of American industry over certain periods of time, conditionally divided into two cyclical waves, which qualitatively characterize the multidirectional dynamics of the US industrial mesoeconomic system in the 2000s and 2010s. **Results.** The difference in the degree of influence of each of the selected factors, estimated by specific indicators of the US industrial development and modeled within a certain cyclical wave, is revealed. At the same time, the total influence of the considered factors of the development of American industry on the reindustrialization of the US economy can be considered generally unidirectional. This testifies, first of all, to the phenomenal nature of reindustrialization "American-style" as a natural objective consequence of the cyclic-wave nature of the process of capitalist reproduction, which at the beginning of the 21st century is at the forefront of a change in technological patterns. In addition, the objective process of re-industrial modernization, confirmed by the empirical data of the simulation, includes a subjective component in the form of increased state influence on the technologization of the industrial sector of the economy through the use of funds from the financial and speculative sphere and protectionist measures in foreign trade. **Keywords:** reindustrialization, US industry, industrial mesoeconomic system, economic and mathematical modeling, principal component method, industrial development factors, cyclical wave

For citation: Minat V. N. Modeling the impact of industrial development factors on the reindustrialization of the US economy. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 295–303 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-295-303>
This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Современная трансформация экономик передовых стран мира, инновационно-технологическое лидерство среди которых все еще принадлежит Соединенным Штатам Америки, осуществляется в условиях реиндустриализации. Посткризисный поворот от деиндустриальной/постиндустриальной парадигмы, которая качественно исчерпала себя, к новой концепции, предусматривающей стимулирование развития отраслей национальной промышленности, возврата последних на территорию стран «геоэкономического центра» (решоринг / *reshoring*), базируется на технологиях нарождающегося 6-го технологического уклада (ТУ), сущность которых составляют процессы NBIC-конвергенции. В Соединенных Штатах реиндустриализация в течение «предковидного» десятилетия не просто приобрела черты постглобалистского устойчивого развития, но стала стратегией повышения конкурентоспособности американского государства на мировом рынке за счет внедрения элементов Индустрии 4.0, цифровой трансформации производства, использования высококвалифицированного сегмента человеческого капитала, протекционистских мер внешнеторгового регулирования.

Объектом настоящего исследования является промышленность США, роль которой в условиях кризиса резко возрастает (количественные изменения), а направление развития приобретает признаки качественного скачка. С одной стороны, возросшая роль промышленного про-

изводства в инновационно передовой экономике Америки в условиях «Новой Великой рецессии» и регионализации является аксиоматичной и не требует эмпирических доказательств. Но, с другой стороны, закономерно возникает вопрос о научно-предметном познании сущностного и функционального влияния факторов, объективно и субъективно ускоривших развитие американской индустрии в наступившем столетии, приведшей страну на путь реиндустриальной модернизации экономики на «знаниевой» основе (*modernization of the economy based on knowledge*).

В этой связи актуализируется отмеченная объектно-предметная сущность исследования отраслей американской промышленности, развивающейся в условиях смены ТУ и мирохозяйственных укладов [1], именуемой западными авторами «четвертой промышленной революцией» [2]. Исходя из родовой сущности капиталистического способа производства и присвоения (в любом виде), так или иначе понимаемого в качестве индустриального/неоиндустриального процесса, американский бизнес и федеральная власть создают стратегические (!) предпосылки для модернизации традиционных и возникновение новых отраслей промышленности, которые уже становятся драйверами экономического роста США. При этом в условиях кризисно-циклического, волнового характера экономического развития мировой капиталистической системы / мир-системы [3], вступившей после финансового кризиса 2007–2009 гг. в «глобальную экономическую рецессию» (*global economic recession*)

[4], вхождение американской экономики знаний в качественно новый производственный цикл характеризуется неизбежным поиском опоры на внутренние конкурентные преимущества [5].

Цель настоящего исследования заключается в обосновании влияния факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США посредством экономико-математического моделирования данного феномена в условиях циклическо-волнового характера процесса воспроизводства в 2000–2019 гг.

Теоретический анализ

Циклическая, волновая природа развития капиталистического производства (индустриального либо так называемого постиндустриального типа) отмечена в хорошо известных трудах выдающихся и крупнейших западных и российских экономистов: К. Маркса, Н. Д. Кондратьева, Й. Шумпетера, С. Кузнеца, Г. Менша, К. Фримена, К. Переса, Дж. Арриги, С. Ю. Глазьева, Ю. В. Яковца, О. С. Сухарева и др. Применительно к объектно-предметной области настоящего исследования богатый теоретический опыт позволяет сформулировать ряд концептуальных положений.

Первое (внешнеэкономическое). Диалектические противоречия между нарождающимися инновациями и сложившимися технологическими приемами/решениями, усиленные международным разделением труда (МРТ) и конкуренцией за ограниченные ресурсы и давно освоенные рынки сбыта произведенной продукции, изменяют конфигурацию глобальных стоимостных цепочек добавленной стоимости / глобальных цепочек стоимости (ГСЦ/ГЦС) [6]. Это способствует разрыву производственного процесса, стадии которого размещены в разных странах и регионах мира («размываются» основы офшоринга, международного аутсорсинга). Наиболее подвержена этому процессу американская промышленность [7, 8], прежде всего ее высокотехнологичный сегмент – «окно возможностей» для модернизации США на неоиндустриальной основе – как элемент производственной подсистемы национальной экономики, так и в качестве субъекта внешней торговли [9, 10]. Современные исследователи констатируют нарастающее влияние Индустрии 4.0 на характер конкуренции и корпоративные стратегии промышленных компаний [11, 12], связанное с распространением ее технологических преимуществ в долгосрочной перспективе [13], приведшее в результате к усилению рещоринга [14].

Второе (внутриэкономическое). В условиях снижения темпов роста производительности труда и нормы прибыли в промышленном производстве США (как и других развитых экономик), внедрение упомянутых выше NBIC-технологий в производственный процесс с целью его усовершенствования и повышения эффективности производства товарной продукции – основы рыночной экономики (ее родового признака) – вновь стало приоритетом государственного регулирования, включая программирование. Результаты наиболее «свежих» исследований однозначно указывают на активизацию внимания федерального правительства к финансированию НИОКР [15], развитию государственной информационной политики, направленной на стимулирование диффузии нововведений в производство инновационного продукта [16] и цифровизации экономики [17], усилению государственно-частного партнерства в инновационной деятельности [18]. На базе развитой и диверсифицированной национальной инновационной системы (НИС) США и ее региональных сегментов – региональных инновационных систем (РИС) – целенаправленно/программно происходит трансформация технологических процессов, направленная на снижение/снятие возникающих противоречий в структуре американской индустрии и связанной с ней сферы услуг, обострившихся в период коронавирусной пандемии [19].

Оба приведенных положения, по мнению автора, формируют теоретическую основу, на которой объективно (в условиях рыночного циклизма) и субъективно (под влиянием крупнейшего бизнеса, в значительной степени подпадающего под американскую юрисдикцию и поддерживаемого официальными правящими кругами США) формируется комплекс факторов развития американской промышленности, определивших реиндустриальный этап (его начало) в экономическом развитии. Выявление и оценка значимости отмеченных факторов, сочетающих внешне- и внутриэкономические векторы воздействия на хозяйство Соединенных Штатов, требует эмпирического подтверждения.

Эмпирический анализ

Диалектический подход к предмету настоящего исследования предусматривает системность и историзм развития промышленности США как в качестве целостной открытой инновационной системы мезоуровня, так и подсистемы американского транснационального бизнеса, переходящего на наднациональные экосистемы / цифровые платформы. Это определяет сущность

и практическую направленность моделирования. С одной стороны, индустриальная мезосистема США характеризуется взаимностью и одномоментной сочетаемостью целого ряда факторов развития промышленности, влияющих на экономику США, а, с другой – изменчивостью «силы»/степени влияния тех или иных факторов в различные периоды, темпорально (во времени), очерчивающих циклические волны – кризисов, подъемов, стагнации. Исходя из системно-эволюционных методологических предпосылок, считаем правильным выбор такого экономико-математического инструментария, который отражает мезоэкономическую динамику в среднесрочном периоде.

Этому требованию, несомненно, соответствует хорошо известный и подробно описанный в отечественной и зарубежной литературе метод главных компонент, МГК (*principal component analysis, PCA*), помимо прочего, широко применяемый в моделировании развития промышленных экономических систем мезо- и микроуровня [20]. В нашем случае используется прием, позволяющий выделить ключевые переменные и выявить структуру их взаимосвязи [21, 22]. Из всего многообразия взвешенных данных, полученных расчетным путем на основе показателей официально публикуемой статистики США, главные компоненты в нашем случае представляют собой линейные комбинации исходных факторов развития американской промышленности за определенный период времени [23]. При осуществлении моделирования для выявления детерминант развития абстрагируемся двумя среднесрочными (десятилетними/«децильными») периодами, определяемыми в качестве *циклических волн*: I – 2000–2009 гг. и II – 2010–2019 гг., которые характеризуются достижением «дна» кризисов. Первая волна завершилась глобальным финансовым кризисом 2007–2009 гг., а вторая – «ковидным кризисом», начавшимся в 2020 г. При этом выявленные новые (некоррелированные) факторы-компоненты выстраиваются «в порядке убывания объясняемой ими доли суммарной дисперсии (среднего квадрата отклонений. – В. М.) исходных величин, что позволяет ... ограничиться несколькими первыми компонентами» [24, с. 117].

Само распределение влияния факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США для второй из указанных циклических волн осуществляется в пространстве главных компонент по аналогии с вращением, максимизирующим

дисперсию (варимакс/*Varimax raw*) [25]. Это позволяет обосновать степень влияния на процесс реиндустриализации каждого фактора в разрезе анализируемых показателей развития промышленности США, что выступает целью проводимого моделирования.

Результаты

На первоначальных этапах моделирования (описание которых автор опускает) были выявлены главные компоненты (по критерию Кайзера/*Kaiser*), дисперсия которых эквивалентна дисперсии хотя бы одной переменной. В результате многомерного статистического анализа для каждой из двух циклических волн (I и II) исходные показатели распределились по трем основным интегральным факторам, экономическая интерпретация которых отражает их количественный и качественный вклад в реиндустриализацию экономики США (таблица).

Расчет степени влияния отмеченных в таблице факторов (интерпретированных в разрезе главных компонент) на показатели позволил выявить как «индивидуальный», так и суммарный вклад развития промышленного производства в реиндустриализацию американской экономики за исследуемое двадцатилетие, условно разграниченное пополам двумя циклическими волнами. Чем меньше расчетная величина, тем значительнее вклад конкретного фактора в разрезе того или иного показателя. Наиболее важными положениями, составляющими сущность отмеченного вклада, являются следующие.

Во-первых, вторая циклическая волна характеризуется значительным ростом влияния всех выделенных факторов. Однако по компоненте внутренних и внешних операций США ($F_{КВВО}$) наибольшее влияние соответствующего фактора наблюдается по таким показателям, как чистый приток ПИИ, ИПЦ и, конечно, прирост доли промышленной продукции в ВВП страны. Максимальный вклад фактора, отражающего отраслевую компоненту ($F_{ОК}$), происходит в разрезе таких показателей, как внутреннее кредитование бизнеса, расходы промышленных компаний на ИТД и, безусловно, ВДС как промышленной продукции, так и (еще значительнее) «услугового» сектора, связанного с обслуживанием американской индустрии. Колоссальное увеличение показывает прирост вклада $F_{КВВО}$ по экспорту промышленной продукции, что коррелируется с менее значительным, но все же заметным ростом вклада $F_{ОК}$ по аналогичному показателю. Увеличение влияния фактора, отражающего макроэкономическую компоненту развития

Влияние факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США в 2000–2019 гг. по результатам факторного анализа

Table. The influence of factors in the development of American industry for the reindustrialization of the US economy in 2000–2019 according to the results of factor analysis

Показатель и его обозначение на рисунке Indicator and its designation in the figure		Факторы и циклические волны / Factors and cyclical waves					
		$F_{\text{КВВО}}$		$F_{\text{ОК}}$		$F_{\text{МК}}$	
		I	II	I	II	I	II
Внутренний кредит бизнесу, % к ВВП	A	0,57	0,10	-1,26	-2,64	3,38	2,99
Резервы, млн долл.	B	0,43	0,18	1,13	1,65	-0,19	-0,44
Импорт продукции, % к ВВП	C	1,26	2,42	-4,37	-3,56	0,52	0,89
Чистый приток ПИИ, млн долл.	D	0,72	-0,41	1,86	1,29	2,54	1,94
Расходы на ИТД, млн долл.	E	0,97	0,12	0,35	-0,88	0,46	-1,90
Сальдо счета текущих операций, млн долл.	F	0,81	1,47	0,18	0,50	-0,33	-0,81
Экспорт продукции, % к ВВП	G	-2,37	-8,99	0,63	-0,55	0,47	0,92
Банковские неисполненные займы к совокупным займам брутто, %	H	-0,57	-1,12	-0,71	-1,65	-1,36	-2,97
ИПЦ на продукцию, %	I	-0,88	-1,44	0,80	0,79	0,65	0,56
Расходы на НИОКР, % к ВВП	J	-0,08	-0,29	-0,14	-0,22	-1,89	-3,27
ВДС промышленности, % к ВВП	K	2,47	1,46	1,14	-0,45	0,36	-0,58
ВДС сервисного сектора, связанного с индустрией, % к ВВП	L	1,79	1,10	0,68	-2,53	0,50	-1,78
Доходы промышленных компаний, % к ВВП	M	1,74	0,97	0,79	1,37	0,67	-0,15
Валовое накопление, % к ВВП	N	2,03	1,30	3,26	2,72	1,90	1,21
Прирост доли промышленной продукции в ВВП, %	O	0,85	-0,19	1,12	0,25	1,53	0,70
Расходы компаний, % к ВВП	P	1,87	1,18	1,62	1,05	0,98	0,47

Примечание. Рассчитано по: [26–30]. Экономическая интерпретация интегральных факторов в разрезе главных компонент: $F_{\text{КВВО}}$ – компонента внутренних и внешних операций, $F_{\text{ОК}}$ – отраслевая (мезоэкономическая) компонента, $F_{\text{МК}}$ – макроэкономическая компонента. Циклические волны: I – 2000–2009 гг.; II – 2010–2019 гг. Аббревиатуры: ВВП – валовой внутренний продукт, ПИИ – прямые иностранные инвестиции, ИТД – инновационно-технологическая деятельность, ИПЦ – индекс потребительских цен, НИОКР – научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки, ВДС – валовая добавленная стоимость.

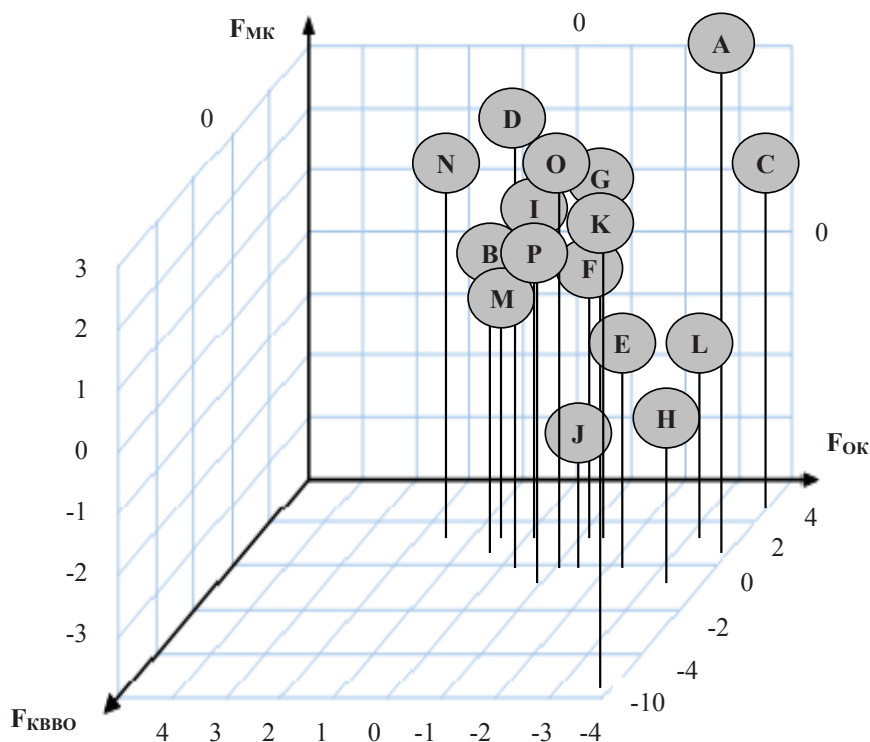
промышленности США, на реиндустриализацию ($F_{\text{МК}}$) во второй циклической волне неслучайно по таким показателям, как расходы на НИОКР, ИТД и ВДС (в пропорциях, аналогичных влиянию фактора $F_{\text{ОК}}$). Данный тренд прямо указывает не только на активизацию бизнеса в инновационной деятельности, направленной на модернизацию производства в будущем, но и на повышение роли государственного финансирования знаниеемких новшеств. Более того, рост влияния всех трех факторов по показателю «банковские неисполненные займы к совокупным займам брутто» выявляет программную природу реиндустриализации США, имеющей стратегические задачи развития. Аналогичная картина наблюдается по показателю валового накопления.

Во-вторых, наблюдается обратный процесс (описанному выше), связанный со снижением степени влияния конкретных факторов в разрезе тех или иных показателей. Так, наиболее значительно снижается роль импорта промышленной продукции во влиянии $F_{\text{КВВО}}$. Это выступает следствием введения небывалых протекционистских мер по защите внутреннего рынка США от притока промышленных товаров, в особенности высокотехнологичных, и действия эффекта замещения [10], что закономерно ослабляет влияние $F_{\text{МК}}$. А вот влияние разных факторов в периоды двух циклических волн по такому важному показателю, как «Доходы промышленных компаний», рассчитанные в процентах к ВВП США, неоднозначно. Это влияние растет для $F_{\text{КВВО}}$ и $F_{\text{МК}}$, но примерно

в такой же степени снижается во второй волне для F_{OK} . Этот тренд, на наш взгляд, отражает тот факт, что реиндустриализация США лишь только начинает набирать темпы в рамках всего американского воспроизводства, где доминирует доходность в сфере услуг.

Для оценки и наглядной демонстрации суммарного влияния исследуемых факторов на реиндустриальное развитие США во второй циклической волне предпринято пространственное распределение (обозначение) выделенных ведущих факторов (рисунок).

Распределение влияния факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США для II циклической волны (2010–2019 гг.) в пространстве главных компонент (обозначения осей и показателей см. таблицу)
Figure. Distribution of the influence of the factors of development of American industry on the reindustrialization of the US economy for the II cyclical wave (2010–2019) in the space of principal components (see the Table for the designations of the axes and indicators)

На рисунке хорошо видна локализация влияния исследуемых факторов по большинству выбранных показателей как макро-, так и мезо-экономического анализа развития промышленности США в условиях реиндустриализации второй циклической волны. «Выбивающиеся» из общей локальной матрицы показатели внутреннего кредита (A), экспорта (G) и импорта (C) промышленной продукции свидетельствуют о кардинальной смене финансово-кредитного и внешнеторгового курса Соединенных Штатов в 2010-е гг., что нашло отражение в пространстве главных компонент.

Сущность указанной смены состоит в постепенном развороте от финансиализации (доминирования фиктивного капитала в экономике) к кредитованию реального сектора и усилению экспансии промышленной продукции нового по-

коления на мировом рынке при одновременной защите внутреннего рынка от сопоставимых товарных групп. Этот процесс эмпирически подтверждается результатами настоящего исследования с использованием хорошо известных приемов экономико-математического моделирования. Полученные результаты свидетельствуют о различном, но в целом однонаправленном суммарном влиянии рассмотренных факторов развития американской промышленности на реиндустриализацию экономики США. Экономический феномен реиндустриализации экономики США, по мнению автора, представляется закономерным объективным следствием циклическо-волнового характера процесса капиталистического воспроизводства.

Реиндустриализация «по-американски» весьма поучительна для Российской Федерации,

правительство и бизнес которой в тот же период времени (2000–2019 гг.) ставили аналогичные задачи модернизации несырьевых секторов хозяйства. Однако современные исследователи видят преимущества начального этапа реиндустриальной модернизации именно для американской экономики знаний, формирующей национальную технологическую безопасность, монополию на технологии и наиболее знаниеемкие виды продукции. Это позволяет Соединенным Штатам как «геоэкономическому центру» не только удерживать в технологической и экономической зависимости свою «полупериферию и периферию» по всему миру (Канада, Япония, Австралия, страны Юго-Восточной Азии и т. д.), но и противостоять конкурентам в лице Китая и России. Противостояние последним в настоящее время выражается в смене приоритетов с уже используемых платежно-финансовых санкций на внешнеэкономические и внешнеторговые (гораздо более серьезные по ожидаемым последствиям для открытых экономических систем мировой «полупериферии»), связанные с высокотехнологичными товарами и услугами.

Список литературы

1. Глазьев С. Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52, № 2. С. 3–29.
2. Шваб К. Четвертая промышленная революция : пер. с англ. М. : Эксмо, 2020. 208 с.
3. Zuboff Sh. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power. New York : Public Affairs, 2019. 704 p.
4. Zakaria F. Ten Lessons for a Post-Pandemic World. New York ; London : W.W. Norton, 2020. 336 p.
5. Портер М. Международная конкуренция : Конкурентные преимущества стран : пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2020. 947 с.
6. Кондратьев В. Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики : общее и особенное // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 1. С. 49–58. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58>
7. Кондратьев В. Б. Глобальные цепочки стоимости, индустрия 4.0 и промышленная политика // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018, № 3 (39). С. 170–177. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-39-3-11>
8. Варнавский В. Г. Роль США в мировой промышленности и торговле как глобальная проблема // Контуры глобальных трансформаций : политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 2. С. 100–112. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-2-100-112>
9. Минат В. Н. Стимулирование экспорта высокотехнологичной продукции обрабатывающей промышленности США // Международная торговля и торговая политика. 2021. Т. 7, № 2 (26). С. 30–46. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-2-30-46>
10. Минат В. Н. Эффект замещения в высокотехнологичной промышленности США по доле внешней торговли и защита внутреннего рынка // Международная торговля и торговая политика. 2021. Т. 7, № 4 (28). С. 5–25. <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-3-5-25>
11. Porter M., Heppelmann J. How Smart, Connected Products are Transforming Competition // Harvard Business Review. 2014. Vol. 92, № 11. P. 64–88.
12. Greenberg E., Hirt M., Smit S. The Global Forces Inspiring a New Narrative of Progress // McKinsey Quarterly. 2017. April. № 2. P. 89–112.
13. Kietzmann J., Berthon P. Disruption, Decisions, and Destinations: Enter the Age of 3D Printing and Additive Manufacturing // Business Horizons. 2015. Vol. 58, № 2. P. 209–215.
14. Гудкова Т. В., Логинова В. С. Решоринг промышленности США : цифровизация vs глобализация // США & Канада : экономика, политика, культура. 2020. Т. 50, № 7. С. 42–60. <https://doi.org/10.31857/S268667300010134-7>
15. Минат В. Н. Федеральное финансирование научных исследований и разработок в США : объем, структура, перспективные направления // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 256–265. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>
16. Минат В. Н. Государственная информационная политика и динамика федерального финансирования распространения результатов научных исследований и разработок США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 38–47. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-38-47>
17. Пороховский А. А. Рыночный механизм американской экономики : роль цифровизации // США & Канада : экономика, политика, культура. 2020. Т. 50, № 5. С. 24–38. <https://doi.org/10.31857/S268667300009424-6>
18. Минат В. Н. Государственно-частное партнерство в инновационной деятельности США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 380–391. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-380-391>
19. Печаткин В. В., Малышев Т. А. Конкурентоспособность реального сектора экономики США, Китая и России в условиях пандемии // Экономические отношения. 2021. Т. 11, № 2. С. 319–334. <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.111995>
20. Водолажская Е. Л., Быстров А. В. Моделирование инновационного развития промышленности в условиях цикличности // Экономический вестник Республики Татарстан. 2018. № 1. С. 44–50.
21. Cornillon P. A., Imam W., Matzner-Løber E. Forecasting time series using principal component analysis with respect to instrumental variables // Computational Statistics & Data Analysis. 2008. Vol 52, iss. 3. P. 1269–1280.

22. Tabachnick B. G., Fidell L. S. Using multivariate statistics. 4th ed. Boston : Allyn and Bacon, 2001. 408 p.
23. Shappell S. A., Wiegmann D. A. The Human Factors Analysis and Classification System—HFACS. Washington, DC, USA : Office of Aviation Medicine, Federal Aviation Administration, 2000. 18 p.
24. Габдуллин Н. М., Киришин И. А. Структурирование многомерных данных в исследовании развития информационного общества в регионах России // Мир новой экономики. 2019. Т. 13, № 4. С. 115–125. <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-115-125>
25. Novales A., Benito S. A factor analysis of volatility across the term structure: The Spanish case // Revista de Economía Financiera. 2007. № 13. P. 8–27.
26. Bureau of Economic Analysis (BEA). Industry Data. URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1> (дата обращения: 28.01.2022).
27. Bureau of Economic Analysis (BEA). International Trade in Goods and Services. URL: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (дата обращения: 28.01.2022).
28. Manufacturing Annual Report. United States Department of Commerce. URL: <https://www.pwc.co.uk/industries/manufacturing/insights/annual-manufacturing-report.html> (дата обращения: 28.01.2022).
29. State of North American Manufacturing. Annual Report. URL: <https://business.thomasnet.com/state-of-north-american-manufacturing-ualp> (дата обращения: 28.01.2022).
30. The State of U.S. Science and Engineering indicators. URL: <https://nces.nsf.gov/indicators> (дата обращения: 28.01.2022).
1. Glazyev S. Yu. National economy structures in the global economic development. *Ekonomika i matematicheskie metody* [Economics and Mathematical Methods], 2016, vol. 52, iss. 2, pp. 3–29 (in Russian).
2. Schwab K. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution]. Moscow, Eksmo Publ., 2020. 208 p. (in Russian).
3. Zuboff Sh. *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York, Public Affairs, 2019. 704 p.
4. Zakaria F. *Ten Lessons for a Post-Pandemic World*. New York, London, W. W. Norton, 2020, 336 p.
5. Porter M. *Mezhdunarodnaya konkurentsya: Konkurentnye preimushchestva stran* [International Competition: Competitive Advantages of Countries]. Moscow, Alpina Publisher, 2020. 947 p. (in Russian).
6. Kondratiev V. Global value chains in industries: Common and specific features. *World Economy and International Relations*, 2019, vol. 63, no. 1, pp. 49–58 (in Russian). <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58>
7. Kondratiev V. B. Global value chains, industry 4.0 and industrial policy. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy asotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], 2018, no. 3 (39), pp. 170–177 (in Russian). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-39-3-11>
8. Varnavsky V. G. The US Role in the World Manufacturing and Trade as a Global Issue. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, 2018, vol. 11, no. 2, pp. 100–112 (in Russian). <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2018-11-2-100-112>
9. Minat V. N. Promoting the export of high technology products by the US processing industry. *International Trade and Trade Policy*, 2021, vol. 7, no. 2 (26), pp. 30–46 (in Russian). <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-2-30-46>
10. Minat V. N. Substitution effect in high-tech industry in the USA in foreign trade share and domestic market protection. *International Trade and Trade Policy*, 2021, vol. 7, no. 4 (28), pp. 5–25 (in Russian). <https://doi.org/10.21686/2410-7395-2021-3-5-25>
11. Porter M., Heppelmann J. How Smart, Connected Products are Transforming Competition. *Harvard Business Review*, 2014, vol. 92, no. 11, pp. 64–88.
12. Greenberg E., Hirt M., Smit S. The Global Forces Inspiring a New Narrative of Progress. *McKinsey Quarterly*, April 2017, no. 2, pp. 89–112.
13. Kietzmann J., Berthon P. Disruption, Decisions, and Destinations: Enter the Age of 3D Printing and Additive Manufacturing. *Business Horizons*, 2015, vol. 58, no. 2, pp. 209–215.
14. Gudkova T. V., Loginova V. S. Reshoring Process in the USA Industry: Digitalization vs Globalization. *USA & Canada: economics, politics, culture*, 2020, vol. 50, no. 7, pp. 42–60 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S268667300010134-7>
15. Minat V. N. Federal financing of scientific research and development in the USA: volume, structure, promising directions. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 256–265 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-3-256-265>
16. Minat V. N. Government information policy and the dynamics of federal funding for the dissemination of US research and development results. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 38–47 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-38-47>
17. Porokhovskiy A. A. American economy market mechanism: Digitalisation impact. *USA & Canada: economics, politics, culture*, 2020, vol. 50, no. 5, pp. 24–38 (in Russian). <https://doi.org/10.31857/S268667300009424-6>
18. Minat V. N. Public-private partnership in USA innovation. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 4, pp. 380–391 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-4-380-391>
19. Pechatkin V. V., Malyshev T. A. The competitiveness of the real sector of the USA, China and Russia in the context of the pandemic. *Ekonomicheskie otnosheniya* [Economic Relations], 2021, vol. 11, no. 2, pp. 319–334 (in Russian). <https://doi.org/10.18334/eo.11.2.111995>

20. Vodolazhskaya E. L., Bystrov A. V. Modeling of innovative development of industry in the condition of cyclicity. *Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan*, 2018, no. 1, pp. 44–50 (in Russian).
21. Cornillon P. A., Imam W., Matzner-Løber E. Forecasting time series using principal component analysis with respect to instrumental variables. *Computational Statistics & Data Analysis*, 2008, vol. 52, iss. 3, pp. 1269–1280.
22. Tabachnick B. G., Fidell L. S. *Using Multivariate Statistics*. 4th ed. Boston, Allyn and Bacon, 2001. 408 p.
23. Shappell S. A., Wiegmann D. A. *The Human Factors Analysis and Classification System—HFACS*. Washington, DC, USA, Office of Aviation Medicine, Federal Aviation Administration, 2000. 18 p.
24. Gabdullin N. M., Kirshin I. A. Structuring multidimensional data in the study of the development of information society in Russian regions. *Mir novej ekonomiki* [World of the New Economy], 2019, vol. 13, no. 4, pp. 115–125 (in Russian). <https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-4-115-125>
25. Novales A., Benito S. A factor analysis of volatility across the term structure: The Spanish case. *Revista de Economía Financiera*, 2007, no. 13, pp. 8–27.
26. Bureau of Economic Analysis (BEA). *Industry data*. Available at: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=51&step=1> (accessed 28 January 2022).
27. Bureau of Economic Analysis (BEA). *International Trade in Goods and Services*. Available at: <https://www.bea.gov/data/intl-trade-investment/international-trade-goods-and-services> (accessed 28 January 2022).
28. *Manufacturing Annual Report. United States Department of Commerce*. Available at: <https://www.pwc.co.uk/industries/manufacturing/insights/annual-manufacturing-report.html> (accessed 28 January 2022).
29. *State of North American Manufacturing. Annual report*. Available at: <https://business.thomasnet.com/state-of-north-american-manufacturing-ualp> (accessed 28 January 2022).
30. *The State of U.S. Science and Engineering indicators*. Available at: <https://nces.nsf.gov/indicators> (accessed 28 January 2022).

Поступила в редакцию 16.03.2022; одобрена после рецензирования 25.04.2022; принята к публикации 30.05.2022
The article was submitted 16.03.2022; approved after reviewing 25.04.2022; accepted for publication 30.05.2022

ПРАВО

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 304–309

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 304–309

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-304-309>

Научная статья
УДК 342

Формы непосредственной муниципальной демократии: грядущие трансформации

Т. Н. Михеева ✉, Д. С. Михеев

Марийский государственный университет, Россия, 424000 г. Йошкар-Ола, пл. Ленина, д. 1

Михеева Татьяна Николаевна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и административного права, tnmiheeva14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-0257>

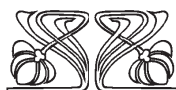
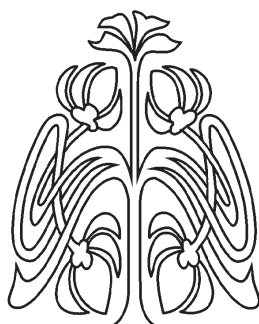
Михеев Денис Степанович, доктор юридических наук, профессор, профессор, кафедры конституционного и административного права, Mikheev_DS@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5927-5859>

Аннотация. Введение. Предметом исследования стали новеллы проекта федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в части правового регулирования непосредственной муниципальной демократии. Он отличается значительным сокращением имеющихся форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления, при этом не предлагая ни одной новой. Хотя в ходе развития государства и общества в России на протяжении двух последних десятилетий появились новые демократические механизмы и инструменты. **Эмпирический анализ.** Проведен анализ действующих законодательных норм, регулирующих формы прямого народовластия на уровне местного самоуправления, дана правовая оценка сокращению их перечня в названном законопроекте. Выявлена необходимость сохранения в нем института голосования по отзыву выборных лиц местного самоуправления, являющегося одновременно одним из видов муниципально-правовой ответственности. В поисках дополнительных форм непосредственной демократии на местном уровне был рассмотрен институт общественного контроля. Осмысление его целей и задач через призму местного самоуправления показало, что он может выступить эффективным инструментом населения в оценке деятельности муниципальной власти. **Результаты.** Выводом исследования стало предложение о дополнении форм участия граждан в осуществлении местного самоуправления, закрепленном в названном законопроекте, новой формой – «общественный контроль за деятельностью органов местного самоуправления».

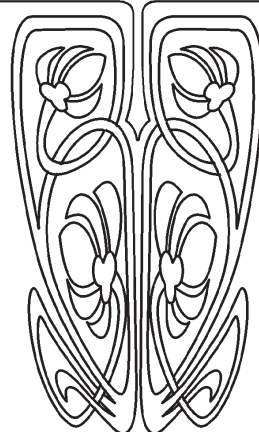
Ключевые слова: местное самоуправление, формы непосредственной муниципальной демократии, общественный контроль

Для цитирования: Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Формы непосредственной муниципальной демократии: грядущие трансформации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 304–309. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-304-309>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Article

Forms of direct municipal democracy: Upcoming transformations

T. N. Mikheeva , D. S. Mikheev

Mari State University, 1 Lenin Sq., Yoshkar-Ola 424001, Russia

Tatiana N. Mikheeva, tnmiheeva14@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6060-0257>

Denis S. Mikheev, Mikheev_DS@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5927-5859>

Abstract. Introduction. The subject of the study is the novelties of the draft federal law “On the general principles of organizing local self-government in a single system of public authority” in terms of the legal regulation of direct municipal democracy. It is distinguished by a significant reduction in the existing forms of direct participation of the population in the implementation of local self-government, while not offering any new ones. Though in the course of the development of the state and society in Russia over the past two decades, new democratic mechanisms and tools have appeared. **Empirical analysis.** The authors analyzed the current legislative norms regulating the forms of direct democracy at the level of local self-government and provided a legal assessment of the reduction of their list in the given draft law. The researchers revealed the necessity of preserving the institution of voting on the recall of elected persons of local self-government, which is at the same time one of the types of municipal legal responsibility, in the draft law. In search of additional forms of direct democracy at the local level, the institution of public control was considered. Understanding its goals and objectives through the prism of local self-government indicated that it can act as an effective tool for the population in assessing the activities of municipal authorities. **Results.** The study concludes by proposing to supplement the forms of citizens’ participation in the implementation of local self-government, enshrined in the named bill, with a new form of “public control over the activities of local self-government bodies”.

Keywords: local self-government, forms of direct municipal democracy, public control

For citation: Mikheeva T. N., Mikheev D. S. Forms of direct municipal democracy: Upcoming transformations. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 304–309 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-304-309>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Особенностью действующей модели местного самоуправления в России является, во всяком случае де-юре, приоритетность решения вопросов местного значения населением непосредственно, что следует уже из определения местного самоуправления, закрепленного в ст. 1 Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 131-ФЗ) [1]. Этому следует и структура данного Закона, согласно которой нормы института непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в осуществлении местного самоуправления размещены перед нормами, регулирующими вопросы органов и должностных лиц местного самоуправления.

Признаком значимости названного института выступает и многообразие самих форм непосредственной муниципальной демократии, урегулированных в 15 статьях Федерального закона № 131-ФЗ и позволяющих населению муниципальных образований реализовать свое право на местное самоуправление.

Вместе с тем широко обсуждаемый с начала 2022 г. проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [2] (далее – законопроект) «реформаторски» подошел к вопросу о формах непосредственной муниципальной демократии, прежде всего, со-

кратив их число на одну треть, не предлагая при этом ни одной новой. Хотя за 19 лет действия Федерального закона № 131-ФЗ произошли серьезные преобразования в государстве, появились новые элементы в структуре гражданского общества, например пул многочисленных общественных палат и общественных советов как на федеральном, региональном, так и муниципальном уровнях. Получил законодательное оформление и уверенно заявляет о себе институт общественного контроля, позволяющий, в том числе и гражданам муниципальных образований, участвовать в проверке и оценке деятельности органов местного самоуправления, а последних – учитывать общественное мнение при принятии своих решений.

Исследователями общественный контроль рассматривается как одна из форм осуществления права граждан на участие в делах государства, эффективного влияния гражданского общества на деятельность органов государственной власти [3, с. 294]. Наибольший интерес он вызывает на муниципальном уровне, где деятельность власти максимально приближена к населению, а ее результаты непосредственным образом сказываются на качестве жизни граждан [4, с. 177]. С этой точки зрения актуальным является рассмотрение общественного контроля в качестве одной из форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления, в том числе как с концептуальных позиций, так и с позиций создания правовой основы.

Эмпирический анализ

Современному уровню развития российской демократии требуются новые инструменты и механизмы реализации [5, с. 466]. В этом смысле местное самоуправление как наиболее приближенный к гражданам уровень публичной власти должно расширять имеющиеся формы непосредственной муниципальной демократии.

Однако проект закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», ставший следствием внесения в 2020 г. поправок к Конституции Российской Федерации, не предлагает в этой части никаких новых механизмов, напротив, значительно сокращает возможности прямого участия граждан в осуществлении местного самоуправления. Напомним, что Федеральный закон № 131-ФЗ с момента его принятия содержал 12 форм непосредственной муниципальной демократии: местный референдум, муниципальные выборы, голосование по отзыву выборных лиц местного самоуправления и голосование по изменению границ муниципального образования, сход граждан, правотворческая инициатива, территориальное общественное самоуправление, публичные слушания, собрания граждан, конференция граждан, опрос граждан, обращение граждан в органы местного самоуправления.

Следует отметить стремление законодателя к расширению данного перечня – в последующие годы в него были добавлены общественные обсуждения, староста сельского населенного пункта, инициативные проекты, что вполне объяснимо.

Общественные обсуждения, по своей природе имея сходство с публичными слушаниями, направлены на более активное вовлечение в них жителей, допуская выявление их мнения посредством современных информационных технологий – электронной почты, системы «Интернет», мобильных приложений, без чего значительная часть населения (особенно молодежь) уже не представляет своей жизни.

Староста сельского населенного пункта, фигура хоть и не новая на муниципальном уровне, тем не менее, не имела законодательного закрепления. Его появление стало очевидным отголоском многих заявлений руководства государства о приближении власти к населению «на расстояние вытянутой руки». Сельский староста стал связующим звеном (посредником), способным укрепить взаимодействие органов местного самоуправления с жителями [6, с. 71].

На поощрение заинтересованности граждан в решении проблем, имеющих для них приоритетное значение, было направлено включение в

Федеральный закон № 131-ФЗ такой востребованной формы местной демократии, как инициативные проекты. Законодатель легитимизировал и усовершенствовал, по сути, позитивную муниципальную практику вовлечения населения в реализацию программ поддержки местных инициатив.

Отмеченные тенденции, безусловно, характеризуют укрепление непосредственной демократии на местном уровне. Именно наличие широкого спектра форм муниципальной демократии позволяет гражданам участвовать в определении задач и направлений деятельности местного самоуправления [7, с. 119]. В этой связи в обществе были ожидания, что грядущий федеральный закон в сфере местного самоуправления сохранит тенденции к модернизации и апробации новых средств общественного присутствия в работе органов власти, поскольку конституционные изменения 2020 г. демонстрируют движение по пути укрепления демократической сферы [8, с. 32]. Тем более непредсказуемым в обнародованном проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» стало содержание главы «Непосредственное осуществление населением местного самоуправления и участие населения в осуществлении местного самоуправления». Впрочем, не только содержание, но и ее структурное размещение в законопроекте после главы «Организационные основы местного самоуправления», регулирующей институт органов местного самоуправления, и главы «Функциональные основы организации местного самоуправления», регулирующей полномочия органов местного самоуправления, мягко говоря, удивляет.

Однако справедливости ради нужно отметить в качестве позитивной правовой новеллы законодательное разделение форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и форм участия населения в осуществлении местного самоуправления (ч. 1 и 2 ст. 41), что отсутствует в действующем Федеральном законе № 131-ФЗ. К первой группе отнесены: местный референдум, муниципальные выборы, сход граждан и территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС). Во вторую группу включены: опрос граждан, публичные слушания и общественные обсуждения, собрания граждан, инициативные проекты, староста сельского населенного пункта.

Однако в целом отмеченные нормы вызывают вопросы. Во-первых, отнесение территориального общественного самоуправления к формам непосредственного осуществления населением

местного самоуправления является неверным, поскольку решения ТОС по своей юридической силе не носят обязательного характера как, например, решения, принятые на муниципальных выборах и референдумах, сходах граждан. По своей правовой природе ТОС выступает формой участия населения в осуществлении местного самоуправления. Такая единодушная позиция отмечалась на многочисленных площадках, обсуждавших законопроект, в том числе и на Федеральных экспертных слушаниях, прошедших в Общественной палате Российской Федерации при участии представителей целого ряда авторитетных органов и организаций научного, экспертного, муниципального сообществ [9].

Во-вторых, представляется необоснованным исключение из действующего на сегодня перечня таких форм, как голосование по отзыву выборных лиц местного самоуправления и голосования по вопросам изменения границ, преобразования муниципальных образований; правотворческая инициатива граждан; конференции граждан; обращения граждан в органы местного самоуправления.

С лишением последней формы статуса прямой муниципальной демократии можно еще как-то согласиться, поскольку граждане муниципального образования не теряют ни юридического, ни фактического права направить при необходимости в органы местной власти жалобы, заявления, обращения в соответствии с Федеральным законом от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». Должностные лица местного самоуправления в любом случае обязаны рассмотреть поступившие обращения и принять по ним соответствующие решения. Допустим, что исключенная из перечня не столь часто применяемая правотворческая инициатива граждан может быть реализована, например, через избранного ими депутата представительного органа муниципального образования.

Однако исключение такой формы, как голосование по отзыву муниципального депутата, иного выборного лица, станет в случае принятия законопроекта ощутимым и невосполнимым изъятом из правомочий граждан. При этом нужно иметь в виду, что голосование по отзыву выборных лиц местного самоуправления является специфической формой муниципальной демократии, выступающей еще и в качестве самостоятельного вида муниципально-правовой ответственности названных лиц перед своими избирателями (населением), рычагом правового воздействия за их противоправные действия (бездействия), решения.

Невзирая на довольно редкую практику реализации института отзыва выборных лиц местного самоуправления [10, с. 200], факт его наличия в системе форм непосредственной муниципальной демократии выступает гарантией подотчетности, подконтрольности выборного лица перед народом, наделившим его полномочиями посредством прямых выборов. Муниципальная демократия характеризуется не только непосредственным участием граждан в местных делах, но и возможностью влияния на местные органы [11, с. 18].

В этой связи возникает логичный вопрос о том, что законодатель предлагает взамен исключаемых форм прямой демократии на муниципальном уровне? Как ни парадоксально, но – ничего.

Между тем в юридической литературе часто дискутируется вопрос об особой роли общественного контроля на муниципальном уровне, обосновывается, что он является необходимым атрибутом осуществления муниципальной власти [12, с. 120]. Именно общественный контроль может способствовать установлению соответствия функционирования органов местного самоуправления законодательным стандартам и корректированию выявленных в ходе контроля отклонений [13, с. 238]. Сущность местного самоуправления как одной из форм народовластия предполагает необходимость контроля за формированием и деятельностью как органов местного самоуправления, так и муниципального образования в целом [14, с. 46].

Представляется целесообразным включить в обсуждаемый законопроект общественный контроль в качестве еще одной формы непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления. Современные вызовы побуждают не к снижению вариативности названных форм, а, напротив – к поиску новых способов вовлечения граждан в решение вопросов непосредственного обеспечения вопросов жизнедеятельности, в том числе используя инструменты общественного контроля.

Анализ целей и задач общественного контроля, адаптированных к муниципальному уровню, показывает их тесную связь с местным самоуправлением. Так, в качестве целей Федерального закона от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» называет обеспечение органами местного самоуправления учета общественного мнения, предложений и рекомендаций граждан и общественных организаций, общественную оценку деятельности органов местного самоуправления. В числе задач закреплены: обе-

спечение взаимодействия органов публичной власти с институтами гражданского общества; обеспечение открытости деятельности органов местного самоуправления [15].

Жители муниципальных образований непосредственно на себе ощущают результаты работы местных органов власти, поскольку они напрямую влияют на качество жизни каждого. Отсюда прямая заинтересованность людей в общественной оценке деятельности муниципальной власти, равно как неподдельное стремление повлиять на ее улучшение. Здесь также прослеживается тесное взаимодействие населения с органами местного самоуправления.

Таким образом, дополнение общественным контролем перечня форм непосредственного участия населения в осуществлении местного самоуправления не видится чем-то искусственным. Данный институт способен занять собственную нишу в палитре прямой муниципальной демократии.

Результаты

Подводя краткий итог вышесказанному, следует сделать некоторые выводы. Имеющиеся на сегодня в распоряжении населения муниципальных образований возможности непосредственного участия в осуществлении местного самоуправления могут быть с большой долей вероятности существенно сокращены, о чем свидетельствует соответствующая глава в проекте федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Очевидно, что за истекшие без малого два десятилетия с момента принятия Федерального закона № 131-ФЗ в государстве и обществе произошли значительные демократические изменения. Возникли и окрепли новые институты, механизмы, инструменты участия гражданского общества в делах государства в целом и местного самоуправления в частности. Демократия участия предоставляет гражданам широкие возможности реализации принципа народного суверенитета, включая и контрольный механизм в отношении органов публичной власти [16, с. 7].

Имеются основания рассмотреть институт общественного контроля под новым углом зрения. Исследование позволяет сделать выводы о возможности включения общественного контроля в число форм непосредственной муниципальной демократии, что в какой-то мере компенсирует предстоящее сокращение этих форм.

Список литературы

1. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации : федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2003. № 40, ст. 3822.
2. Проект федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». URL: <https://sozd.duma.go-v.ru/bill/40361-8> (дата обращения: 12.04.2022).
3. Комкова Г. Н., Куликова С. А. Вопросы законодательного регулирования эффективности информационного обеспечения общественного контроля // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19, вып. 3. С. 294–301. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-294-301>
4. Михеева Т. Н. Общественный контроль с позиций конституционного права граждан на участие в управлении делами государства // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 10 (95). С. 177–183. <https://doi.org/10.17803/19471.2018.95.10.177-183>
5. Троицкая Т. В. Гражданин Российской Федерации – субъект осуществления общественного контроля в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 464–468. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-4-464-468>
6. Широков А. Н., Юркова С. Н. Государственная политика в области местного самоуправления на современном этапе его реформирования и развития // Муниципальная академия. 2018. № 4. С. 68–75.
7. Антонова Н. А. Конституционная практика муниципальной публичной власти : закономерности и отклонения // Конституционная теория и практика публичной власти : закономерности и отклонения : материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2015. С. 119–122.
8. Тепляшин И. Д. Права и законные интересы субъектов общественного контроля : содержание и классификация // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 10. С. 32–35. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-32-35>
9. Об актуальных вопросах муниципального строительства и развития законодательства в сфере местного самоуправления в Российской Федерации : резолюция федеральных экспертных слушаний 24.01.2022. URL: <https://pruffme.com/landing/u1139665/op> (дата обращения: 12.04.2022).
10. Нарутто С. В., Шугрина Е. С. Муниципальная демократия : от теории к практике. М. : Юрлитинформ, 2020. 272 с.
11. Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Институт публичных слушаний в контексте принципа гласности местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2016. № 6. С. 17–22.
12. Михеев Д. С., Михеева Т. Н. Роль гласности в осуществлении общественного контроля на муниципальном уровне // Вестник Российского университета кооперации. 2016. № 1 (23). С. 120–123.

13. Килессо М. А. Субъекты, осуществляющие общественный контроль над деятельностью органов местного самоуправления в России // Административное и муниципальное право. 2015. № 3 (87). С. 237–240. <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2015.3.14320>
14. Чеботарев Г. Н. Общественный контроль в системе местного самоуправления // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 9. С. 45–48.
15. Об основах общественного контроля в Российской Федерации : федер. закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 30 (ч. 1), ст. 4213.
16. Бердникова Е. В. Международные правовые стандарты в сфере общественного контроля // Международное публичное и частное право. 2018. № 4 (103). С. 6–9.

References

1. On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation. Federal law 131-FZ of 06.10.2003. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2003, no. 40, art. 3822 (in Russian).
2. Draft Federal law "On the general principles of organizing local self-government in a unified system of public authority". Available at: <https://sozd.duma.go-v.ru/bill/40361-8> (accessed 12 April 2022) (in Russian).
3. Komkova G. N., Kulikova S. A. Questions of Legislative Regulation to Effectively Ensure Information Support of Public Control. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 3, pp. 294–301 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2019-19-3-294-301>
4. Mikheeva T. N. Public Control From the Constitutional Right of Citizens to Participate in the State Affairs Management. *Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 10 (95), pp. 177–183 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/19471.2018.95.10.177-183>
5. Troitskaya T. V. A Citizen of the Russian Federation is a Subject of Public Control in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 464–468 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2020-20-4-464-468>
6. Shirokov A. N., Yurkova S. N. The Present Stage of Reforming and Developing Public Policy in the Field of Local government. *Munitsipal'naya akademiya* [Municipal Academy], 2018, no. 4, pp. 68–75 (in Russian).
7. Antonova N. A. The Constitutional Practice of the Municipal Public Authorities: Regularities and Deviations. In: S. A. Avak'ian (ed.) *Konstitutsionnaya teoriya i praktika publichnoi vlasti: zakonomernosti i otkloneniya* [The Constitutional Theory and Practice of Public Authorities: Patterns and Deviations. The Proceedings of the International Scientific Conference], Moscow, Iustitsinform Publ., 2015, pp. 119–122 (in Russian).
8. Teplyashin I. V. Rights and Legal Interests of the Subjects of Public Control: the Content and Classification. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2021, no. 10, pp. 32–35 (in Russian). <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-10-32-35>
9. *On topical issues of municipal construction and development of legislation in the field of local self-government in the Russian Federation. Resolution of federal expert hearings 24.01.2022*. Available at: <https://pruffme.com/landing/u1139665/op> (accessed 12 April 2022) (in Russian).
10. Narutto S. V., Shugrina E. S. *Munitsipal'naya demokratiya: ot teorii k praktike* [Municipal Democracy: From Theory to Practice]. Moscow, Iurlitinform Publ., 2020. 272 p. (in Russian).
11. Mikheeva T.N., Mikheev D.S. Institute of Public Hearings in the Context of Local Government Publicity Principle. *Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie* [State Power and Local Self-Government], 2016, no. 6, pp. 17–22 (in Russian).
12. Mikheev D. S., Mikheeva T.N. Publicity role in Implementation of Public Control at the Municipal Level. *Vestnik Rossiiskogo universiteta kooperatsii* [Vestnik of the Russian University of Cooperation], 2016, no. 1 (23), pp. 120–123 (in Russian).
13. Kileso M. A. Subjects Executing Public Control over the Activities of Local Governments in Russia. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and Municipal Law], 2015, no. 3 (87), pp. 237–240 (in Russian). <https://doi.org/10.7256/1999-2807.2015.3.14320>
14. Chebotarev G. N. Public Control in Local Self-Government System. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2017, no. 9, pp. 56–60 (in Russian).
15. On the Basis of Public Control in the Russian Federation. Federal Law 212-FZ of 21.07.2014. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 30 (pt. I), art. 4213 (in Russian).
16. Berdnikova E. V. International Law Standards in the Public Control Sector. *Mezhdunarodnoe publichnoe i chastnoe pravo* [Public International and Private International Law], 2018, no. 4, pp. 6–9 (in Russian).

Поступила в редакцию 15.04.2022; одобрена после рецензирования 26.04.2022; принята к публикации 28.04.2022
The article was submitted 15.04.2022; approved after reviewing 26.04.2022; accepted for publication 28.04.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 310–315

Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 310–315

<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-310-315>

Научная статья
УДК 340

Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей

Е. Н. Тогузаева

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Тогузаева Екатерина Николаевна, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и процесса, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Аннотация. Введение. С 2007 г. в законодательстве Российской Федерации наблюдалось активное развитие нормативной базы по регулированию в сфере демографической и семейной политики преимущественно актами концептуально-стратегического характера. Принятие поправок к Конституции РФ 2020 г. значительно усилило рост количества нормативных документов в этой сфере с целью предотвращения риска утраты и разрушения традиционных семейных ценностей. **Теоретический анализ.** Обозначается, что активная работа по всем направлениям в сфере развития института традиционных семейных ценностей должна проводиться в том числе с учетом и информационно-пропагандистских мер. При этом пропаганда и ее виды получают широкое отражение в нормативных актах, что свидетельствует о начальном этапе институционализации. **Результат.** Деление пропаганды традиционных ценностей по приоритетам их воздействия позволило выделить такие ее функции, как стимулирующую, превентивную, моделирующую. Отмечается важность перехода такой пропаганды в правовое поле, предопределенность нормой права, зависимость от этого процесса ее эффективности в борьбе с антисемейной идеологией, сменой социокультурных стереотипов поведения, размывания семейных ценностей. Проведен анализ моделей закрепления пропаганды традиционных семейных ценностей в российском законодательстве, сделан вывод о том, что в нормативных актах различного уровня пропаганда семейных ценностей чаще законодателем выстраивается вместе с другой позитивной пропагандой общественно полезного поведения, духовно-нравственным и патриотическим воспитанием, пропагандой здорового образа жизни как базовых элементов жизнедеятельности.

Ключевые слова: пропаганда, традиционные семейные ценности, государственная политика, развитие института семьи, позитивная пропаганда

Для цитирования: Тогузаева Е. Н. Нормативное развитие института пропаганды традиционных семейных ценностей // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 310–315. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-310-315>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Normative development of the institution of propaganda of traditional family values

E. N. Toguzayeva

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ekaterina N. Toguzayeva, belana1@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4462-677X>

Abstract. Introduction. Since 2007, the legislation of the Russian Federation has been witnessing active development of the regulatory framework for regulation in the sphere of demographic and family policy, mainly by acts of a conceptual and strategic nature. The adoption of amendments to the Constitution of the Russian Federation in 2020 significantly increased the growth of regulatory documents in this area in order to prevent the risk of loss and destruction of traditional family values. **Theoretical analysis.** The author highlights that active work in all areas in the development of the institution of traditional family values should be carried out, including information and propaganda measures. At the same time, propaganda and its types are widely reflected in regulations, which indicates the initial stage of institutionalization. **Result.** The division of the propaganda of traditional values according to the priorities of their impact made it possible to single out such functions as stimulating, preventive, modeling ones. The author emphasizes the importance of the transition of such propaganda to the legal field, predetermination of the rule of law, dependence of its effectiveness in the fight against anti-family ideology, change in socio-cultural stereotypes of behavior, and decline of family values on this process. The analysis of models for fixing the propaganda of traditional family values in Russian legislation was carried out. The researcher concluded that in the normative acts of various levels, the legislator more often builds the propaganda of family values alongside other positive propaganda of socially useful behavior, spiritual, moral and patriotic education, promotion of a healthy lifestyle, as the basic elements of life.

Keywords: propaganda, traditional family values, public policy, development of the family institution, positive propaganda

For citation: Toguzayeva E. N. Normative development of the institution of propaganda of traditional family values. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 310–315 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-310-315>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Исторически в России семья рассматривалась как базовая ценность, как основа полноценного общества. Развитие института семьи и традиционных семейных ценностей является одним из приоритетных направлений государственной политики России и в наши дни. Снижение количества зарегистрированных браков, рост числа разводов, глубокий демографический кризис и последующие ориентиры на демографическое развитие обусловили рост нормативной базы в этой сфере.

С 2007 г. наблюдается активное расширение нормативного регулирования в сфере демографической и семейной политики, при этом необходимо отметить издание большого количества актов концептуально-стратегического характера с ориентиром на краткосрочное и долгосрочное планирование [1–5]. Значимым событием в регулировании данной сферы стало принятие поправок к Конституции в 2020 г., которые закрепили в ст. 114 (п. «в») необходимость сохранения традиционных семейных ценностей [6], а в ст. 72 – защиту семьи, материнства, отцовства и детства; защиту института брака как союза мужчины и женщины; создание условий для достойного воспитания детей в семье, а также для осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях (п. «ж. 1») [6].

Безусловно, принятие конституционных поправок о семье, браке, родительстве и детстве, в основу которых положены приоритеты уважения к российским традициям, значительно усилили актуальность заявленной темы.

Включенность в сферу правового регулирования на конституционном уровне обеспечило уход от фрагментарного регулирования. После 2020 г. о риске утраты и разрушения семейных ценностей и необходимости их защиты указывается в п. 84–86 Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7], составляется план мероприятий, направленных на популяризацию и продвижение традиционных семейных ценностей [8], в начале 2022 г. предпринимается попытка вынести на общественное обсуждение проект указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и ряд других законодательных инициатив как на федеральном уровне, так и на региональном.

Пункт о защите семьи, материнства, отцовства и детства; защите института брака как союза мужчины и женщины; создании условий для достойного воспитания детей в семье, а также о

важности осуществления совершеннолетними детьми обязанности заботиться о родителях был включен в конституции республик в 2020–2021 гг. в продолжение принятых в 2020 г. поправок к Основному закону страны. В отдельных конституционных актах республик отдельно дополнительно подчеркивается важность заботы о родителях и младших членах семьи (Конституция Республики Адыгея), ценность и приоритетность воспитания детей в семье (например, в конституциях республик Алтай, Башкортостан, Марий Эл, Саха (Якутия), Тыва).

Таким образом, на сегодняшний день с позиций конституционного регулирования и закрепления традиционных семейных ценностей вертикальный механизм закрепления традиционных семейных ценностей видится корректным и логично отраженным в отраслевом законодательстве. Однако они должны быть не только урегулированы, но и защищены, гарантированы государством, простимулированы им, сбалансированно обеспечены, а не просто несистемно и фрагментарно быть юридически зафиксированными в законодательстве.

Теоретический анализ

При этом следует понимать, что мер только по материальному стимулированию семей с детьми явно недостаточно для возрождения и развития традиционных семейных ценностей. Заметим, что в настоящее время эффективная государственная политика в отношении развития института семьи должна реализовываться в различных направлениях:

- экономическая поддержка, поддержка семей материнским (семейным) сертификатом и совершенствование механизмов использования средств материнского (семейного) капитала;
- повышение качества медицинского обслуживания, сохранение репродуктивного здоровья населения, социальные программы планирования семьи;
- инфраструктурное обеспечение дошкольными учреждениями;
- социально-психологическая помощь многодетным семьям, беременным;
- профилактика сиротства;
- жилищная политика в поддержку семьи;
- содействие расширению негосударственного сектора, работающего в сфере социальных проектов, настроенных на поддержку материнства, семьи, детства, и целый ряд других направлений для работы.

Активная работа по всем направлениям должна проводиться в том числе с учетом и информационно-пропагандистских мер. При

этом пропаганда традиционных семейных ценностей и ее виды как никогда широко получили отражение в нормативных актах. На наш взгляд, уже можно говорить о начальных этапах ее институционализации, когда от спонтанных форм она переходит в регулируемую деятельность, отвечающую характеристикам некой модельности, функциональной насыщенности, и этот процесс происходит все активнее, очевидно, что катализатором интенсивной правотворческой деятельности стали поправки 2020 г. к Конституции РФ.

Законодатель оперирует в текстах нормативных актов различными видами пропаганды семейных ценностей, подчеркивая их необходимость и значимость. В большинстве актов речь идет о повышении роли семейных ценностей в общей системе традиционных российских духовно-нравственных ценностей путем проведения информационных кампаний по их пропаганде, кампаний, направленных на пропаганду в обществе ценностей семейного образа жизни, позитивного и осознанного отцовства и материнства. В контексте мероприятий в рамках обеспечения безопасности жизнедеятельности детей и подростков речь идет о необходимости пропаганды нравственных ценностей.

Можно выделить отдельный блок нормативных актов, посвященных развитию института молодой семьи, обеспечивающих создание стартовых возможностей для молодой семьи. В концептуальных и доктринальных документах по развитию молодежной политики достижение поставленных стратегических целей предусмотрено в том числе и посредством широкой пропаганды семейных ценностей среди молодежи и ее духовно-нравственного воспитания (например, см. Распоряжение Правительства РФ от 18.11.2011 № 2074-р «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Северо-Западного федерального округа на период до 2020 года», Распоряжение Правительства РФ от 17.04.2012 № 506-р «Об утверждении Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года» и др.).

Указом Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 «Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года» решение задач по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений включает в себя в том числе и пропаганду ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в целях

формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. Таким образом, разновидностей пропаганды семейных ценностей с разновариативными целями, поддерживающими в том или ином смысле институт семьи, в действующем законодательстве достаточно (помимо вышеназванных, можно встретить документы, оперирующие такими нормативными формами, как «пропаганда в поддержку традиционных ценностей семьи и брака, морали и нравственности», «пропаганда ответственного отцовства, материнства и формирование позитивного образа отца и матери», «пропаганда семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», «пропаганда ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей», «пропаганда роли семьи в жизни граждан старшего поколения»). При этом в нормативных актах подчеркивается целенаправленный характер такой пропаганды, а также ее ориентированность на повышение престижа социально благополучной семьи.

Однако считаем, что при конструировании норм, особенно в документах стратегического планирования, следует обращать внимание на включение пропаганды именно как средства и не подменять ее пониманием как результата или задачи, что законодатель нередко допускает, перечисляя различные виды пропаганды традиционных семейных ценностей среди задач и направлений деятельности. Так, к примеру, повышение престижа социально благополучной семьи следует рассматривать как желаемый результат, в достижении которого пропаганда традиционных семейных ценностей будет одним из средств.

Считаем, что деление пропаганды традиционных ценностей по приоритетам их воздействия позволяет выделить такие ее функции, как стимулирующую, превентивную, моделирующую. Важен переход такой пропаганды в правовое поле, ее правовой характер, т. е. предопределенность нормой права, поскольку популяризация традиционных семейных ценностей в рамках правового поля, а в некоторых случаях как юридическая обязанность органов публичной власти в разы эффективнее, в частности, в борьбе с анти-семейной идеологией, сменой социокультурных стереотипов поведения, размыванием семейных ценностей.

Понятия «семья» и «традиционные семейные ценности» не сформулированы в российском

законодательстве. Несмотря на то что Конституционный суд РФ подчеркивал сомнительность и отсутствие необходимости в выработке универсального понятия «семья», поскольку последнее имеет различное содержание в зависимости от целей правового регулирования [9], тем не менее, нам кажется удачной попытка сформулировать в концепции законопроекта «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации, направленных на реализацию государственной функции защиты семьи и ребенка» определение семьи как общности людей, объединенных отношениями брака, родства, свойства, усыновления (удочерения), опеки (попечительства) и связанных общими семейными традициями и ценностями, взаимными правами и ответственностью друг перед другом. Соглашаясь с многочисленными критиками предложенной дефиниции о возможном ее декларативном характере и вероятных трудностях в правоприменительной практике, тем не менее, с точки зрения теоретической модели действительности такой подход к определению семьи весьма оправдан. Поэтому, учитывая различные формы семьи, в которую она может трансформироваться, важно говорить о неких незыблемых универсальных традиционных ценностях. Это позволит сформировать единый подход к осуществлению проектируемой пропаганды.

Однозначного понятия традиционным семейным ценностям также не дано в российском законодательстве. Однако, ориентируясь на то, на что законодателем направлена урегулированная юридически пропаганда с превентивными целями, можно сделать вывод, что те семейные ценности, которые следует, по мнению государства, обеспечивать, поддерживать, пропагандировать, и есть традиционные: это почитание родителей и забота о старших, преемственность поколений, ценность осознанного родительства, ценность родственных связей, ценность брака, верность, кроме того традиционная модель пропагандирует многодетность, стабильность семьи как ценность и как условие реализации остальных семейных ценностей. Исторически в семейной культуре к традиционным семейным ценностям можно отнести также бережное отношение к семье. При этом целью пропаганды законодатель часто называет повышение общественного престижа семейного образа жизни.

Все чаще за последние несколько лет не только в нормативном регулировании, но и в юридической литературе прослеживается тенденция к пониманию традиционных семейных

ценностей как сорегулятора отношений, а соответственно, часто возникает вопрос о том, как имеющимися средствами юридической техники осуществить эффективную интеграцию традиционных семейных ценностей в правовое поле и в механизм правового регулирования, а также какие именно традиционные ценности встраивать в правовую конструкцию, а в отношении каких это будет излишним? Так, в рамках исследования П. А. Якушев доказывает, что основной причиной кризисных явлений в семейной сфере является снижение роли традиционных семейных ценностей в системе регуляторов семейных отношений, внеправовых регуляторов семейных отношений, а нормативно-правовые способы интеграции традиционных семейных ценностей в механизм правового регулирования семейных отношений дают основания рассматривать их уже не только как исключительно социальные регуляторы [10]. Многими учеными подчеркивается роль новых современных правовых инструментов в сохранении традиционных семейных ценностей. Так, введение обязательной семейной медиации, по мнению Т. В. Кривленок, позволит сохранить традиционные семейные ценности, повысить социальную роль семьи в жизни общества, укрепить нравственные начала семейно-правового регулирования [11].

А. А. Елисеева подчеркивает, что чем традиционнее состав семьи, тем она функциональнее, имеет большую свободу и меньшую зависимость от мер, принимаемых государством для ее поддержки и защиты [12]. Значимость невмешательства во внутренние дела семьи как принцип-ценность также подчеркнута на уровне конституционных актов субъектов. Так, к примеру, в ст. 70 Конституции Республики Тыва закрепляются недопустимость вмешательства в дела семьи и обеспечение беспрепятственного осуществления членами семьи своих прав [13].

Проводя анализ моделей закрепления пропаганды традиционных семейных ценностей в российском законодательстве, следует также подчеркнуть, что в нормативных актах различного уровня пропаганда семейных ценностей законодателем чаще выстраивается вместе с пропагандой общественно полезного поведения, духовно-нравственным и патриотическим воспитанием, пропагандой здорового образа жизни как базовых элементов жизнедеятельности, а в Конституции РФ в рамках поправок 2020 г. даже рядом с охраной окружающей среды (см. ст. 114) [6], что дало основания в настоящее время говорить об экологическом просвещении и экологической культуре также в контексте системы семейных ценностей.

Результаты

Проведенный анализ российского законодательства позволяет утверждать, что традиционные семейные ценности рассматриваются как основа формирования современного общества, одним из средств достижения данной цели необходимо считать пропаганду. Усиление и стимулирование конструктивной позитивной пропаганды традиционных семейных ценностей через интеграцию правовыми средствами позволит в разы усилить эффективность превентивной ее функции, чтобы в будущем не искать ответы на уже сформированные проблемы общества, а иметь возможность максимально их предотвратить, минимизировать риски их наступления. Во избежание ситуации, когда псевдотрадиционные ценности рожают псевдокоммуникационную общность государства и общества, в настоящее время важно наполнение информационной среды позитивным контентом (через СМИ, науку, негосударственный сектор) с целью формирования семейно-ориентированной информационной политики. При этом градус декларативности пропаганды традиционных семейных ценностей снижен будет тогда, когда разрыв между реальностью и пропагандой станет минимальным; для этого очевидна необходимость консолидации государства и общества с фокусом на традиционные семейные ценности, которые при этом не будут ориентированы на исключение личной свободы. Заявляя высокий ценностный уровень, надо понимать, что пропаганда в нормативном регулировании должна оставаться средством, а не самоцелью.

Список литературы

1. Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года : распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016 № 326-р (ред. от 30.03.2018) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2016. № 11, ст. 1552 ; 2018. № 15 (ч. V), ст. 2202.
2. Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 23, ст. 3357.
3. Об утверждении Концепции государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 35, ст. 4811.
4. О Концепции государственной политики в отношении молодой семьи : письмо Минобрнауки РФ от 08.05.2007 № АФ-163/06. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
5. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : указ Президента РФ от 09.10.2007 № 1351 (ред. от 01.07.2014) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 42, ст. 5009 ; 2014. № 27, ст. 3754.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
7. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27 (ч. II), ст. 5351.
8. Об утверждении плана мероприятий по реализации в 2021–2025 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года : распоряжение Правительства РФ от 16.09.2021 № 2580-р // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 39, ст. 6751.
9. Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 135-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
10. Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 527 с.
11. Кивленок Т. В. Роль медиации в урегулировании правовых конфликтов // Вестник гражданского процесса. 2020. № 4. С. 167–177. <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-167-177>
12. Елисеева А. А. Семья и семейные ценности : подходы к пониманию в условиях современного права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17, № 3. С. 67–74. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074>
13. Конституция Республики Тыва (принята на референдуме Республики Тыва 06.05.2001) (с учетом поправок, внесенных Конституционным законом Республики Тыва от 27.05.2022 № 58-КЗРТ) // Тувинская правда. 2001. 15 мая ; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>.

References

1. On approval of the Strategy of the state cultural policy for the period up to 2030. Decree of the Government of the Russian Federation no. 326-p of 29.02.2016. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2016, no. 11, art. 1552; 2018, no. 15 (pt. V), art. 2202 (in Russian).
2. On approval of the Strategy for the development of education in the Russian Federation for the period up to 2025.

- Decree of the Government of the Russian Federation no. 996-p of 29.05.2015. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2015, no. 23, art. 3357 (in Russian).
3. On approval of the Concept of state family policy in the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the Government of the Russian Federation no. 1618-p of 25.08.2014. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 35, art. 4811 (in Russian).
 4. On the Concept of state policy towards a young family. Letter of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation no. AF-163/06 of 08.05.2007. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 5. On approval of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the President of the Russian Federation no. 1351 of 09.10.2007. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2007, no. 42, art. 5009; 2014, no. 27, art. 3754 (in Russian).
 6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
 7. On the National Security Strategy of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 400 of 02.07.2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 27 (pt. II), art. 5351 (in Russian).
 8. On approval of the action plan for the implementation in 2021–2025 of the Concept of the demographic policy of the Russian Federation for the period up to 2025. Decree of the Government of the Russian Federation no. 2580-p of 16.09.2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 39, art. 6751 (in Russian).
 9. On the refusal to accept for consideration the request of the Kostroma Regional Duma to interpret the concept of “family” stipulated in Article 38 (part 1) of the Constitution of the Russian Federation. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 135-O of 05.07.2001. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 10. Yakushev P. A. *Traditional Values in the Mechanism of Legal Regulation of Family Relations in Russia and European Countries*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Moscow, 2019. 527 p. (in Russian).
 11. Kivlenok T. V. The role of mediation in the resolution of legal conflicts. *Herald of Civil Procedure*, 2020, no. 4, pp. 167–177 (in Russian). <https://doi.org/10.24031/2226-0781-2020-10-4-167-177>
 12. Eliseeva A. A. A family and family values: Approaches to understanding in the context of modern law. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 3, pp. 67–74 (in Russian). <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2022.136.3.067-074>
 13. The Constitution of the Republic of Tyva (adopted at the referendum of Republic of Tyva on 06.05.2001) (amended by the Constitutional Law of the Republic of Tyva 58-KZRT of 27.05.2022). *Tuvinskaya Pravda*, 2001, May 15; *Official Internet portal of legal information* <http://pravo.gov.ru.05/06> (in Russian).

Поступила в редакцию 08.05.2022; одобрена после рецензирования 16.05.2022; принята к публикации 18.05.2022
The article was submitted 08.05.2022; approved after reviewing 16.05.2022; accepted for publication 18.05.2022

Научная статья

УДК 342.72/.73

Конституционно-правовая регламентация пределов реализации, степени допустимых ограничений основных экономических прав личности

И. Н. Плотникова

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Плотникова Инна Николаевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права им. профессора И. Е. Фарбера, innap17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7858-3969>

Аннотация. Введение. Теоретическим и практическим аспектам ограничения прав и свобод человека посвящено немало научных работ. Тем не менее, вопросы о допустимости и соразмерности ограничений экономических прав человека и гражданина являются предметом научной полемики, что предопределяет целесообразность обращения к теме данного исследования. **Теоретический анализ.** Автором предпринята попытка теоретического осмысления понятия «ограничение права», представления схемы разделения на группы прав и свобод человека и гражданина, регламентированных Конституцией РФ, по степени допустимых ограничений на основе анализа работ отечественных и зарубежных авторов. **Эмпирический анализ.** Отмечается, что основными способами правового воздействия в регулировании реализации экономических прав остаются «обязанности» и «запреты», зачастую с наложением ответственности, несоответствующей совершенному деянию, что подтверждается и выводами Уполномоченного по правам человека в РФ и Уполномоченного при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, практикой Конституционного Суда РФ. **Результаты.** Ограничения конституционных экономических прав и свобод предлагается рассматривать как изменение объема их правомочий путем вмешательства в основное экономическое право посредством установления обязанностей, запретов, ответственности в рамках: общих пределов реализации прав и свобод (имманентных конституции оговорок); оговорок, имманентных конкретным основным правам, оговорок простых и квалифицированных в соответствующих статьях Конституции; имманентных пределов ограничений конкретных экономических прав личности со стороны государства. Возрастает потребность более четкой регламентации процессов институционализации оценки регулирующего воздействия нормативных актов в сфере реализации экономических прав, конституционализации данных отношений. **Ключевые слова:** Конституция РФ, экономические права, ограничения прав, имманентные пределы, оговорки, обязательные требования

Для цитирования: Плотникова И. Н. Конституционно-правовая регламентация пределов реализации, степени допустимых ограничений основных экономических прав личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 316–324. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-316-324>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constitutional and legal regulation of the limits of implementation, degree of permissible restrictions on the basic economic rights of the individual

I. N. Plotnikova

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Inna N. Plotnikova, innap17@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7858-3969>

Abstract. Introduction. Many scientific works are devoted to theoretical and practical aspects of the restriction of human rights and freedoms. However, issues of the admissibility and proportionality of restrictions on the economic rights of a person and a citizen are the subject of scientific controversy, which predetermines the expediency of addressing the topic of this study. **Theoretical analysis.** The author made an attempt to theoretically comprehend the concept of "restriction of the right", presenting a scheme for dividing human and civil rights and freedoms, regulated by the Constitution of the Russian Federation, into groups according to the degree of permissible restrictions, based on an analysis of the works of domestic and foreign authors. **Empirical analysis.** The author highlights that "obligations" and "prohibitions" remain the main methods of legal influence in regulating implementation of economic rights, often with the imposition of liability disproportionate to the committed act, which is also confirmed by the conclusions of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation and the Presidential Commissioner of the Russian Federation for the Protection of Entrepreneurs' Rights, the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. **Results.** It is proposed to consider restrictions on constitutional economic rights and freedoms as a change in the scope of their powers by interfering with the basic economic right by establishing obligations, prohibitions, and liability within the framework of: general limits for the exercise of rights and freedoms (reservations immanent in the constitution); reservations immanent in specific fundamental rights, simple reservations qualified

in the relevant articles of the Constitution; immanent limits of restrictions on specific economic rights of the individual by the state. There is a growing need for a clearer regulation of the processes of institutionalization of assessment of the regulatory impact of regulations in the field of implementation of economic rights, constitutionalization of these relations.

Keywords: the Constitution of the Russian Federation, economic rights, restrictions on rights, immanent limits, reservations, mandatory requirements

For citation: Plotnikova I. N. Constitutional and legal regulation of the limits of implementation, degree of permissible restrictions on the basic economic rights of the individual. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 316–324 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-316-324>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Вопросам ограничения прав человека и гражданина, в том числе экономических, посвящено значительное количество научных исследований [1–3], при этом в контексте ограничений в трудах отечественных правоведов изучаются вопросы: о границах прав, пределах конституционных прав, сужении возможностей пользования правами, изъятии определенных полномочий, об уменьшении объема содержательных полномочий, установлении пределов реализации прав, имманентных пределах – непосредственных и производных, отдельных институтах права как способах ограничения прав и свобод и т.д., в связи с чем концепция понимания сущности и пределов ограничений прав остается предметом активной научной дискуссии.

Теоретический анализ

Одним из первых к проблеме ограничения прав и свобод личности обратился А. В. Малько [4]. В самом общем виде он рассматривает правовые ограничения как установленные в Конституции и законодательстве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, использовать свои права и свободы. Подобные границы «возводятся» в основном с помощью обязанностей и запретов, приостановлений, наказания, пресечения [5, с. 143]. Данная позиция развивается А. А. Подмаревым, который выделяет несколько иной аспект детерминации ограничений – необходимость защиты конституционных ценностей и обеспечения баланса между частными и публичными интересами. Ограничение права человека расценивается ученым как установленные законодательством пределы (границы) реализации человеком (гражданином) прав, выражающиеся в запретах, вторжениях, обязанностях, ответственности, существование которых предопределено необходимостью защиты конституционно признаваемых ценностей, назначением которых является обеспечение необходимого баланса между интересами личности, общества и государства [6, с. 14–15].

Нетрудно заметить, что в приведенных выше суждениях термин «ограничения прав» дефинируется через понятие «пределы (границы) реализации прав».

Напротив, В. И. Крусс, исследуя категорию «ограничения прав», рассматривает ее как частичную корректировку (изменение) содержания права в особом, функциональном направлении [7, с. 312], выражая несогласие с точкой зрения некоторых ученых, интерпретирующих ограничения как изъятие отдельных правомочий, составляющих нормативное содержание права, поскольку содержание основных прав не исчерпывается их нормативным выражением. Он упоминает и об «имманентных» пределах основного права, которые призваны «определять нормативные границы полномочия в силу особенностей его природы» [7, с. 311]. Вместе с тем впоследствии, исследуя проблематику соотношения категорий «ограничение» и «регулирование» конституционных прав и свобод, В. И. Крусс пишет о том, что ограничение есть *изъятие* отдельной составляющей полномочия, исключение определенной возможности правопользования [8, с. 347].

Четко разделяет понятия «пределы прав» и «ограничения прав» Б. С. Эбзеев. Первые он позиционирует как «золотое правило поведения», воспринятое Конституцией России 1993 г. в ч. 3 ст. 17: осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. К имманентным пределам основных прав Б. С. Эбзеев относит границы свободы, содержание и круг правомочий, установленных в конкретной статье Конституции. Под ограничениями же в конституционно-правовом смысле он понимает «допускаемые Конституцией и установленные федеральным законом изъятия из конституционного статуса человека и гражданина» [9, с. 215].

Схожую, но несколько отличающуюся от вышеизложенной позицию занимает А. А. Троицкая, характеризуя пределы прав как «нормативно устанавливаемые и обеспечиваемые государством границы, определяющие меру публичной власти или свободы личности,

путем закрепления возможностей, которыми обладает субъект, либо запрета на включение некоторых возможностей в его правовой статус» [10, с. 9]. Стоит отметить, что А. А. Троицкой не употребляется термин «имманентные пределы», а ограничение прав расценивается как сужение круга возможностей, а не их изъятие, что, на наш взгляд, не имеет принципиального значения, вместе с тем, возможно, терминологически более приемлемо (в рамках естественно-правовой теории прав человека).

Анализируя концепцию имманентных пределов прав, сформулированную Федеральным Конституционным судом Германии, М. А. Краснов указывает на ее небыстречность [11, с. 104]. Термин «ограничение» применяется, по его оценкам, в различных смыслах, что может породить ошибочный выбор средств правового регулирования, ввиду чего автор считает неверной трактовку ограничения прав как «признание возможности уменьшать их содержательный объем... поскольку права человека уже ограничены естественными пределами» [11, с. 114]. Однако в заключение М. А. Краснов подчеркивает тот факт, что на сегодняшний день понятие естественной нормы отсутствует, ввиду чего об естественных пределах прав человека говорить невозможно.

В другой своей статье М. А. Краснов пишет, что доктрина имманентных пределов прав требует уточнений вследствие необходимости учета разной природы ограничений (поскольку только некоторые из них являются позитивно-правовым выражением имплицитно уже существующих естественных пределов прав). Автор несколько изменяет ранее высказанную позицию и приходит к выводу, что другой тип имманентных пределов (приводя в пример ч. 2 ст. 34 Конституции РФ о запрете недобросовестной конкуренции) «характерен тем, что ограничения, хотя и представлены в Конституции, не являются экспликацией естественных пределов» [2, с. 88]. Далее он отмечает, что ограничение, установленное ч. 3 ст. 55, – это «рамочное ограничение», которое «невозможно считать имманентным пределом всех конституционных, в том числе экономических, прав» [2, с. 90], доказывая ошибочность теоретических конструкций ч. 3 ст. 55 и ч. 3 ст. 56, изложенных в Основном законе.

В противоположность этому Т. В. Приходько не делает акцент на интерпретации понятия «пределы (реализации) прав». Опираясь на достижения науки государственного права Германии, она указывает, что «различные подходы к пониманию неправомерного ограничения...: вмешательство, нарушение, ущемление, огра-

ничение или умаление основных прав и свобод имеют лишь доктринальное значение» [12, с. 63], сосредоточиваясь в большей степени на изучении пределов вмешательства в основные права со стороны государства.

Ввиду неоднозначности приведенных основных научных позиций по изложенному вопросу, считаем целесообразным обратиться к отдельным трудам немецких ученых-юристов, посвященных теории ограничений прав личности, которые в том числе были взяты за основу российскими правоведами в анализируемых выше работах.

Установление пределов основных прав К. Штерн относит к наиболее трудным и спорным аспектам юридической системы [13, с. 185]. Затрагивая теорию имманентных пределов основных прав, сформулированную Федеральным Конституционным Судом Германии, он говорит, что «ограничения основных прав могут быть обоснованы только самой Конституцией» [13, с. 185–186]. В связи с чем К. Штерн выделяет три уровня системообразующих факторов этого процесса: сферу защиты основных прав; прямые конституционные (имманентные Конституции) или допускаемые Конституцией ограничения (оговорки) и пределы таких ограничений. К пределам конституционных ограничений ученый относит, прежде всего, положения ст. 19 Основного закона ФРГ, согласно которым при ограничении прав законом или на основании закона не может быть затронуто существо основного права [13, с. 187].

При исследовании вопросов пределов и ограничений прав П. Лерхе указывает, что таковые могут непосредственно выводиться из Конституции (но применительно к каждому основному праву) или определяться четким установлением законодателя, в связи с чем особое значение приобретает теория ограничения в контексте «оговорки о законе». Ученый обращает внимание на такие формы законодательной деятельности, как конкретизация основных прав (обязанность законодателя по более четкой фиксации их сути) и «вторжение в основное право» (возможность «законодателя в определенных границах оказывать влияние на уже зафиксированное содержание основного права» [14, с. 235]). При этом П. Лерхе отмечает, что основаниями законодательной конкретизации прав личности или вторжения в их сферу являются оговорки в Конституции в отношении конкретного основного права.

Следует отметить, что некоторые немецкие правоведами относят к внутренним ограничениям, имманентным основным правам, которые содер-
жатся в самих основных правах, приводя в

пример статью: свобода собраний гарантируется «мирно» и «без оружия», выделяя также конституционные простые оговорки (ограничения «по закону» или «в силу закона» в конкретных статьях Конституции) и специальные квалифицированные оговорки (возможность ограничения права на основании закона по определенным причинам, указанным в статье Конституции). При этом абсолютным пределом ограничений провозглашается ядро человеческого достоинства в сочетании с общими конституционными оговорками – ненарушение прав других, отсутствие посягательств на конституционный строй и нравственный закон [15].

На основании вышеизложенного права и свободы, закрепленные в Основном законе ФРГ, по степени допустимых ограничений возможно разделить на несколько групп: во-первых, права с *простой оговоркой закона* (в конкретной статье Конституции указывается на возможность ограничения данного права законом, без каких-либо условий), во-вторых, *права с квалифицированной оговоркой закона* (в статье Конституции фиксируется, в каких случаях допустимы ограничения указанного права законом), в третьих – *нормы без оговорок*. *Права и свободы без оговорок закона* не подлежат ограничению посредством принятия нормативного акта, но в отношении них действуют *имманентные Конституции оговорки*, изложенные в ч. 1 ст. 2 Основного закона ФРГ (четвертая группа), – каждый имеет право на свободное развитие своей личности в той мере, в какой он не нарушает прав других и не посягает на конституционный строй или нравственный закон (так называемая «триада» – тройной барьер). Далее, возможно выделить *ограничения, имманентные основным правам (пятая группа)*, которые содержатся в конкретных статьях Основного закона ФРГ об основных правах, а также *абсолютные пределы ограничений прав человека* со стороны государства (неприкосновенность человеческого достоинства – ч. 1 ст. 19, невозможность при ограничении затрагивания существа содержания самого права – ч. 2 ст. 19).

Попытаемся применить, насколько это возможно, данную схему к систематизации ограничений экономических прав, пределов их реализации, регламентированных Конституцией РФ.

На наш взгляд, ограничения конституционных экономических прав и свобод возможно рассматривать как изменение объема их правомочий путем вмешательства в основное экономическое право посредством установления обязанностей, запретов, ответственности в рамках: общих пределов реализации прав и свобод (имманентных Конституции оговорок);

оговорок, имманентных конкретным основным правам, оговорок простых и квалифицированных в соответствующих статьях Конституции; имманентных и абсолютных пределов ограничений конкретных экономических прав личности со стороны государства.

К числу ограничений экономических прав, *имманентных самим правам*, возможно отнести нормы: ч. 1 ст. 34 Конституции – осуществление деятельности, не запрещенной законом; ч. 2 ст. 34 – о запрете экономической деятельности, направленной на монополизацию и недобросовестную конкуренцию; ч. 2 ст. 36 – о запрете нанесения ущерба окружающей среде и нарушении прав и законных интересов иных лиц.

К *правам без оговорок* относятся положения ч. 1–2, ч. 4 ст. 35 Конституции (право частной собственности), ч. 1 ст. 37 (право на свободное распоряжение своими способностями к труду, выбор рода деятельности и профессии).

К общим пределам реализации прав и свобод, *имманентным Конституции оговоркам* относятся, безусловно, положения ч. 3 ст. 17 о ненарушении прав и свобод других лиц при осуществлении своих прав. Данное правило восходит к постулатам Дж. Локка, Г. Гегеля – «будь лицом и уважай других» [16, с. 41], Французской Декларации прав человека 1789 г. – «осуществление естественных прав каждого человека ограничено лишь теми пределами, которые обеспечивают другим членам общества пользование теми же правами» [17, с. 55–56]. Однако, ч. 3 ст. 17 не исчерпываются имманентные Конституции оговорки, учитывая ст. 55 и 56 Основного закона РФ.

В ст. 36 Конституции РФ, регламентирующей право частной собственности на землю, наличествуют ограничения, не только имманентные самому праву (в ч. 2), но и *простые оговорки закона*, поскольку в ч. 3 ст. 36 записано, что условия и порядок пользования землей определяются на основании закона (а значит, и возможные его ограничения).

Относительно *квалифицированных оговорок закона* заметим, что таковые содержатся в ст. 74 Конституции РФ применительно к одному из правомочий права на предпринимательскую деятельность – возможность ограничения федеральным законом перемещения товаров и услуг в целях защиты жизни и здоровья людей, обеспечения безопасности, охраны природы и культурных ценностей.

Имманентными пределами ограничений конкретных экономических прав личности со стороны государства возможно считать: запрет принудительного труда (ч. 2 ст. 37), недопусти-

мость лишения имущества без решения суда при условии его равноценного возмещения (ч. 3 ст. 35), при этом *абсолютными пределами ограничений всех экономических прав личности со стороны государства* являются: соблюдение принципа формального равенства (ст. 19), недопустимость умаления достоинства личности ни при каких условиях (ч. 1 ст. 21) и издания законов, отменяющих или умаляющих права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ).

Представленная конструкция регламентации в Конституции РФ ограничений экономических прав достаточно сложна, но, несомненно, имеет свою теоретическую и практическую значимость. Тем не менее она во-многом может утрачивать свое значение ввиду наличия *общей, имманентной Конституции оговорки*, изложенной в ч. 3 ст. 55. Как указывается в научной литературе, цели ограничений, согласно ч. 3 ст. 55 Основного закона, «являются настолько широкими основаниями для ... введения ограничений, что лишаются смысла все иные – сравнительно конкретные – конституционные ограничения экономических прав» [2, с. 89]. По мнению В. Д. Зорькина, «такая общая формулировка таит в себе опасность неоправданно широкого толкования и установления на практике чрезмерных ограничений прав и свобод человека для защиты ценностей общего блага. Особенно если учитывать специфику российского менталитета, связанную с длительными традициями преобладания государственных и общественных интересов над личными интересами» [18, с. 45]. Отметим, что для многих зарубежных конституций характерно отсутствие регламентации общих условий ограничения всех прав и свобод и наличие оговорок об ограничении прав в конкретных нормах о правах. Установление общих ограничений допустимо в случае состояния угрозы, чрезвычайного и осадного положения [19, с. 108].

Однако в Конституции РФ закреплена и специальная норма – ст. 56, в которой говорится о возможности ограничения прав в условиях чрезвычайного положения. Напротив, в соответствии с ч. 3 ст. 55 все без исключения права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены в широких пределах, не только в целях защиты основ конституционного строя, но и иных целей, что предопределяет необходимость ответа на вопрос о различии общественных отношений, регулируемых данными нормами. По вопросу интерпретации ч. 3 ст. 56 и ее соотношения с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ имеются различные точки зрения. Так, Конституционный суд РФ, в

своих решениях утверждает, что права, зафиксированные в ч. 3 ст. 56, не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах [20]. Однако, как отмечается некоторыми исследователями, «такой подход нельзя считать убедительным» [21, с. 61]. Более правильным следует считать, что «ч. 3 ст. 56 следует понимать как конституционный запрет налагать дополнительные ограничения на некоторые права и свободы человека и гражданина» [22, с. 52], по сравнению с обычным правовым режимом.

По нашему мнению, прослеживается некоторая несогласованность конституционных формулировок, изложенных в ч. 3 ст. 56 Конституции, с другими ее статьями. К примеру, для осуществления предпринимательской деятельности индивиду необходимо владеть, пользоваться и распоряжаться определенным имуществом, трудиться самому или использовать труд наемных работников. Однако в перечне прав, которые не подлежат ограничению в условиях чрезвычайного положения, отсутствуют право частной собственности, трудовые права, что означает возможность их дополнительных ограничений (конфискации, реквизиции, запрета передвижения, осуществления трудовой деятельности и т.д.). Данные ограничения могут сделать практически неосуществимым реализацию права на предпринимательскую деятельность.

Поскольку в ч. 3 ст. 55 Конституции РФ имплицитно заложены значительные дискреционные возможности публичной власти по обоснованию широких ограничений прав и свобод личности, данное обстоятельство не может не оказать существенного влияния на конкретизацию основных экономических прав личности (путем подмены процесса их оптимального регулирования установлением ограничений, наложением чрезмерных обязанностей и необоснованных запретов). Получается некий парадокс в том, что при обычном, ординарном режиме права и свободы человека могут быть ограничены даже в большей степени, чем при чрезвычайном режиме – чрезвычайном положении, что и доказали ограничения, налагаемые в период распространения COVID-19. Определенная амбивалентность текста Конституции РФ в части признания прав и свобод высшей ценностью (ст. 2) и возможностью их ограничения в широких пределах накладывает безусловный отпечаток и на развитие отраслевого законодательства.

Эмпирический анализ

Принципиальную важность имеют решения Конституционного Суда РФ, разрешающие вопрос о *допустимости и соразмерности ограниче-*

ний экономических прав и свобод законодателем. Высший судебный орган конституционного контроля неоднократно указывал, что «право частной собственности и свобода экономической деятельности, не являясь абсолютными, могут быть ограничены, но сама возможность ограничений и их характер определяются законодателем не произвольно, а в соответствии с Конституцией Российской Федерации, допускающей их в той мере, в какой они необходимы для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (статья 55, часть 3)» [23]. При этом вводимые законодателем ограничения должны быть соразмерными конституционно одобряемым целям и не создавать препятствий их экономической самостоятельности и инициативе.

К сожалению, приходится констатировать, что сформировавшиеся привычки и стереотипы правового регулирования общественных отношений и поведенческой психологии в России с отголосками тоталитарного мышления значительно влияют на воспроизведение в принимаемых нормативных актах традиционно сложившихся и укоренившихся «разрешительных» и «запретительных» правил. Основными способами правового воздействия остаются «обязанности» и «запреты», зачастую с наложением ответственности, несоразмерной совершенному деянию. Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации справедливо указывалось на необходимость «уйти от попыток решать сложные проблемы простым инициированием запретительных и ограничительных законодательных норм, которые в случае их реализации не решают проблему, а лишь загоняют ее вглубь» [24].

Тема о правовых основаниях введения ограничений экономических прав, их соразмерности оказалась достаточно острой особенно в 2020 г., во время распространения новой коронавирусной инфекции. Уполномоченным при Президенте РФ по защите прав предпринимателей в своем докладе (2021 г.) исключительное внимание обращается на: высокие размеры штрафов, налагаемых на предпринимателей, в том числе за незначительные нарушения; чрезмерный объем правовых норм о различных требованиях, не систематизированных по отраслям, а также числа правонарушений, количество которых субъекты не в состоянии контролировать, и др. [25].

Очевидно, что реализация прав и свобод индивида (в том числе экономических) должна сопровождаться определенными обязанностями самого лица по возможности осуществления

его прав, которое означает не тождество прав и обязанностей, а их баланс. В этом случае важно, чтобы обязанности не «поглотили» само право, не были чрезмерными, слишком обременительными, не препятствовали получению в конечном итоге социального блага, не приводили вовсе к невозможности его осуществления.

Определенную положительную роль в конкретизации института ограничений прав на предпринимательскую деятельность, частную собственность, свободный труд сыграло принятие в 2020 г. Федерального закона «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» (далее – Закон об обязательных требованиях), который «определяет правовые и организационные основы установления и оценки применения содержащихся в нормативных правовых актах требований, которые связаны с осуществлением предпринимательской и иной экономической деятельности» [26]. Однако данные меры подлежат осуществлению только в рамках отдельных процедур: государственного контроля, привлечения к административной ответственности, предоставления лицензий и иных разрешений и некоторых других.

Закон об обязательных требованиях закрепляет принципы установления и оценки применения обязательных требований: законность, обоснованность обязательных требований, правовая определенность и системность, открытость и предсказуемость, исполнимость обязательных требований, проведения публичного обсуждения проектов нормативных правовых актов, определяющих обязательные требования (ст. 8); предусматривает, что федеральные органы исполнительной власти при разработке проекта акта, который вводит обязательные требования, проводят оценку регулирующего воздействия (ОРВ). Заметим, что существующий порядок проведения ОРВ предполагает публичное обсуждение и независимую антикоррупционную экспертизу проекта [27]. Вместе с тем, согласно данному Закону, в целях оценки обязательных требований законодательству предусматривается проведение правовой экспертизы (но не ясно, какими органами или лицами, в какие сроки и т.д.) и публичных обсуждений акта. Таким образом, вышеназванные нормативные акты в определенной степени коллизионны и требуют доработки в целях их согласованного регулирующего воздействия.

Наряду с этим в Законе об обязательных требованиях отсутствуют какие-либо ссылки на Конституцию РФ и в особенности на ст. 8, 19, 34, 75.1, ч. 3 ст. 55, на конкретизацию которых и направлен Закон, имеется много декларативных,

рамочных положений. Данным Законом к числу принципов установления и оценки применения обязательных требований не отнесены: принцип взаимного доверия государства и общества и вытекающие из него законные ожидания граждан; принцип сбалансированности прав и обязанностей гражданина (конституционализированные в 2020 г. в ст. 75.1 Основного закона России), а также принцип соразмерности налагаемых ограничений.

Существенным замечанием является то, что действие Закона об обязательных требованиях не распространяется на обязательные требования, устанавливаемые при регулировании некоторых важных сфер общественных отношений, в том числе на законодательство в сфере закупок, налогов и сборов и т.д., введения режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации (что нерационально ввиду необходимости оценки принимаемых мер в период пандемии); также не предусмотрена ответственность органов власти за несоблюдение данного Закона.

По мнению АНО Центра перспективных управленческих решений, несмотря на то что контроль за качеством регулирования экономических отношений на всех стадиях регуляторного цикла предполагается Законом об обязательных требованиях, не представляется возможным обеспечить нормальную работу системы в случае сохранения существующих практик ОРВ [28, с. 7] ввиду формального подхода ведомств к проведению качественной оценки проектов нормативных правовых актов.

Результаты

В связи с изложенным полагаем целесообразным совершенствование конституционно-правовой регламентации подготовительной стадии законотворческого процесса в целях недопустимости неправомерных ограничений экономических прав граждан РФ. Данная стадия должна быть обязательной в законодательном процессе России для всех законопроектов (а не только общественно значимых) ввиду необходимости прелиминарного изучения вопроса, составляющего предмет регулирования в подготовленном законопроекте. Следует уделять самое пристальное внимание вопросу консеквенциальности будущего закона как выбору конкретных действий, исходя из ожидаемых последствий его принятия, баланса прав и обязанностей, вследствие чего надлежит более комплексно и эффективно развивать институт оценки регулирующего и фактического воздействия закона как инструмент регуляторной политики с внедрением доказательного подхода.

Уместно обратить внимание и на зарубежный опыт конституционного регулирования отношений по допустимости и соразмерности ограничений прав и свобод личности. Так, в Конституции Республики Армения 1995 г. (с изм. 2015 г.) в ст. 77 и 78, в отличие от Основного закона России 1993 г., конституционализированы такие принципы, как принцип соразмерности (меры, выбранные для ограничения, должны быть соразмерны значению ограничиваемых основных прав и свобод), а также принцип определенности (законы при ограничении основных прав и свобод должны устанавливать их основания и объем, быть в достаточной мере определенными, чтобы носители прав и свобод были в состоянии проявлять соответствующее поведение). С учетом сказанного имеется потребность в более четком упорядочении процессов институционализации оценки регулирующего воздействия нормативных актов, регламентирующих экономические права, возможно, и конституционализации данных отношений, их нормативного опосредования в Конституции РФ.

Список литературы

1. Паулова Ю. Е. Ограничение экономических прав и свобод : Теоретико-правовой анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 25 с.
2. Краснов М. А. Некоторые аспекты проблемы ограничения конституционных прав (на примере экономических прав) // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 82–93.
3. Гриценко А. С. Социальные основания и юридические условия ограничения свободы предпринимательства в конституционном праве и практике конституционного правосудия : дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2017. 187 с.
4. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве (теоретико-информационный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. 362 с.
5. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве : Теоретико-информационный аспект. 3-е изд., перераб. и доп. Saarbrücken, Germany : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 364 с.
6. Подмарев А. А. Конституционные основы ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2001. 235 с.
7. Крусс В. И. Право на предпринимательскую деятельность – конституционное полномочие личности. М. : Юристъ, 2003. 672 с.
8. Крусс В. И. Теория конституционного правопользования. М. : Норма, 2007. 752 с.
9. Эбзеев Б. С. Человек, народ, государство в конституционном строе Российской Федерации. 2-е изд., М. : Проспект, 2014. 652 с.

10. Троицкая А. А. Конституционно-правовые пределы и ограничения свободы личности и публичной власти : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 228 с.
11. Краснов М. А. Ограничение прав человека или поиск их естественных пределов? // Право : Журнал Высшей школы экономики. 2009. № 2. С. 103–115.
12. Приходько Т. В. Современная модель ограничения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия : конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017. 200 с.
13. Штерн К. Защита основных прав и их ограничения // Государственное право Германии : в 2 т. / под ред. Б. Н. Топорнина. М. : Ин-т государства и права РАН, 1994. Т. 2. С. 185–188.
14. Лерхе П. Пределы основных прав // Государственное право Германии : в 2 т. / под ред. Б. Н. Топорнина. М. : Ин-т государства и права РАН, 1994. Т. 2. С. 233–239.
15. Seewald O. Grundkurs Staatsrecht II. Univesitat Passau. Lehrstuhl für Staats- und Verwaltungsrecht, insbesondere Sozialrecht (2006). URL: https://www.jura.uni-passau.de/fileadmin/dokumente/fakultaeten/jura/lehrtuehle/dederer/skript_grundrechte_06_seewald.pdf (дата обращения: 15.02.2022).
16. Гегель Г. Философия права. М. : Юрайт, 2020. 292 с.
17. Конституции зарубежных государств: учеб. пособие / сост. В. В. Маклаков. 3-е изд., перераб. и доп. М. : БЕК, 2000. 592 с.
18. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие : процедура и смысл. СПб. : Конституционный Суд РФ, 2021. 154 с.
19. Плотникова И. Н. Конституционно-правовая политика в сфере реализации права на предпринимательскую деятельность в России // Российский юридический журнал. 2020. № 2 (131). С. 103–117.
20. По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна : постановление Конституционного Суда РФ от 03.05.1995 № 4-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1995. № 2–3.
21. Троицкая А. А. Пределы прав и абсолютные права : за рамками принципа пропорциональности? Теоретические вопросы и практика Конституционного Суда РФ // Сравнительное конституционное обозрение. 2015. № 2. С. 45–69.
22. Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайного положения в Российской Федерации : конституционные основы и законодательное регулирование // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 1 (177). С. 50–54.
23. По делу о проверке конституционности частей 1 и 3 статьи 17 Федерального закона «О гидрометеорологической службе», пунктов 3, 4 и 5 Положения об информационных услугах в области гидрометеорологии и мониторинга загрязнения окружающей природной среды в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Валмакс» : постановление Конституционного Суда РФ от 29.09.2021 № 42-П // Собр законодательства Рос. Федерации. 2021. № 41, ст. 7064.
24. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2014 г. // Российская газета. 2015. № 96.
25. Доклад Президенту Российской Федерации – 2021. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (дата обращения 05.10.2021).
26. Об обязательных требованиях в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ (в ред. от 16.04.2022) // Собр законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I), ст. 5007 ; Российская газета. 2022. № 84.
27. О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии») : постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (в ред. от 01.07.2021) // Собр законодательства Рос. Федерации. 2012. № 52, ст. 7491 ; 2021. № 28 (ч. II), ст. 5534.
28. Василевская М. М., Казанцев К. И., Шепелева О. С. Качество проведения оценки регулирующего воздействия в России : что показывает сплошной анализ текстовых данных? М. : ЦПУР, 2021. 60 с.

References

1. Paulova Yu. E. *Restriction of Economic Rights and Freedoms: Theoretical and Legal Analysis*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Nizhnij Novgorod, 2007. 25 p. (in Russian).
2. Krasnov M. A. Some aspects of the problem of restriction of constitutional rights (On the example of economic rights). *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review], 2013, no. 1, pp. 82–93 (in Russian).
3. Gritsenko A. S. *Social Grounds and Legal Conditions for Restricting the Freedom of Entrepreneurship in Constitutional Law and the Practice of Constitutional Justice*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Vladivostok, 2017. 187 p. (in Russian).
4. Malko A. V. *Incentives and Restrictions in Law (Theoretical and Informational Aspect)*. Diss. Dr. Sci. (Jur.). Saratov, 1995. 362 p. (in Russian).
5. Malko A. V. *Stimuly i ogranicheniya v prave: Teoretiko-informatsionnyi aspekt* [Incentives and Restrictions in Law: Theoretical and Informational Aspect]. 3rd ed., rev. and add. Saarbrücken, Germany, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. 364 p. (in Russian).
6. Podmarev A. A. *Constitutional Bases of Restriction of the Rights and Freedoms of the Person and the Citizen in the Russian Federation*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2001. 235 p. (in Russian).
7. Kruss V. I. *Pravo na predprinimatel'skuyu deyatel'nost' – konstitutsionnoye polnomochiye lichnosti* [The

- Right to Entrepreneurial Activity is the Constitutional Authority of the Individual]. Moscow, Yurist Publ., 2003. 672 p. (in Russian).
8. Kruss V. I. *Teoriya konstitutsionnogo pravopol'zovaniya* [Theory of Constitutional Law]. Moscow, Norma Publ., 2007. 752 p. (in Russian).
 9. Ebzeev B. S. *Chelovek, narod, gosudarstvo v konstitutsionnom stroye Rossiiskoi Federatsii* [Man, People, State in the Constitutional System of the Russian Federation]. 2nd ed. Moscow, Prospekt Publ., 2014. 652 p. (in Russian).
 10. Troitskaya A. A. *Constitutional and Legal Limits and Restrictions on the Freedom of the Individual and Public Authority*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2008. 228 p. (in Russian).
 11. Krasnov M. A. Limitation of human rights or search of its natural bounds? *Pravo: Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Law: Journal of the Higher School of Economics], 2009, no. 2, pp. 103–115 (in Russian).
 12. Prikhodko T. V. *The Modern Model of Restricting the Rights and Freedoms of Man and Citizen in the Russian Federation and the Federal Republic of Germany: Constitutional and Legal Research*. Diss. Cand. Sci. (Jur.). Omsk, 2017. 200 p. (in Russian).
 13. Stern K. Protection of fundamental rights and their limitation. In: B. N. Topornin (ed.) *Gosudarstvennoye pravo Germanii* [State Law of Germany: in 2 vols.]. Moscow, Institute of State and Law of the RAS, 1994, vol. 2, pp. 185–188 (in Russian).
 14. Lerche P. Limits of Fundamental Rights. In: B. N. Topornin (ed.) *Gosudarstvennoye pravo Germanii* [State Law of Germany: in 2 vols.]. Moscow, Institute of State and Law of the RAS, 1994, vol. 2, pp. 233–239 (in Russian).
 15. Seewald O. *Grundkurs Staatsrecht II*. Univesitat Passau. Lehrstuhl für Staats- und Verwaltungsrecht, insbesondere Sozialrecht (2006). Available at: https://www.jura.uni-passau.de/fileadmin/dokumente/fakultaeten/jura/lehrstuehle/dederer/skript_grundrechte_06_seewald.pdf (accessed 15 February 2022).
 16. Hegel G. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Yurait Publ., 2020. 292 p. (in Russian).
 17. V. V. Maklakov (comp.) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv* [Constitutions of Foreign States]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, BEK Publ., 2000. 592 p. (in Russian).
 18. Zorkin V. D. *Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl* [Constitutional Justice: Procedure and Meaning]. St. Petersburg, Constitutional Court of the Russian Federation. 2021. 154 p. (in Russian).
 19. Plotnikova I. N. Constitutional and legal policy in the sphere of the implementation of the right to business in Russia. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian Legal Journal], 2020, no. 2 (131), pp. 103–117 (in Russian).
 20. On the case of checking the constitutionality of articles 220.1 and 220.2 of the Code of Criminal Procedure of the RSFSR in connection with the complaint of citizen V. A. Avetyan. Decree of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 4-P of 03.05.1995. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 1995, no. 2–3 (in Russian).
 21. Troitskaya A. A. Limits of rights and absolute rights: Beyond the principle of proportionality? Theoretical issues and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozreniye* [Comparative Constitutional Review], 2015, no. 2, pp. 45–69 (in Russian).
 22. Podmarev A. A. The Person's and Citizen's Rights and Freedoms Restriction in the Conditions of Emergency State in the Russian Federation: Constitutional Bases and Legislative Regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 1 (177), pp. 50–54 (in Russian).
 23. In the case of checking the constitutionality of parts 1 and 3 of Article 17 of the Federal Law “On the Hydrometeorological Service”, paragraphs 3, 4 and 5 of the Regulations on information services in the field of hydrometeorology and monitoring of environmental pollution in connection with the complaint of a limited liability company “Valmaks”. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 42-P of 29.09.2021. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 41, art. 7064 (in Russian).
 24. Report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2014. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2015, no. 96 (in Russian).
 25. *Doklad Prezidentu Rossiiskoi Federatsii – 2021* (Report to the President of the Russian Federation – 2021). Available at: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (accessed 5 October 2021) (in Russian).
 26. On Mandatory Requirements in the Russian Federation. Federal Law 247-FZ of 31.07.2020 (an edition of 16.04.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5007; *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper], 2022, no. 84 (in Russian).
 27. On the procedure for the federal executive authorities to assess the regulatory impact of draft regulatory legal acts and draft decisions of the Eurasian Economic Commission, as well as on amendments to certain acts of the Government of the Russian Federation (together with the “Rules for assessing the regulatory impact of draft regulatory legal acts and draft decisions of the Eurasian Economic Commission by federal executive authorities”). Decree of the Government of the Russian Federation no. 1318 of 17.12.2012 (an edition of 07.01.2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2012, no. 52, art. 7491; 2021, no. 28 (pt. II), art. 5534 (in Russian).
 28. Vasilevskaya M. M., Kazantsev K. I., Shepeleva O. S. *Kachestvo provedeniya otsenki reguliruyushchego vozdeystviya v Rossii: chto pokazyvayet sploshnoy analiz tekstovyykh dannykh?* [The Quality of Regulatory Impact Assessment in Russia: What Does a Complete Analysis of Textual Data Show?]. Moscow, The Center for Advanced Governance, 2021. 60 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 30.04.2022; одобрена после рецензирования 27.05.2022; принята к публикации 30.05.2022
The article was submitted 30.04.2022; approved after reviewing 27.05.2022; accepted for publication 30.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 325–330
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 325–330
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-325-330>

Научная статья
УДК 342(470)(072.8)

Организационные особенности многодневного голосования на выборах в России

Т. В. Троицкая

Саратовская государственная юридическая академия, Россия, 410056, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

Троицкая Татьяна Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права им. профессора И. Е. Фарбера, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8483-224X>

Аннотация. Введение. Выборы – это важнейший показатель общественно-политического развития государства, критериев демократического режима страны и ее стратегического курса. Выборы – это один из самых массовых процессов, который не ограничивается голосованием, это широкая совокупность общественных отношений, которая начинается задолго до назначения выборов и не заканчивается фактом голосования граждан. Введение многодневного голосования внесло большое количество организационных особенностей, исполнение которых влияет на оценку избирательной кампании в целом. **Теоретический анализ.** К организационным особенностям многодневного голосования относятся: реализация различных форм голосования и возможность их чередования в один избирательный день, обеспечение сохранности бюллетеней, видеонаблюдение и видеофиксация, особенности подсчета голосов избирателей и т.д. Все эти избирательные действия и процедуры требуют выполнения обязательных правил и подчинены механизму реализации основополагающих принципов объективного избирательного права, в основе которых лежат элементы справедливости и открытости. **Эмпирический анализ.** Содержание организационного механизма проведения голосования в течение нескольких дней связано с выполнением правил по использованию стационарных и переносных ящиков, комплексов обработки избирательных бюллетеней, оформлением списка избирателей, реестра для осуществления голосования вне помещения для голосования, осуществлением дополнительной формы голосования, перемещением бюллетеней в сейф-пакеты, последовательностью подсчета голосов избирателей и определением результатов голосования. Возникает вопрос: могут ли неточности в выполнении указанных особенностей влиять на результаты голосования на конкретном участке? **Результаты.** Анализ содержания Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» свидетельствует о правовом закреплении оснований для признания как голосования, так и выборов недействительными. Среди таких оснований закрепляются случаи, когда допущенные при проведении голосования или установлении итогов голосования нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей. Вместе с тем Закон не конкретизирует, какие нарушения можно признавать таковыми. Практика показывает, что нарушения той или иной степени встречаются в ходе проведения любых выборов в любых странах. Закрепление на уровне закона действий, влияющих или не влияющих на волеизъявление избирателей, будет способствовать уменьшению числа необоснованных жалоб, не имеющих больших оснований и способствующих дестабилизации ситуации в ходе организации и проведения выборов. **Ключевые слова:** многодневное голосование, трехдневное голосование, признание выборов недействительными; условия, не влияющие на волеизъявление избирателей; условия, влияющие на волеизъявление избирателей; стационарные и переносные ящики, определение результатов голосования

Для цитирования: Троицкая Т. В. Организационные особенности многодневного голосования на выборах в России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 325–330. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-325-330>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Organizational features of multi-day voting in elections in Russia

T. V. Troitskaya

Saratov State Law Academy, 1 Volskaya St., Saratov 410056, Russia

Tatyana V. Troitskaya, Troiskaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8483-224X>

Annotation. Introduction. Elections are the most important indicator of the socio-political development of the state, the criterion of the country's democratic regime and its strategic course. Elections are one of the most mass processes, which is not limited to voting, it is a wide set of social relations that begins long before the appointment of elections and does not end with the fact that citizens vote. The introduction of multi-day voting introduced a large number of organizational features, the implementation of which affects the assessment of the election campaign as a whole. **Theoretical analysis.** The organizational features of multi-day voting include: the implementation of various forms of voting and the possibility of alternating them on one election day, ensuring the safety of ballots, video surveillance and video recording, features of counting votes, etc. All

these electoral actions and procedures require the implementation of mandatory rules and are subject to the mechanism for implementing the fundamental principles of objective electoral law, which are based on the principles of objectivity, fairness and openness. *Empirical analysis.* The content of the organizational mechanism for conducting voting over several days is associated with the implementation of the rules for the use of stationary and portable boxes, ballot processing complexes, drawing up a list of voters, a register for voting outside the polling station, the implementation of an additional form of voting, moving ballots into safe packages, sequence of counting the votes of voters and determining the results of voting. The question arises: Can inaccuracies in the implementation of these features affect the voting results in a particular precinct? *Results.* The analysis of the content of the Federal Law "On the Basic Guarantees of Electoral Rights and the Right to Participate in a Referendum of Citizens of the Russian Federation" indicates the legal consolidation of the grounds for recognizing both voting and elections as invalid. Among such grounds, there are cases when violations committed during the conduct of voting or the establishment of voting results do not allow to reliably determine the results of the expression of the will of voters. However, the law does not specify which violations can be recognized as such. Practice shows that violations of one degree or another occur during the conduct of any elections and in any countries. Absolutely "pure" elections do not exist, since elections are a political struggle. Consolidation of actions, that affect or do not affect the expression of the will of voters, at the level of law will help reduce the number of provocative complaints that have little reason and contribute to the destabilization of the situation while organizing and conducting elections.

Keywords: multi-day voting, three-day voting, invalidation of elections, conditions that do not affect the will of voters, conditions that affect the will of voters, stationary and portable boxes, determination of voting results

For citation: Troitskaya T. V. Organizational features of multi-day voting in elections in Russia. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 325–330 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-325-330>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В любом демократическом государстве выборы являются основополагающим инструментом механизма управления в стране. «Будучи эффективным политико-правовым механизмом, выборы дают большому количеству граждан возможность принять участие в управлении государством» [1, с. 144]. Данный институт является показателем общественно-политического развития государства и критерием его демократического политического режима. «Институт выборов влиял на формирующиеся социальные системы в мире и во многом определял направления развития общества» [2, с. 182].

Выборы необходимо рассматривать в широком значении этого слова, включающем в себя совокупность общественных отношений, начинающихся задолго до назначения выборов, поскольку возможна процедура первичного внутрипартийного голосования, и не заканчивающихся фактом голосования граждан. Каждая страна имеет свои особенности организации и проведения выборов в зависимости от того, кого избирают – высшее должностное лицо либо представительный орган, а также от уровня территориальной организации проведения выборов. Государство в лице органов государственной власти заинтересовано в прозрачности, доступности и легитимности организации и проведения всех демократических действий и процедур в рамках избирательного процесса. «Политико-правовое развитие избирательных прав в России в целом прогрессирует, о чем свидетельствует историко-правовой анализ, что убеждает в справедливости тезиса о том, что всеобщее и равное избирательное право относится к числу величайших достижений человечества» [3, с. 32].

Большинство стран, включая Россию, сталкиваются с проблемой низкой явки избирателей, особенно это актуально для крупных городов. Условия пандемии накладывают свои отпечатки, и в связи с обеспечением здоровья граждан возникает необходимость вводить новые механизмы организации голосования, в частности проведение выборов в течение нескольких дней. Введение многодневного голосования внесло большое количество организационных особенностей, исполнение которых влияет на оценку избирательной кампании в целом. Сама возможность проведения многодневного голосования, в том числе и на уровне субъектов Российской Федерации, подтверждена судебной практикой. Об этом свидетельствуют решения Первого апелляционного суда общей юрисдикции от 03.11.2020 по делу № 66а-5397/2020, от 01.02.2021 по делу № 66а-968/2021.

Главным условием проведения трехдневного голосования является соблюдение всех принципов российского избирательного права, включая тайну голосования. Ученые и практики отмечают: «Одной из проблем является соблюдение тайны волеизъявления при голосовании избирателей вне помещения для голосования, решение которой позволит повысить доверие всех участников избирательного процесса к голосованию...» [4, с. 109]. Безусловно, пандемия – временное явление. Со временем ситуация нормализуется, и граждане смогут сосуществовать в обычном режиме, но приобретенный опыт реализации новых институтов может и должен быть использован в дальнейшей государственной и общественной жизни. История уже знает примеры, когда институты, учрежденные в условиях чрезвычайного положения, в последующем

крепко вошли в конституционную практику [5, с. 116]. В данном случае речь можно вести о голосовании по почте, которое применяется в США. Впервые такое голосование состоялось в 1864 г. на выборах Президента США во время Гражданской войны и применяется до сих пор.

Теоретический анализ

Впервые многодневное голосование в России было проведено по поправкам в Конституцию Российской Федерации. После этого Председатель Совета Федерации высказала предположение о том, что опыт проведения голосования в течение нескольких дней может быть распространен и на выборы в органы государственной власти. Аналогичную позицию высказала и Председатель Центральной избирательной комиссии.

К числу положительных аспектов организации и проведения многодневного голосования необходимо отнести: возможность повышения явки избирателей и, как следствие, принятие государственного решения большим количеством граждан страны, а также соблюдение эпидемиологических требований в условиях пандемии. Помимо этого, существуют серьезные отрицательные моменты, связанные с усложнением организационных процедур во время организации голосования в течение нескольких дней [6].

К организационным особенностям многодневного голосования относятся: реализация различных форм голосования и возможность их чередования в один избирательный день, обеспечение сохранности бюллетеней, видеонаблюдение и видеофиксация, особенности подсчета голосов избирателей. Все эти избирательные действия и процедуры требуют выполнения обязательных правил и подчинены механизму реализации основополагающих принципов объективного избирательного права, в основе которых лежат принципы объективности, справедливости и открытости. Формы голосования и порядок их реализации во многом определяют ход организации выборов. Временным положением об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд, утвержденным Постановлением ЦИК РФ от 16 декабря 2020 г., устанавливались следующие формы голосования: голосование в помещении для голосования; голосование вне помещения для голосования [7]. Вместе с тем при принятии решения о голосовании в течение нескольких дней соответствующая комиссия вправе предусмотреть, что в дни, предшествующие последнему дню голосования, в первой

половине дня проводится голосование на дому, а во второй – в помещении, т.е. возможно чередования форм голосования в один день.

В соответствии с Положением об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд, утвержденным Постановлением ЦИК РФ от 1 июля 2021 г. № 13/103-8, основные формы голосования остаются прежними, но устанавливается, что 17 и 18 сентября 2021 г. голосование проводится с использованием дополнительных возможностей – это голосование для групп избирателей, которые проживают в местах, где отсутствуют помещения для голосования и транспортное сообщение затруднено [8]. О возможности чередования форм голосования в один день ничего не сказано.

Мнения ученых и практиков разделились, но даже при положительном подходе к многодневному голосованию специалисты отмечают существование «правовых, содержательных и организационных сложностей, присущих трехдневной модели голосования» [9, с. 51].

Эмпирический анализ

Возможность применения различных форм голосования и теоретическая возможность их чередования в течение одного дня накладывают обязанности выполнения организационных механизмов, связанных с использованием стационарных и переносных ящиков, комплексов обработки избирательных бюллетеней, оформлением списка избирателей, реестра для осуществления голосования вне помещения для голосования, осуществлением дополнительной формы голосования, видеонаблюдения, перемещением бюллетеней в сейф-пакеты, последовательностью подсчета голосов избирателей. «Публичные ожидания избирателей связаны с необходимостью формирования доверительной повестки в период избирательной кампании, что мотивировано опасениями о возможности расширения спектра фальсификаций [10, с. 53].

Механизм организации многодневного голосования свидетельствует о необходимости в первый и второй день использовать один стационарный ящик для голосования, а в последний день голосования, являющийся основным, согласно нормативам, устанавливаются исключения. В списке избирателей дату голосования необходимо проставлять только в первый и последний день голосования. При осуществлении голосования вне помещения для голосования перемещать бюллетени из переносных ящиков

в сейф-пакеты сразу по возвращении в помещение, где находится участок, необходимо только в первый и второй день голосования, последний день голосования не содержит такого императивного правила. Возникает вопрос, а может ли невыполнение или отклонение от установленных правил организации голосования повлиять на результаты волеизъявления избирателей? Предположим, что в последний день голосования бюллетени из переносных ящиков перенесены в сейф-пакеты после окончания голосования на дому. С точки зрения правовой регламентации порядка организации голосования в течение нескольких дней – это нарушение, но с точки зрения фактического порядка – это не влияет на результаты голосования и не может признаваться существенным нарушением.

Возникали и другие ситуации. В средствах массовой информации звучала информация о непредоставлении результатов видеонаблюдения на избирательных участках. Вместе с тем судебная практика свидетельствует не столько о непредоставлении указанных материалов, сколько о нарушении порядка их получения (Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 02.06.2021 по делу № 88а-8279/2021).

Проблема участия граждан в выборах и гражданская активность – это в том числе и проблема публичного доверия и сознательного отношения общества к избирательным технологиям. Очень важно, чтобы кандидаты, политические партии, избирательные комиссии и иные участники электоральных процессов относились к избирателю как к главному субъекту публично-правового процесса, исключая любые формы манипулирования и заигрывания [11, с. 82].

Результаты

Анализ содержания Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [12] свидетельствует о правовом закреплении оснований для признания как голосования, так и выборов недействительными. Среди таких оснований закрепляются случаи, когда допущенные при проведении голосования или установлении итогов голосования нарушения не позволяют с достоверностью определить результаты волеизъявления избирателей. Вместе с тем Закон не конкретизирует, какие нарушения можно признавать таковыми. Практика показывает, что нарушения той или иной степени встречаются в ходе проведения любых выборов и в

любых странах. Закрепление на уровне закона действий, влияющих или не влияющих на волеизъявление избирателей, будет способствовать уменьшению числа необоснованных жалоб, не имеющих больших оснований и способствующих дестабилизации ситуации.

В числе нарушений, влияющих на результаты волеизъявления граждан, можно считать:

- голосование граждан по недействительным документам, а также голосование за других избирателей;
- фальсификация подписей избирателей в списке избирателей;
- вброс избирательных бюллетеней в ящик для голосования;
- выдача бюллетеня избирателю, исключенному из списка избирателей в связи с подачей заявления о включении в список избирателей по месту нахождения на другом избирательном участке;
- подкуп избирателей, осуществление предвыборной агитации в помещении участковой избирательной комиссии и прилегающей к нему территории;
- массовое заполнение бюллетеней для голосования вне кабин для тайного голосования, демонстрация бюллетеней для контроля их заполнения;
- массовый вынос бюллетеней из помещения для голосования;
- нарушение порядка голосования избирателей по месту нахождения, а именно выдача бюллетеня избирателю, подавшему заявление, при его отсутствии в списке избирателей без проведения проверки.

Нарушениями, не влияющими на результаты волеизъявления граждан, являются:

- несвоевременное открытие избирательного участка;
- отсутствие увеличенной копии протокола;
- наличие карандашей в кабине для голосования;
- отсутствие урны для надомного голосования на видном месте;
- отсутствие реестра при голосовании вне помещения для голосования;
- отсутствие демонстрации работы КОИБа;
- отказ в демонстрации бюллетеней наблюдателям.

Технические недочеты подобного рода часто становятся поводом для провокаций, написания жалоб и дестабилизации обстановки на участке при отсутствии реальных нарушений. Соответственно, правовое закрепление того, что подобные действия являются техническими либо организационными недочетами избира-

тельного процесса, будет способствовать уменьшению необоснованных жалоб и провокаций во время проведения голосования.

Проблема не в самой возможности проведения многодневного голосования, а в совершенстве организационных и правовых основ его реализации. При этом «нельзя не учитывать потенциал современных технических средств наблюдения и контроля, которые самым активным образом внедряются в избирательный процесс» [13, с. 215]. В совокупности организационные, правовые и материально-технические гарантии обеспечения процедуры проведения многодневного голосования будут способствовать чистоте избирательных действий и процедур.

Список литературы

1. Кукушкин М. И. Проблемы реализации избирательных прав граждан Российской Федерации // Российский юридический журнал. 2012. № 4 (85). С. 144–147.
2. Желтов М. В. Избирательное право и выборы в современном контексте жизни // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов. 2005. Т. 308, № 3. С. 178–182.
3. Гонштейн В. Д. Историко-правовые аспекты избирательного процесса в рамках избирательного права в России // Государственная власть и местное самоуправление. 2011. № 5. С. 32–36.
4. Бикбаева С. В., Ушаков С. Н. Актуальные проблемы реализации активного избирательного права при голосовании вне помещения для голосования // Ученые записки. 2018. № 4 (28). С. 108–110.
5. Троицкая Т. В. Трехдневное голосование на выборах в России // Конституционное развитие России : межвуз. сб. науч. ст. / под ред. Т. В. Заметиной. Саратов : Изд-во Саратовской гос. юрид. академии, 2021. Вып. 20. С. 114–120.
6. Эксперты назвали плюсы и минусы трехдневного голосования // Актуальные комментарии. URL: <http://actualcomment.ru/eksperty-nazvali-plyusy-i-minusy-trekhdnevnogogolosovaniya-2008050948.html> (дата обращения: 29.01.2021).
7. О Временном положении об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах в течение нескольких дней подряд : постановление ЦИК РФ от 16.12.2020 г. № 279/2039-7, в ред. от 10.03.2021 № 286/2094-7. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/48577/> (дата обращения: 08.02.2022).
8. О Положении об особенностях голосования, установления итогов голосования при проведении голосования на выборах, референдумах, назначенных на 19 сентября 2021 года, в течение нескольких дней подряд : постановление ЦИК РФ от 01.07.2021 г. № 13/103-8. URL: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/48577/> (дата обращения: 08.02.2022).
9. Виноградова И. М. К вопросу о новеллах в избирательном законодательстве на выборах и референдумах в России // Современное общество : вопросы теории, методологии, методы социальных исследований : материалы XIX (заочной) Всерос. науч. конф., посвященной памяти профессора З. И. Файнбурга. Пермь : Изд-во ПНИПУ, 2020. С. 47–52.
10. Алябьева А. В. Голосование в течение трех дней : за и против // Выборы : теория и практика. 2020. № 2 (54). С. 54–56.
11. Юсубов Э. С., Туманян Г. В. Многодневное голосование как эволюция электоральной системы // Гражданин. Выборы. Власть. 2021. № 4 (22). С. 81–89.
12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 02.07.2021 № 360-ФЗ // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2002. № 24, ст. 2253 ; 2021. № 27 (ч. II), ст. 5188.
13. Филатова А. О. Обеспечение реализации принципов гласности и открытости в условиях перехода на всеобщее электронное голосование // Образование и право. 2021. № 5. С. 215–220. <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-215-220>

References

1. Kukushkin M. I. Problems of realization of election rights of Russian Federation citizens. *Russian Juridical Journal*, 2012, no. 4 (85), pp. 144–147 (in Russian).
2. Zheltov M. V. Suffrage and elections in the modern context of life. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University. Geo Assets Engineering*, 2005, vol. 308, no. 3, pp. 178–182 (in Russian).
3. Gonshtein V. D. Historical and legal aspects of the electoral process within the electoral law in Russia. *State Power and Local Self-Government*, 2011, no. 5, pp. 32–36 (in Russian).
4. Bikbaeva S. V., Ushakov S. N. Actual problems of the implementation of active suffrage when voting outside the voting premises. *Uchenye zapiski*, 2018, no. 4 (28), pp. 108–110 (in Russian).
5. Troitskaya T. V. Three-day voting in elections in Russia. Zametina T. V. (ed.) *Konstitutsionnoe razvitiye Rossii* [Constitutional development of Russia]. Saratov, Saratov State Law Academy Publ., 2021, iss. 20, pp. 114–120 (in Russian).
6. Experts indicated the pros and cons of a three-day vote. *Aktual'nye kommentarii* (Actual comments). Available at: <http://actualcomment.ru/eksperty-nazvali-plyusy-i-minusy-trekhdnevnogogolosovaniya-2008050948.html> (accessed 29 January 2021) (in Russian).
7. *On the temporary regulations on the features of voting, establishing voting results during voting in elections, referendums for several days in a row. Decree of the CEC of the Russian Federation no. 279/2039-7 of 16.12.2020 (an edition of 10.03.2021 no. 286/2094-7).*

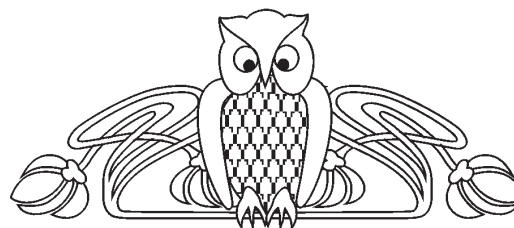
- Available at: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/48577/> (accessed 8 February 2022) (in Russian).
8. On the regulation on the peculiarities of voting, establishing voting results during voting in elections, referendums scheduled for September 19, 2021 for several days in a row. Resolution of the CEC of the Russian Federation no. 13/103-8 of 01.07.2021. Available at: <http://www.cikrf.ru/activity/docs/postanovleniya/48577/> (accessed 8 February 2022) (in Russian).
 9. Vinogradova I. M. On the issue of novelties in the electoral legislation in the sphere of organizing and conducting “three-day voting” in elections and referendums in Russia. In: *Sovremennoye obshchestvo: voprosy teorii, metodologii, metody sotsial'nykh issledovaniy* [Modern society: Questions of theory, methodology, methods of social research]. Perm, Perm National Research Polytechnic University Publ., 2020, pp. 47–52 (in Russian).
 10. Alyabyeva A. V. Voting within three days: For and against. *Vybory: teoriya i praktika*, 2020, no. 2 (54), pp. 54–56 (in Russian).
 11. Yusubov E. S., Tumanyan G. V. Multi-day voting as an evolution of the electoral system. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'* [Citizen. Elections. Power], 2021, no. 4 (22), pp. 81–89 (in Russian).
 12. On the basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation. Federal Law 67-FZ of 12.06.2002 (an edition of 2.07.2021 no. 360-FZ). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 24, art. 2253; 2021, no. 27 (pt. II), art. 5188 (in Russian).
 13. Filatova A. O. Ensuring the principles of publicity and openness under the conditions of transition to public electronic voting. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 5, pp. 215–220 (in Russian). <https://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-5-215-220>

Поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 18.04.2022; принята к публикации 20.04.2022
The article was submitted 14.02.2022; approved after reviewing 18.04.2022; accepted for publication 20.04.2022

Article

The impact of the COVID-19 pandemic on the policies of countries: The example of China and Nigeria

Kehinde Adeola Olufunke

Federal University Oye-Ekiti, Aare Afao Road, Oye-Ekiti, Ekiti State, Nigeria

Kehinde Adeola Olufunke, princessadeola2000@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1554-6247>

Abstract. COVID-19 pandemic's emergence came to the whole world as a rude shock which affected the health system of all countries of the world including the developed nations. The pandemic broke out in Wuhan China in 2019 and has since then been ravaging the whole world. The World Health Organization (WHO) declared the coronavirus disease as a Public Health Emergency of International Concern (PHEIC) and it was pronounced a pandemic. The virus came in to Nigeria in the year 2020 and since then, Nigeria as a country has been battling with the pandemic just as it is across the globe. The coronavirus disease has been affecting Nigeria in every sphere while not sparing every part of human lives and the environment at large. The measures taken to curtail the spread of the virus have negative impacts on the economy, judicial system and well-being of Nigerians generally. This article examines what COVID-19 is all about, its origin, effects and impact on the environment while considering the effects of COVID-19 on the administration of justice system in Nigeria. It also examined the various efforts by Nigerian government in combating the pandemic by putting up some Regulations immediately in order to ensure environmental sustainability. Adequate recommendations were made at the end of the work.

Keywords: COVID-19 pandemic, Nigeria, environment, impact, judicial system

For citation: Kehinde Adeola Olufunke. The impact of the COVID-19 pandemic on the policies of countries: The example of China and Nigeria. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 331–338. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-331-338>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья
УДК 340.625

Влияние пандемии COVID-19 на политику стран: на примере Китая и Нигерии

Кехинде Адеола Олуфунке

Федеральный университет Ойе-Экити, Нигерия, штат Экити, Дорога Ара-Афа

Кехинде Адеола Олуфунке, Ph.D., юридический факультет, princessadeola2000@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-1554-6247>

Аннотация. Возникновение пандемии COVID-19 стало для всего мира сильным потрясением, затронувшим систему здравоохранения всех стран мира, в том числе и развитых. Пандемия разразилась в китайском Ухане в 2019 г. и с тех пор бушует по всему миру. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила коронавирусную болезнь чрезвычайной ситуацией в области общественного здравоохранения, имеющей международное значение (PHEIC), и объявила ее пандемией. Вирус попал в Нигерию в 2020 г., и с тех пор страна борется с пандемией так же, как и во всем мире. Коронавирусная болезнь поражает Нигерию во всех сферах, не щадя ни одной части человеческой жизни и окружающей среды в целом. Меры, принятые для сдерживания распространения вируса, негативно сказываются на экономике, судебной системе и благосостоянии нигерийцев в целом. В этой статье рассматривается, что такое COVID-19, его происхождение, последствия и влияние на окружающую среду, а также влияние пандемии на систему отправления правосудия в Нигерии. Также изучены различные усилия правительства Нигерии по борьбе с пандемией путем немедленного принятия некоторых правил для обеспечения экологической устойчивости. В заключение даны соответствующие рекомендации.

Ключевые слова: пандемия COVID-19, Нигерия, окружающая среда, воздействие, судебная система

Для цитирования: Kehinde Adeola Olufunke. The impact of the COVID-19 pandemic on the policies of countries: The example of China and Nigeria [Кехинде Адеола Олуфунке. Влияние пандемии COVID-19 на политику стран: на примере Китая и Нигерии] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 331–338. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-331-338>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Introduction

Coronaviruses are a group of viruses that can cause disease in both animals and humans. The severe acute respiratory syndrome (SARS) virus strain known as SARS-CoV is an example of a coronavirus [1]. However, the new strain of coronavirus is called severe acute respiratory syndrome coronavirus 2 (SARS-CoV-2). The virus causes coronavirus disease 19 which is popularly called COVID-19.

In December 2019, a new type of coronavirus called novel coronavirus which is globally referred to as COVID-19, was identified in Wuhan, China which made it the first country to experience an outbreak of the disease, the first to impose drastic measures in response, including lockdowns, mandatory use of face masks, and one of the first countries to bring the outbreak under control [2]. The outbreak was first manifested as a cluster of mysterious pneumonia cases, mostly related to the Human Seafood Market, in Wuhan, the capital of Hubei Province [2].

The COVID-19 is associated with symptoms such as fever, difficulty in breathing, cough, and invasive lesions on both lungs of the patients. It can spread to the lower respiratory tract and cause viral pneumonia. In severe cases, patients suffer from dyspnea and respiratory distress syndrome which are usually developed after an incubation time lasting as long as 2 weeks [2]. The pandemic has a big number of infected patients that far exceeded the equivalents of Severe Acute Respiratory Syndromes (SARS) and Middle East Respiratory Syndrome (MERS), though with a lower fatality rate. After recognizing it is an emergency epidemic, strong measures were adopted immediately by Wuhan local authorities to characterize and control the epidemic, including isolation of suspected cases for treatment, close monitoring of contacts, epidemiological and clinical data collection from patients, and development of diagnostic and treatment procedures [2].

COVID-19 pandemic had impacts on the China society, ranging from health, social to economic impact. This impact made all Provinces come up with different policies in order to curtail the virus; the policies also cover visits, holidays and so on. For instance, the Miss Universe China 2020 which was originally scheduled to take place on 8 March 2020 was postponed to a later date due to the epidemic. Also, the Wuhan Culture and Tourism Bureau postponed a tourism promotion activity as all qualified citizens were assured of their participation in the Bureau's next activity. The Bureau also announced the temporary closure of museums, memorials, public libraries and cultural centers in Wuhan resulting in the cancelation of all tour groups to and from Wuhan.

Major sports events were also canceled due to the outbreak, as the State General Administration of

Sports announced a suspension of all sporting events while the educational institutions also postponed resumption of schools. The National Education Examinations Authorities canceled all exams including but not limited to IELTS, TOEFL, and GRE exams. Students that were meant to travel abroad were also advised to delay their travels. The civil life was also not left out, as the Civil Affairs Authorities in Shanghai, Hangzhou and others announced the cancelation of the special arrangement of marriage registration to avoid the spread of the epidemic and cross-infection caused by the gathering of people [3].

The outbreak also had an impact on religion and politics. The economy was not left out as the outbreak had a negative impact on the economy. Millions of workers were stranded, sales of new cars in China were also affected by the outbreak, therefore resulting in the fall of economic activity. During the height of the epidemic in Wuhan, millions of people lost their jobs and this led to the high rate of unemployment in the city [3].

The pandemic led to the use of face masks and hand sanitizers widely by the general public and it was required in many locations but as the epidemic accelerated, the mainland market saw a shortage of face masks due to the increased demand by the public. This pandemic resulted in the slowdown of manufacturing, construction, transportation and overall economic activity in China.

The government of China in response to the pandemic, severely restricted international travels, limiting the number of flights to the country while denying entry of foreigners with previously issued visas and residence permits. The government also took steps to discourage Chinese people from returning from overseas. It also responded to the pandemic by implementing a lockdown, when it was discovered that some people tested positive for the coronavirus, despite showing no symptoms. Other mandatory actions taken by the municipal and provincial governments supported by the central government include: case detection and contact tracing, quarantine guidance and information to the public, detection kit development, etc.

It is worthy of note that the international community recognized that China made remarkable progress in responding effectively to the outbreak. What made China address the epidemic faster is its ability to finance and mobilize resources combined with its strong governance structure, efficient execution, and solidarity of the whole society.

Methodology

This piece of work relies on the doctrinal research methodology. It is the library research; it includes primary and secondary sources. The primary

sources are Statutes, Constitution, Acts and Laws while secondary sources are books, articles etc.

Some of the primary sources used in putting this together include but not limited to the 1999 Constitution of the Federal Republic of Nigeria (Nigeria Constitution 1999) and Regulations on COVID-19 pandemic. The secondary sources include books, articles and journals related to the subject matter of this research. The internet is also of tremendous help in putting this article together.

How COVID-19 Got to Nigeria

Following the developments of COVID-19 pandemic in mainland China and other countries worldwide, the federal government of Nigeria set up a Coronavirus Preparedness Group to mitigate the impact of the virus if it eventually spreads to the country [3].

The Federal Ministry of Health, confirmed the first coronavirus disease case in Lagos State, Nigeria. The case which was confirmed on the 27th of February 2020, is the first case to be reported in Nigeria since the outbreak in China in January 2020. The case was that of an Italian citizen who works in Nigeria and returned from Milan, Italy to Lagos, Nigeria on the 24th of February 2020. He was confirmed positive by the Virology Laboratory of the Lagos University Teaching Hospital, part of the Laboratory Network of the Nigeria Centre for Disease Control. Even though the index case came to Nigeria through the Murtala Muhammad International Airport Lagos, the fact that he was first suspected to have had the virus in Ogun State meant that all the people who had contact with him had to be quarantined by the Ogun State Government, and contact tracing of the people on the same flight with him was initiated by the Lagos State Government and the Nigerian Centre for Disease Control (NCDC) [4].

On the 9th day of March, 2020, the second case of the virus was reported in Ewekoro, Ogun State, it was a case of a Nigerian who had contact with the index case. After the first and second confirmation of the virus, the number of cases in Nigeria began to grow, initially with Lagos being the epicenter of the pandemic in Nigeria.

In March 2020, borders were shut, lockdowns imposed, interstate travel banned, offices, clubs, and services considered to be non-essential were completely shut. The public sector has also been affected and the low economic activities especially in the oil and gas industry, trade and manufacturing as well as services have significantly impacted government's revenue, leading the Federal Government to revise the 2020 budget down by more than N71 billion. COVID-19 has undoubtedly affected every aspect of our lives in Nigeria [4].

Efforts of Nigerian Government to curb the menace including the lockdown

Upon realizing the calamity COVID-19 has brought upon the country, the President of the Federal government by the power conferred on him by the Quarantine Act (Quarantine Act Cap Q2 LFN 2004) in its various sections (Sections 2, 3 and 4 Quarantine Act Cap Q2 LFN 2004) declared COVID-19 a dangerous infectious disease and made the regulation (Covid-19 Regulations 2020) in order to curtail the spread of the disease. The Regulation instantly imposed a lockdown in three different states of Nigeria, that is, Lagos, Ogun and FCT. The president based on the advice by the Federal Ministry of Health and NCDC directed the cessation of all movements across the above mentioned states and FCT for initial period of 14 days commencing from 11pm 30th March 2020 (Section 1 (1) Covid-19 Regulations 2020). Citizens are to stay in their homes, all businesses closed and all travels postponed (Section 1 (2) Covid-19 Regulations 2020); movement of all passenger aircrafts also suspended both commercial and private jets (Section 3 Covid-19 Regulations 2020). All these are emergency measures put in place in response to COVID-19 pandemic by the Nigerian government.

In 2021, the President again by the powers conferred on him by the Quarantines Act (Quarantine Act Cap Q2 LFN 2004) made another Regulation titled Coronavirus Disease (COVID-19) Health Protection Regulation 2021. Part 1 of the Regulation talks about restriction on gatherings. It provides that at all gatherings, a distance of two meters should be maintained between persons (Section 1 Coronavirus Disease (COVID-19) Health Protection Regulation 2021). It further limited numbers of gatherings to 50 in an enclosed place and in case of religious houses, 50% capacity of the auditorium shall not be exceeded (Section 2 Coronavirus Disease (COVID-19) Health Protection Regulation 2021). The Regulation also provided for using of face masks in public places such as churches, mosques, malls, market places etc., washing of hands and the use of hand sanitizers mandated. Thermometers are to be provided and if anyone's temperature is above 38 degrees Celsius, the person should be denied entry (Section 5 Coronavirus Disease (COVID-19) Health Protection Regulation 2021).

Apart from these two Regulations, the Presidential Task Force on COVID-19 in conjunction with NCDC as empowered by the president of Nigeria regularly come up with different guidelines and Protocols to curtail the virus as the need arises.

In summary, Nigeria mounted a swift and aggressive response to COVID-19. The country's initial response included early activation of the national EOC at the NCDC, establishment of the

multi-sectoral COVID-19 PTF, and decisive actions to stop international travel and impose a time-limited lockdown in highly affected areas. National and international authorities and experts suggest the use of non-pharmaceutical measures like wearing face masks and gloves, washing hands with soap, frequent use of antiseptic solution and maintain social distance. The lockdown containment measures were aimed at slowing the spread of the outbreak to new states, delaying the progression to community transmission, and increasing health system capacity at the initial phase of the outbreak.

On January 23, 2020, the World Health Organization's International Health Regulations (IHR) Emergency Committee advised that countries should be prepared for containment, including active surveillance, early detection, isolation and case management, contact tracing, prevention of onward spread of COVID-19 infection and share full data with World Health Organization [5]. From the moment the first case was reported in Nigeria, the Nigerian government and its different agencies initiated several health, economic, security and social responses to contain the disease and its impact on society.

In summary, the Nigerian government in their efforts to curb the menace, responded to the pandemic by putting in place some of the key measures stipulated below [4]:

1. *Establishment of the body called Presidential Task Force by the Federal Government.* With the COVID-19 outbreak, the full machinery of the presidency was deployed in response to the outbreak. The first step taken by the president was to ban flights from countries with high rates of COVID-19 cases. On March 18, 2020, the government announced a total closure of the nation's airspace and land borders. Federal government grants were also given to fight COVID-19 in various states while the Nigeria Centre for Disease Control (NCDC) was not left out. The body has been responsible for supporting states in the COVID-19 response, coordinating surveillance of the disease and the public health response nationwide. The NCDC also developed guidelines and protocols, and supported the accreditation of more laboratories across states in Nigeria.

2. *Palliative Measures.* The Federal Ministry of Humanitarian Affairs, Disaster Management and Social Development was tasked with implementing palliative measures across the country. Some of the measures included disbursement of grants to the poorest households in various states, donation of food items to state governments for onward distribution to citizens and continuation of the school feeding program.

3. *Technical and Material Support.* The Presidential Task Force (PTF) provided technical and

material support to states for the management of the outbreak. The PTF coordinates material support from the private sector to the government. Private sectors like Sahara Energy Group and ThisDay Media donated a 300-bed capacity isolation center to assist in the management of confirmed COVID-19 cases and many more donations were received from well-to-do Nigerians across the globe.

4. *Lockdown.* The lockdown strategy was a drastic and temporary measure implemented with two objectives. The first objective is to slow the spread of the virus across the country, while the second is to buy time for the health system to increase its preparedness [6]. As of March 22, 2020, the initial 30 confirmed cases COVID-19 in Nigeria were travelers from abroad or their immediate contacts. It was this that informed the initial international travel ban for passengers coming from countries with ongoing high transmission (initially China, Italy and Germany) to minimize rising imported cases. Land borders were closed, all international flights were banned, and mandatory institutional quarantine and testing for international returnees to Nigeria were instituted to reduce further importation of the disease from high-risk countries.

On 30th of March, 2020, the President of Nigeria issued series of stringent non-pharmaceutical interventions, which include the stay-at-home orders and cessation of non-essential movements and activities (commonly referred to as a "lockdown strategy") in Lagos and Ogun States and FCT for an initial period of 14 days, extended for an additional 21 days in the same three states and adding Kano State [6]. The states were selected based on a combination of the burden of disease and their risk. Lagos State, was the initial epicenter of disease and had the highest number of cases; Ogun State which shares borders with Lagos State, was the source of the index case, and has a highly urban population with a high rate of movement into Lagos State.

The lockdown included closure of schools and workplaces, bans on religious and social gatherings, cancellation of public events, curfews, restrictions on movement, cessation of interstate and international travel, reduction of market days to a few days in a week, reduction in public transportation carrying capacity to a maximum of 70% and reduction in weekly working hours in the public service. Alongside the federal lockdown in Lagos, and Ogun States and the FCT, many states adopted the same measures as well, including school closure, movement restrictions, and curfews.

5. *Quarantine measures.* Mandatory institutional quarantine and testing of international returnees to Nigeria were instituted in order to reduce further importation of the disease from high-risk countries.

COVID-19 vaccination in Nigeria

Vaccination has been described as one of the wonders of modern medicine. It is a simple, safe and effective way of protecting the body from harmful diseases. Vaccines have played a huge role in ensuring that the fatality of diseases such as measles, chicken pox, tuberculosis and several others have reduced significantly across the globe especially in Nigeria [7].

The Nigerian government through the chairman of the Presidential Steering Committee on COVID-19 has said it would not relent on the mandatory vaccination policy, especially for civil and public service officers, saying the country is experiencing an increase in case fatality ratio [8]. The government has given a directive that it is important for all its workers to get vaccinated as the evidence of vaccination may be the prerequisite for allowing them into their various offices [9]. Examining the legal implication of forcing citizens to get vaccinated, this is in contradiction of the provisions of the 1999 Constitution of the Federal Republic of Nigeria (Section 37 of the 1999 Constitution of the Federal Republic of Nigeria Cap C23 LFN 2004) which provides for the right to private and family life. It also runs contrary to the European Convention on Human Rights which provides the right to private life (Article 8 European Convention on Human Right). In addition, the Code of Medical Ethics of Nigeria provides that before administering vaccines on their patients, such patient's consent must be sought and obtained or that of his / her relative; thus, failure to obtain consent before administering the vaccine would amount to medical negligence as in the case of COVID-19 administration without the consent of the workers, in this instance, a person so coerced may seek redress in the court of law by bringing an action in negligence against the government and the medical practitioner who administered the vaccine. In such a situation an injured person may bring an action in negligence against such a medical practitioner [7].

Effects of the lockdown on Nigerians and inadequate care on the part of the government that imposed the lockdown

Though the lockdown slowed down COVID-19 transmission, it had undesired collateral effects on social protection, security, economic and daily subsistence for many. It is safe to assume that these negative consequences of the pandemic disproportionately affected women, people living in poverty, petty traders and those dependent on income from small and medium enterprises.

Crime and domestic violence reportedly increased during the lockdown period, as many people were unable to exercise their usual income-generating activities with effects most pronounced

on vulnerable populations and those living in poverty (Nigeria National Bureau of Statistics and The World Bank. May 2020. Nigeria COVID-19 National Longitudinal Phone Survey). The adverse effects of the lockdown exacerbated already difficult situations for many, rendering prolonged enforcement of preventive interventions such as lockdown and physical distancing unsustainable [6].

The lockdown policy impacted negatively on majority of people in Nigeria who feed and survive only by what they earn daily [10]. The situation worsened, owing to little or no social welfare packages or palliative assistance provided by the government for the most vulnerable people in society. More so, lack of payment of salaries by state governments, increase in the price of commodities/foods and tariffs on inadequately supplied utilities like electricity are some factors that made the lockdown unbearable.

The Nigerian government has weak institutions which could potentially spark violence and tension between citizens and political parties. The inadequacy on the part of government was revealed as a result of their inability to respond to the lockdown swiftly. The Nigerian government could not respond to the lockdown swiftly, by supplying money, food, drugs and material reliefs to the vulnerable groups. It is important to state that funds, foods and materials provided as a palliative in an emergency should not be given as loans to vulnerable people, and bureaucratic bottlenecks should be removed to enable these people to have easy access to services [10].

The lockdown also had effects on market goods, most especially perishable goods. Due to the lockdown policy in most states, and the policy of markets opening every three days and five days, perishable goods got spoilt thereby causing loss on the part of the traders. Farmers were unable to go to farm to monitor their plants, few of the produce they are able to transport to the market were on high side with respect to price thus most people were unable to afford the commodities. Farmers were making reduced profits by selling in local markets while urban consumers paid higher prices because of low supplies in the regional markets [11].

Negative impact of COVID-19 on Judicial System in Nigeria

The impact of COVID-19 on the Nigeria Judicial System cannot be overemphasized. During the lockdown imposed by the Nigerian government, the judicial system was also on the complete shutdown thereby leading to accumulation of cases unattended to in our courts. Generally speaking, the judicial system in Nigeria is congested and so many cases are in different courts suffering one delay or the other. With the advent of COVID-19 and the lockdown, the situation worsened. The lockdown did not stop crimi-

nal activities and criminals were arrested virtually on daily basis by the police without the opportunity for the accused persons to be arraigned within the reasonable time as provided for under Fundamental Human Rights as contained in Chapter IV of the 1999 Constitution of the Federal Republic of Nigeria [12] and the Administration of Criminal Justice Act [13] and Administration of Criminal Justice Law of different States across the country. The correctional centers across the country were filled to the brim with people arrested for one offence or the other; so also various police cells. This indeed affected the entire judicial system. In the same vein, civil matters were not left behind, cases that were to be handled by courts especially urgent matters requiring an order of injunction could not be attended to. This led some people to resort to self-help in handling their matters which also had adverse effects on the society at large.

Negative impact of COVID-19 on the environment

Since the outbreak of COVID-19, the impact on the environment cannot be overemphasized. It was observed that medical waste generation increased globally, which is a major threat to public health and environment. For instance, collection of the suspected COVID-19 patients, diagnosis, treatment of huge number of patients and disinfection of various isolation centers gave rise to the increase of biomedical wastes generated across the country; such a sudden rise of hazardous waste, and their proper management became a significant challenge to the local waste management authorities [14]. Waste generated, from the hospitals (e.g., needles, syringes, bandage, masks, gloves, used tissue, and discarded medicines etc.) should be properly managed in order to reduce further infection and environmental pollution but it became a matter of concern in Nigeria at a stage.

Across the globe, production and use of plastic based PPE have increased. In order to ensure that people are adequately protected against the viral infection, the use of face masks, hand gloves and other safety equipment have increased, which in turn increased the quantity of healthcare wastes. Based on people's ignorance about infectious waste management, most people dump these items (e.g., face masks, hand gloves etc.) in open places which creates clogging in drainages and worsens environmental pollution Nigeria has been battling with for decades now [15].

Nigeria's economy has been adversely affected since the advent of the COVID-19 pandemic. As a result of the lockdown imposed by most countries of the world, the flow of income has been significantly constrained since a reasonable proportion of the productive factors lied idle [16]. Companies were shut, thus, it affected their production and led to

their inability to pay taxes to the government purse. There is also a significant reduction in international trade following the closure of seaports and airports to curtail the spread of the pandemic. Ironically, the government's transfers payments have increased considerably, owing to the expenditure on palliatives by various governments across the globe to cushion the effect of the lockdown on citizens [16]. In addition, since the lockdown has constrained human, vehicular movement and economic activities, flow of income across nations have been adversely affected [17].

Due to the pandemic and efforts of the government to curtail the spread of the virus and in the face of economic instability people were forced to reduce their spending, there is a reduction in economic transactions which led to losses by firms across the world [17]. Within a short time after the lockdown, individuals and firms ran out of cash needed to make the required transactions. The situation is further compounded by the curtailment of transport services, which could constrain farming activities and thus jeopardize economic growth since green revolution is a prerequisite for industrial revolution [16]. In addition as a result of Nigeria's overreliance on oil and due to the lockdown in Nigeria, there was a fall in oil prices which constrained government earnings and made them resort to external borrowing [18].

Recommendation and conclusion

Coronavirus causes a range of illnesses. It typically affects the respiratory tract, but the effects can extend well beyond the respiratory system. Most cases of COVID-19 are not serious. However, it becomes severe if not urgently attended to, leading to death in some cases. The outbreak of COVID-19 was sudden; this makes it difficult to estimate how often the disease becomes severe or the exact rate of mortality. It is hereby recommended as follows:

Firstly, proactiveness on the part on the government is very fundamental, thus, the Nigerian government should ensure that the preventive measures are put in place against future occurrence. The citizens must be given proper orientation about the occurrence and those things that must be done or not to be done so as to reduce the spread of the virus. Necessary material for the curtailment of the disease such as hand sanitizers and face masks should be distributed to the citizens free of charge, while establishing more health care facilities and isolation centers.

Secondly, laws regulating Public health should be enacted and adequate enforcement mechanism should be ensured. In essence, when the public health laws are enacted, there must be compliance with the laws enacted and thus, once a law is created, a body, commission or law enforcement agency should be created alongside so as to ensure compliance with the laws.

Likewise, the state of hospitals in Nigeria is appalling. The Nigeria government should take the health of the citizens serious by ensuring that good facilities are built and necessary equipment is provided for these hospitals. The hospitals should be well funded so as to enable the management run it smoothly and effectively; when hospitals are not well funded, the resultant effect is what we are having in Nigeria today. Isolation centers should be built in all states across the federation and they must be well equipped; it is a different thing to have a building for the isolation of those who tested positive to coronavirus or other diseases, it is another thing to have facilities and equipment necessary for the treatment and care of the patients therein. In the same vein, hospital pharmacies should be well stocked with drugs for different ailments.

In addition, it was observed that during the lockdown, Nigeria's government did not take the welfare of the citizens serious and this led to hunger, poverty and many more. Palliatives were not properly distributed as this did not get to so many households. A lot of people were hungry without having any hope of getting any support from the government. For instance, during the lockdown in Nigeria, families of five got 2 cups of rice from the government throughout the period of lockdown, this is embarrassingly shameful. In fact, it can be safely concluded that this led to vandalism of food stores where the so called palliatives were kept by the Nigerian government without distribution. Foods were kept in large rooms and stores without being distributed and people were dying of hunger. This shows the level of unseriousness on the part of the Nigeria government. The welfare of the citizenry should be the priority of every serious government, thus, before any lockdown is imposed in future, the government should have been prepared to take care of the citizens' well-being during the period.

Lastly, medical practitioners should be well remunerated and their salaries paid as and when due. If the medical practitioners are well remunerated, they will be well motivated to carry out their duties effectively. Lack of good remuneration of the medical practitioners is what usually necessitates their going on strike, thereby leaving patients in hospitals unattended to and sometimes leading to the patient's death. In fact, amidst the COVID-19 struggles, medical doctors embarked on a nationwide strike in Nigeria to protest against non-availability of necessary materials to protect themselves against the novel coronavirus, non-payment of salaries and so on. The Nigeria government should be sincere enough to take care of those who risk their lives to save other people's lives across the country.

In conclusion, as the government adapts to the COVID-19 pandemic, it is equally important for Nigerians to take responsibility by conforming to these new realities in order to contribute to the effectiveness of the response. This paper has been able to examine the history of coronavirus, having its origin in Wuhan, China. It has also been able to examine how COVID-19 got to Nigeria, the efforts of Nigerian government towards battling the pandemic, the impact of coronavirus on the environment and the judicial system with reference to the lockdown imposed by the government.

References

1. Kandola A. *Coronavirus Cause: Origin and how it spreads*. Updated on June 30, 2020. Available at: <https://www.medicalnewstoday.com/articles/coronavirus-causes#symptoms> (accessed 11 March 2022).
2. Zhu H., Wei L., Niu P. The novel coronavirus outbreak in Wuhan, China. *Global Health Research and Policy*, 2020, no. 5, Art. 6. <https://doi.org/10.1186/s41256-020-00135-6>
3. Zhang X. S., Vynnycky E., Charlett A., De Angelis D., Chen Z., Liu W. Transmission dynamics and control measures of COVID-19 outbreak in China: a modelling study. *Scientific Reports*, 2021, no. 11, Art. 2652. <https://doi.org/10.1038/s41598-021-81985-z>
4. Alagboso C., Abubakar B. The First 90 days: How has Nigeria responded to the COVID-19 outbreak? *Nigeria Health Watch*. Available at: <https://nigeriahealthwatch.medium.com/the-first-90-days-how-has-nigeria-responded-to-the-COVID-19-outbreak-covid19nigeriaresponse-a0974493efa6> (accessed 8 October 2021).
5. Siddharth Dixit, Yewande Kofoworola, Obinna Onwujekwe. *How well has Nigeria responded to COVID-19?* July 2, 2020. Available at: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2020/07/02/how-well-has-nigeria-responded-to-COVID-19/> (accessed 28 September 2021).
6. Dan-Nwafor C., Ochu C. L., Ihekweazu C. Nigeria's public health response to the COVID-19 pandemic: January to May 2020. *Journal of Global Health*, 2020, vol. 10, iss. 2. <https://doi.org/10.7189/jogh.10.020399>
7. Onyia S. *The legality of the requirement of the COVID-19 vaccine*. Available at: <https://www.mondaq.com/nigeria/operational-impacts-and-strategy/1108152/the-legality-of-the-requirement-of-the-COVID-19-vaccine> (accessed 11 March 2022).
8. Ileyemi M. *COVID-19: Nigerian government insists on mandatory vaccination*. Available at: <https://www.premiumtimesng.com/news/top-news/495541-COVID-19-nigerian-government-insists-on-mandatory-vaccination.html> (accessed 11 March 2022).
9. Adebowale N. *COVID-19: Nigerian govt makes vaccination mandatory for civil servants*. Available at: <https://www.premiumtimesng.com/news/headlines/489749->

- just-in-COVID-19-nigerian-govt-makes-vaccination-mandatory-for-civil-servants.html (accessed 11 March 2022).
10. Anyanwu M. U., Festus I. J., Nwobi O. C., Jaja C. I., Oguttu J. W. A Perspective on Nigeria's Preparedness, Response and Challenges to Mitigating the spread of COVID-19. *Challenges*, 2020, vol. 11, iss. 2, pp. 1–15. <https://doi.org/10.3390/challe11020022>
 11. Aromolaran A. B., Issa F. O., Muyanga M. *The unintended consequences of COVID-19 lockdown in Nigeria*. Available at: <https://www.future-agricultures.org/blog/the-unintended-consequences-of-covid19-lockdown-in-nigeria/> (accessed 28 September 2021).
 12. *The 1999 Constitution of the Federal Republic of Nigeria, 1999, as amended to 2018. Cap C23, LFN 2004*. Available at: awsofnigeria.placng.org/laws/C23.pdf (accessed 28 September 2021).
 13. *Administration of Criminal Justice Act 2015*. Available at: https://www.policinglaw.info/assets/downloads/2015_Administration_of_Criminal_Justice_Act.pdf (accessed 28 September 2021).
 14. Zambrano-Monserrate M. A., Ruano M. A., Sanchez-Alcalde L. Indirect Effects of COVID-19 on the Environment. *Science of The Total Environment*, 2020, no. 728, Art. 138813. <https://doi.org/10.1016/j.scitotenv.2020.138813>
 15. Rahman M. M., Bodrud-Doza M., Griffiths M. D., Mamun M. A. Biomedical waste amid COVID-19: Perspectives from Bangladesh. *The Lancet Global Health*, 2020, vol. 8, no. 10, e1262. [https://doi.org/10.1016/S2214-109X\(20\)30349-1](https://doi.org/10.1016/S2214-109X(20)30349-1)
 16. Inegbedion H. Impact of COVID-19 on economic growth in Nigeria: Opinions and attitudes. *Heliyon*, 2021, vol. 7, e06943. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2021.e06943>
 17. Feng E. *How COVID-19 Is Impacting the Flow of People, Information, Goods, and Money* (2020). Available at: <https://medium.com/@efeng/how-COVID-19-is-impacting-the-flow-of-people-information-goods-and-money-9719f80e9f63> (accessed 28 September 2021).
 18. Inegbedion H. E., Inegbedion E. E., Obadiaru E. D., Asaleye A. J., Ayeni A., Aremu C. Cassava attractiveness in Nigeria: A policy improvement approach. *Journal of Agribusiness in Developing and Emerging Economies*, vol. 10, no. 2, pp. 157–175. <https://doi.org/10.1108/JADEE-05-2019-0068>

Поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 17.05.2022; принята к публикации 21.05.2022
The article was submitted 18.04.2022; approved after reviewing 17.05.2022; accepted for publication 21.05.2022

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 339–345
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 339–345
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-339-345>

Научная статья
УДК 340.122:340.5

Природа *ius resistendi* в свете правовых школ и теорий

Н. Д. Строгов

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9

Строгов Никита Дмитриевич, аспирант кафедры теории и истории государства и права, strogovofficial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7345-073X>

Аннотация. Введение. Теоретики права продолжают сводить *ius resistendi* к праву на народное насильственное восстание, тогда как указанное право в условиях современности выполняет роль правового института, сдерживающего публичную власть от возможных злоупотреблений и посягательств на другие права и свободы человека и гражданина. *Ius resistendi* коренится в классическом юснатурализме, но осмысляется средствами современных представлений о естественном праве, юридического позитивизма и социологической науки, в том числе теории конфликта, что позволяет более комплексно подойти к анализу природы и содержания права на сопротивление. **Теоретический анализ.** Выявлено, что природа *ius resistendi* принадлежит не государству и позитивному закону, но индивиду и обществу, что подтверждается теоретическими положениями современной школы юснатурализма и социолого-правовой науки. Однако позитивация *ius resistendi* предполагает более надёжные гарантии реализации указанного права, а также повышает эффективность права на сопротивление как правового института. **Эмпирический анализ.** Проведён анализ конституционных актов нескольких стран, по результатам которого делается вывод о возможностях конструирования нормы *ius resistendi* в теле позитивного закона. Вместе с тем механизм реализации указанного права не может быть предусмотрен в конституционной норме. За счёт позитивации права на сопротивление государство институционализирует контроль над собой. **Результаты.** Природа и содержание права на сопротивление угнетению представляются более широкими, чем предлагается классическим учением о юснатурализме. Хотя *ius resistendi* остаётся в сфере «идеального» права, не исключены возможности позитивации указанного права как института, сдерживающего публичную власть от возможных злоупотреблений, и как «права на правонарушение». Позитивированное право на сопротивление угнетению выступает как один из способов разрешить конфликт закона и справедливости.

Ключевые слова: право на сопротивление, право на восстание, *ius resistendi*, естественное право, позитивное право, социология права

Для цитирования: Строгов Н. Д. Природа *ius resistendi* в свете правовых школ и теорий // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 339–345. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-339-345>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The nature of *ius resistendi* in the context of legal schools and theories

N. D. Strogov

Saint Petersburg State University, 7–9 Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia,

Nikita D. Strogov, strogovofficial@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7345-073X>

Abstract. Introduction. Many researchers consider *ius resistendi* as the right to violent uprising, while nowadays this right plays the role of a legal institution that restrains public authorities from abuses and encroachments on other human and civil rights. *Ius resistendi* is rooted in classical iusnaturalism, but is comprehended by means of modern natural law, legal positivism and sociological science, including the theory of conflict, which makes it possible to analyze the nature of the right of resistance more comprehensively. **Theoretical analysis.** The nature of *ius resistendi* does not belong to the state, but to individuals and society, which is confirmed by the theoretical provisions of iusnaturalism and sociological and legal science. The positive *ius resistendi* creates more reliable guarantees for the implementation of this right, and also increases the effectiveness as a legal institution. **Empirical analysis.** The author carried out the analysis of the constitutional acts and came to the conclusion about the possibilities of constructing *ius resistendi* into the body of a positive law. By legal recognition of *ius resistendi*, the state institutionalizes control over itself. **Results.** The nature of *ius resistendi* appears to be broader than that suggested by classical doctrines. Although *ius resistendi* remains in the sphere of “ideal” law, the possibility of the implementation of this right in normative acts as an institution that restrains public authorities from possible abuse, and as a “right to commit an offense” is not excluded. The positive *ius resistendi* acts as one of the ways to resolve the conflict of law and justice.

Keywords: right of resistance, right of rebellion, *ius resistendi*, natural law, positive law, sociology of law

For citation: Strogov N. D. The nature of *ius resistendi* in the context of legal schools and theories. *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 339–345 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-339-345>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Право на сопротивление угнетению, также известное правовой науке как право на восстание, право на революцию, *ius resistendi*, осмысляется современными западными исследователями как пример правового института, ограничивающего публичную власть от возможных злоупотреблений. В то же время в российской науке поддерживается точка зрения о потере актуальности указанного права с акцентом на его деструктивный характер. Исследователи сводят *ius resistendi* к праву на насильственное свержение власти [1], что заметно сужает многообразное содержание идеи сопротивления, развитой как западной [2], так и восточной [3] политико-правовой и религиозной мыслью.

Уровень дискуссионности *ius resistendi* возрастает по мере осмысления природы указанного права. Хотя право на сопротивление угнетению коренится в юснатурализме, тем не менее, средства других правовых школ и теорий позволяют рассмотреть указанное право под другим углом, что выводит идею сопротивления правонарушающей власти из «оков» естественного права.

Ius resistendi может быть осмыслено через юснатурализм, юридический позитивизм и социолого-правовую теорию, в том числе теорию конфликта. В конечном счёте природа указанного права оказывается гораздо шире, чем предлагают традиционные учения, что в свою очередь исключает ряд дискуссионных теоретических вопросов и позволяет выявить практическую роль *ius resistendi* как института, ограничивающего публичную власть от возможных злоупотреблений. В дальнейшем идея сопротивления угнетению может быть позитивирована в национальных конституционных законах демократического толка, чему история уже знает примеры.

Теоретический анализ

Естественно-правовая теория. Идея *ius resistendi* развивалась параллельно естественно-правовой теории в разных её редакциях. Хотя некое суженное и весьма фрагментарное упоминание правомерного сопротивления встречается еще в V веке до н.э. у древнекитайского мыслителя, сторонника государственного консеквинциализма Мо-цзы, а затем и в Античности, будь то у Аристотеля, Тиберия Гракха или Цицерона, в полной мере возможности сопротивления угнетению являют себя в учении богословов Иоанна Солсберийского и Фомы Аквинского. Первый указывает, что тиран может быть низложен всеми возможными способами, вплоть до убийства [4], а второй утверждает, что если

большинство обладает правом выдвигать царя, то такого правителя это же большинство имеет право по меньшей мере ограничить в полномочиях, а кроме того, свергнуть [5, с. 243]. В период Нового времени линию оправдания сопротивления продолжают кальвинисты Томас Гоббс, Джон Локк, Жан Барбейрак и др. Апогея *ius resistendi* достигает в философии Жана-Жака Руссо, считающего, что если суверенитет уничтожен, государь разрывает общественный договор, то простые граждане, по праву «возвращаясь к своей естественной свободе, принуждены, а не обязаны повиноваться» [6, с. 173, 214, 216]. В конечном итоге сопротивление угнетению становится долгом, обязанностью нации, что очень кстати отражается впервые в Декларации независимости США 1776 г. [7, с. 25].

Именно юснатуралистские учения привели идею сопротивления к её позитивации, и не зря расцвет *ius resistendi* пришёлся на XVIII в., столетие коренных перемен и революций. В обосновании восстания хотя и встречались правовые категории, но мыслители нередко допускали идеализацию народного бунта против тирании с отсылкой на нравственные категории, что вполне отвечает традиционному пониманию естественно-правового учения.

Как нам представляется, классический юснатурализм с его учением о вечном и неизменном, противостоящем несправедливому закону, сегодня неприменим. И всё же остаётся актуальным вопрос о существовании прав человека вне позитивного закона. К таковым, разумеется, относится и *ius resistendi*, позитивация которого в конституционных национальных законах – исключение из правила, а не правило. Вне позитивного права всегда существуют идеи, принципы и нормы, которые являются уже потенциально действующими, в том числе в связи с их признанием международным сообществом [8, с. 122]. Идея оправданного сопротивления встречается, кстати, и во Всеобщей декларации прав человека [9].

Очевидно, позитивный закон может превышать некий рубеж, за которым являет себя несправедливость, и тогда подобные нормы утрачивают правовой характер [10, с. 59]. Гражданское общество способно осуществлять демонтаж «кризисных» норм неправового закона [11, с. 46]. Один из вариантов демонтажа – сопротивление угнетению, которое тем больше легитимируется, чем выше уровень антиправовых практик со стороны публичного аппарата.

Несомненно, *ius resistendi* коренится в «идеальном» праве, будь то классический юснатурализм с его традиционными признаками

естественных прав (возникает в силу рождения, неотчуждаемо, непосредственно реализуется и др. [12, с. 17–18]) или более поздние учения о естественном праве, как было выяснено выше.

Юридический позитивизм и возможности позитивации. Довлеющее присутствие естественно-правовых учений, оправдывающих сопротивление правонарушающему аппарату власти, не отменяет возможности юридического позитивизма в осмыслении *ius resistendi*. Историческая реконструкция идеи подтверждает, что представители позитивизма нередко допускают возможность легитимированного народного бунта.

Так, английский правовед Иеремия Бентам, родоначальник утилитаризма, отмечает, что человек имеет право на сопротивление, если он способен «причинить вероятный меньший вред, чем возможный вред от подчинения» [13, с. 18]. Фактически сторонник позитивизма в праве признает *ius resistendi* не славящейся широким опытом признания государственной машиной и формулирует принцип исключительности в практике сопротивления.

Разумеется, права человека как моральные права относятся к идеальному измерению права [10, с. 129], но их позитивация соединяет идеальное измерение с реальным [14, с. 150]. Поскольку естественные права исторически стремятся к отражению их в законе [15, с. 23], они закономерно получают более надёжные гарантии реализации.

В контексте *ius resistendi* последний тезис видоизменяется. На наш взгляд, позитивация конституцией идеи сопротивления угнетению, с одной стороны, конечно, предполагает, что народ имеет право в любой момент взяться за оружие, чтобы свергнуть деспотичного правителя, однако на практике означает совсем противоположное. Национальный закон, закрепивший *ius resistendi*, сковывает публичную власть от злоупотреблений, антиправовых практик, и, таким образом, право на сопротивление угнетению выступает уже не как активное правомочие, но как «дремлющий» правовой институт, предохраняющий государственную машину. Народ не берётся за оружие, не реализует «право на правонарушение», поскольку публичная власть, сковавшая себя позитивированной идеей *ius resistendi*, не решается, как правило, на разворот в сторону антидемократизма.

Значит, как бы парадоксально это ни звучало, право на сопротивление угнетению, «идеальное» и «нравственное» в своей сущности, удачно позитивизируется, хотя и нуждается в исторических предпосылках и воле государственного аппарата для закрепления в национальном законе. Будучи естественным правом по сути, оно не перестаёт

рассматриваться как естественное, находя отражение в законе [16, с. 32], хотя неправовая сфера в итоге приобретает правовой статус [17]. Вместе с тем, как показывает историческая практика, *ius resistendi* может отражаться в текстах законов как некая констатация факта – факта признания реализации указанного права в условиях тех или иных антидемократических практик, но без описания механизма реализации сопротивления угнетению. Об этом будет сказано подробнее несколько позднее.

Таким образом, позитивация *ius resistendi* предполагает признание указанного права, его принадлежности гражданскому обществу, а не государству [18]. Это тот случай, когда правовая система способна институционализировать контроль над собой, который осуществляется вне этой системы, что бы ни говорили скептики [19]. Право на сопротивление угнетению как «пассивно» действующий правовой институт частично разрешает конфликт между законом и справедливостью.

Социолого-правовые учения и теория конфликта. Как было представлено нами выше, *ius resistendi* являет себя как активно реализуемое право в условиях антидемократических практик государственного аппарата либо как правовой институт, сдерживающий публичную власть от возможных злоупотреблений. Независимо от роли, которую выполняет право на сопротивление угнетению, очевидно, что оно представляет собой индикатор социального конфликта между индивидом, обществом и государством – конфликта, разумеется, вечного и неразрешимого. С этих позиций социологическая мысль вносит ценный вклад в понимание природы и содержания *ius resistendi*.

Немецкий философ Георг Зиммель среди множества вариантов взаимодействия между членами общества особую роль в своём учении уделял неизбежной борьбе, поскольку сама жизнь есть «борьба в абсолютном смысле» [20, с. 495] и «ни один конфликт не существовал напрасно» [20, с. 514]. В трудах социолога прослеживается мысль, что конфликт не сводится к борьбе самой по себе, но имеет целью защиту перед общим врагом, когда объединяются люди с разнородными интересами. «Если нападение направлено даже против отдельного члена чужого рода, последний в целом спешит на защиту его», – утверждает Зиммель [21, с. 330].

Механизм конфликта, очерченный философом, применим и в случае активной реализации *ius resistendi*. Индивид, общество объединяются в борьбе против публичного аппарата, показавшего себя врагом по отношению к народу.

В качестве другого примера, когда средства социологической науки позволяют осмыслить содержание сопротивления угнетению, нельзя не упомянуть теорию конфликта Карла Маркса и Фридриха Энгельса с их пониманием всеобщей истории как истории борьбы угнетающих и угнетаемых, находящихся в вечном антагонизме, когда явная борьба всегда кончается «революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов» [22, с. 424].

Если Зиммель прокладывает теоретическую основу для *ius resistendi*, не акцентируя внимание на указанном праве, то немецкие философы Маркс и Энгельс создали полноценную идеологическую базу для возможностей легитимизированного сопротивления. Последнее, если речь идёт об угнетённых, «постоянно носит в высшей степени легальный характер» [23, с. 269]. Несомненно, учение мыслителей, акцентирующее внимание на экономических благах, классовых противоречиях, роли государства как выразителя интересов одной из сторон, сужает возможности для теоретизации правомерного и неправомерного в случае *ius resistendi*. С другой стороны, нельзя не отметить роль философов, которые, может быть, даже более открыто, чем представители классического французского юснатурализма, оправдывали народные восстания против тирании.

На противостоянии как двигателе прогресса настаивал и критик классовой теории конфликта социолог Ральф Дарендорф. Причина конфликта, по мнению мыслителя, заключается в различных социальных позициях в обществе из-за обладания одной из групп правом, привилегиями в противовес другим группам. Публичная же власть может выступать как субъект, способный разрешать противоречия за счёт подавления конфликта, следует из учения Дарендорфа. В результате возрастает «потенциальная злокачественность» конфликта, уровень подавления растёт до насильственного, и, «наконец, ни одна сила на свете не будет более в состоянии подавить энергию конфликта» [24, с. 145]. Социолог видит в революции конечный итог противостояния. Фактически спираль «конфликт – подавление», по Дарендорфу, раскручивается в большей степени в тоталитарных режимах.

Указанное отвечает устоявшемуся пониманию *ius resistendi*, где субъекту сопротивления противостоит недемократический публичный аппарат, использующий давление как способ обозначить статус-кво и не готовый к развороту в сторону учёта интересов общества и индивида, т. е. ограничивающий «полноту гражданского

участия людей социальными, экономическими и политическими средствами» [25, с. 55]. Не зря Дарендорф позже замечает, что «общественный договор пишется заново с помощью социальных конфликтов», которые выступают «воплощениями свободы» [25, с. 119]. Добавим, именно через конструкцию общественного договора чаще всего осмысляется право на сопротивление угнетению в классической западной политико-правовой мысли.

Не только теория конфликта вносит вклад в развитие идеи сопротивления. Современная социолого-правовая наука утверждает положения, которые так или иначе отвечают природе *ius resistendi*.

Указанное следует, в частности, из учения социолога Льва Ивановича Спиридонова, который подчёркивает возможность издания неправовых норм [26, с. 93], существование непозитивированных прав человека [26, с. 105], роль саморегуляции общества через преодоление противоречий, в том числе через революции [26, с. 27, 32–33].

Очевидно, что некоторые формы реализации *ius resistendi* могут посягать на позитивный закон. Таким образом, право на сопротивление угнетению нередко является «правом на правонарушение». Вместе с тем предлагаемая социологией права дефиниция правонарушения позволяет избегать «крайностей». Спиридонов, в частности, отмечает, что правонарушением является покушение не столько на закон, сколько на сложившийся порядок общественных отношений [26, с. 262].

В этом смысле сопротивление угнетению может быть правомерным, поскольку творцом права выступает общество, а несправедливый закон – плод неправовой деятельности государства. На сложившийся социальный порядок посягает, таким образом, антидемократический публичный аппарат, а общество восстанавливает прежние договорённости за счёт реализации *ius resistendi*.

Не зря социолог пишет, что «истории известны многочисленные примеры бессмысленных войн <...>, что в большинстве случаев вообще не считалось правонарушением» [26, с. 260–261]. Право на сопротивление угнетению – это право на справедливую войну внутри государства.

Таким образом, право на сопротивление угнетению удачно укладывается в рамки не только естественно-правового, но и социологического подхода. Современные исследователи, рассматривающие отдельные положения социологии права, предоставляют ценный материал для обоснования права на сопротивление:

причём указанное наблюдается как в работах классиков социологической мысли, так и среди современных социологов права. *Ius resistendi*, воплощённое в активных формах реализации, является отражением основных постулатов теории конфликта с точки зрения противостояния индивида, общества и государства в условиях антидемократического политического режима. Современные социолого-правовые концепции предоставляют ценный фундамент для возможностей легитимации сопротивления.

Эмпирический анализ

Право на сопротивление угнетению позитивируется в нескольких национальных конституционных законах. Акты принимались с учётом исторического опыта конкретной страны, в том числе революционного, и, очевидно, с опорой на теоретические исследования, философскую мысль по вопросу *ius resistendi*.

Так, Конституция Германии 1949 г. указывает, что «все немцы имеют право на сопротивление любому, кто предпринимает попытку устранить этот строй, если иные средства не могут быть использованы» [27, с. 177]. Конституция Республики Чад 1958 г. заявляет о «праве и обязанности противостоять и не повиноваться каждому лицу, государству, захватившему власть силой или с нарушением норм данной Конституции» [28]. Конституция Греции 1975 г. отмечает роль греков, «правом и обязанностью которых является оказание всеми средствами сопротивления любой попытке отменить ее [Конституцию] насильственным путем» [29]. Конституция Перу 1993 г. устанавливает, что «никто не обязан подчиняться узурпаторскому правительству или любому лицу, которое занимает государственную должность с нарушением Конституции и закона», «гражданское население имеет право восставать в защиту конституционного порядка» [30]. *Ius resistendi* упоминается в тех или иных вариантах, будь то пассивное или активное, абсолютное или ограниченное сопротивление, право или обязанность, ещё в десятках национальных конституционных законах.

Во всех Основных законах прослеживается понимание идеи сопротивления, выраженной многовековой философской и религиозной мыслью. Очевидно, что в большей степени почву для позитивации *ius resistendi* подготовило естественно-правовое учение, поскольку в текстах законов часто подчёркивается неотъемлемый, «природный» и политический характер права на сопротивление. Вместе с тем отмечается особая роль общества, народа как творца права, что

является характерной чертой социологических учений, а потому сопротивление легитимируется как акт, постановленный в противовес недемократическим, антиправовым действиям со стороны публичного аппарата. Борьба за справедливость, выраженная в *ius resistendi*, оправдывается в национальных законах как средство прогресса или, по меньшей мере, как способ остановить регресс, что свойственно теории конфликта. Вместе с тем, как бы сама идея сопротивления ни была чужда позитивному праву и природе публичной власти, не желающей институционализировать контроль над собой, правовая практика, как видно, пошла по иному пути. Позитивация *ius resistendi* стала возможной, хотя и на уровне признания факта существования указанного права, но без описания механизма его реализации.

Результаты

Право на сопротивление угнетению, «идеальное», «нравственное» и политическое по своей природе, коренится в учениях представителей школы естественного права. Зародившись в классическом юснатурализме, идея *ius resistendi* являет себя в современных непозитивистских учениях и современном естественном праве. Сегодняшние учения сводят сущность идеи сопротивления к «пассивному» правовому институту, сдерживающему публичную власть от возможных злоупотреблений.

Позитивация права на сопротивление не является основанием для подтверждения его существования и реального действия, поскольку природа указанного права не связывается нормативными установлениями и волей государственного аппарата. Вместе с тем отражение *ius resistendi* в норме позитивного закона предполагает более надёжные гарантии превентивной функции института указанного права, призванного обеспечивать демократическое развитие и обновление общества. История знает примеры успешной позитивации *ius resistendi*, которое рассматривается как способ частично разрешить конфликт между законом и справедливостью.

Поскольку право на сопротивление угнетению принадлежит индивиду и обществу, но не государству, которое не всегда готово институционализировать контроль над собой, – указанное право удачно осмысливается средствами социологической науки и теории конфликта в разных её вариациях. *Ius resistendi* становится «правом на правонарушение», а критерии легитимации сопротивления обозначает само общество, но не суверен в лице государства.

Список литературы

1. Красинский В. В. О праве народа на восстание // Военно-юридический журнал. 2006. № 4. С. 21–23.
2. Иванов Н. Д. Эволюция права на сопротивление угнетению в классической западной правовой традиции // Vox Juris. Глас права : сб. ст. СПб. : Изд-во «ЛЕМА», 2019. С. 210–214.
3. Строгов Н. Д. Идея права на сопротивление угнетению в восточной политико-правовой и религиозной мысли // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 1. С. 106–114. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>
4. Surzyn J. Tyrant and His Power According to John of Salisbury // Horyzonty Polityki. 2020. Vol. 10, № 33. P. 49–59. <https://doi.org/10.35765/HP.2019.1033.03>
5. Медведев И. П., Рутенбург В., Мажуга В. Политические структуры эпохи феодализма в Западной Европе (VI–XVII вв.). Л. : Наука, 1990. 248 с.
6. Руссо Ж.-Ж. Трактаты / подг. В. С. Алексеев-Попов, Ю. М. Лотман, В. А. Полторацкий, А. Д. Хаютин. М. : Наука, 1969. 704 с.
7. Соединенные Штаты Америки : Конституция и законодательные акты / под ред. О. А. Жидкова. М. : Прогресс, Универс, 1993. 768 с.
8. Лапаева В. В. Типы правового понимания : правовая теория и практика. М. : Российская академия правосудия, 2012. 580 с.
9. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) 10 декабря 1948 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Алекси Р. Понятие и действительность права (ответ юридическому позитивизму) / под ред. А. Н. Лаптева. М. ; Берлин : Инфотропик Медиа, 2011. 174 с. (Германская юридическая литература: современный подход : серия ; кн. 1).
11. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Пацек М. Естественное право и кризис либерального правопорядка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. Т. 10, вып. 1. С. 38–54. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.103>
12. Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека : учеб. пособие. СПб. : Лексикон, 2001. 96 с.
13. Bentham J. A Fragment on Government / eds. J. H. Burns, H. L. A. Hart. Cambridge ; New York : Cambridge University Press, 1988. 128 p.
14. Алекси Р. Дуальная природа права // Правоведение. 2010. № 2. С. 138–152.
15. Мухина Т. А. Проблема соотношения естественного и позитивного права : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2005. 25 с.
16. Луковская Д. И. Понятие прав человека : многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. 2007. № 12. С. 32–36.
17. Bifulco D., Golia A. Jr. The Right of Resistance as a State Law Basis for Transnational Regimes' Self-contestation // Journal of Law and Society. 2018. Vol. 45, iss. 1. P. 94–113. <https://doi.org/10.1111/jols.12105>
18. Речицкий В. В. Эссе о политике. URL: <http://library.khpg.org/index.php?id=1080686571> (дата обращения: 19.01.2022).
19. Погребняк С. П., Уварова Е. А. Сопротивление угнетению. Восстание. Революция (теоретико-правовой анализ в свете доктрины прав человека). URL: <http://lcslaw.knu.ua/index.php/arkhiv-nomeriv/2-3-2013/item/102-soprotivlenie-ugneteniyu-vosstanie-revolutsiya-teoretiko-pravovoj-analiz-v-svete-doktriny-prav-cheloveka-pogrebnyak-s-p-uvarova-e-a> (дата обращения: 19.01.2022).
20. Зиммель Г. Конфликт современной культуры // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 1. Философия культуры / под ред. Л. В. Скворцова. М. : Юрист, 1996. 672 с.
21. Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования // Зиммель Г. Избранное : в 2 т. Т. 2. Созерцание жизни / под ред. Л. В. Скворцова. М. : Юрист, 1996. 608 с.
22. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Изд. 2-е. Т. 4. М. : Политиздат, 1955. С. 419–459.
23. Энгельс Ф. Коммунисты и Карл Гейнцен // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения : в 30 т. Изд. 2-е. Т. 4. М. : Политиздат, 1955. С. 268–285.
24. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142–147.
25. Дарендорф Р. Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы / пер. Л. Ю. Панфиной. М. : РОССПЭН, 2002. 286 с.
26. Спиридонов Л. И. Теория государства и права. М. : ПБОЮЛ Захаров М. А., 2001. 304 с.
27. Основной закон ФРГ 1949 г. // Конституции зарубежных государств : Великобритания, Франция, Германия, Италия, Соединенные Штаты Америки, Япония, Бразилия : учеб. пособие / под ред. В. В. Маклакова. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 153–248.
28. Конституция Чада 1996 г. // Конституции государств (стран) мира) : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=246> (дата обращения: 19.01.2022).
29. Конституция Греции 1975 г. // Конституции государств (стран) мира) : Библиотека конституций Пашкова Романа. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=153> (дата обращения: 19.01.2022).
30. Политическая Конституция Перу 1993 г. // Российский правовой портал : Библиотека Пашкова. URL: <https://constitutions.ru/?p=8121> (дата обращения: 19.01.2022).

References

1. Krasinskij V. V. On the people's right to revolt. *Voenno-yuridicheskij zhurnal*, 2006, no. 4, pp. 21–23 (in Russian).
2. Ivanov N. D. The evolution of the right to resist oppression in the classical Western legal tradition. In: *Vox Juris*. St. Petersburg, LEMA Publ., 2019, pp. 210–214 (in Russian).
3. Strogov N. D. The idea of the right of resistance to oppression in the Eastern political, legal and religious thought. *Izvestiya of Saratov University. Economics*.

- Management. Law*, 2021, vol. 21, iss. 1, pp. 106–114 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2021-21-1-106-114>
4. Surzyn J. Tyrant and His Power According to John of Salisbury. *Horyzons Politics*, 2020, vol. 10, no. 33, pp. 49–59. <https://doi.org/10.35765/HP.2019.1033.03>
 5. Medvedev I. P., Rutenburg V., Mazhuga V. *Politicheskie struktury epokhi feodalizma v Zapadnoy Evrope (VI–XVII vv.)* [Political Structures of the Epoch of Feudalism in Western Europe (VI–XVII centuries)]. Leningrad, Nauka Publ., 1990. 248 p. (in Russian).
 6. Rousseau J.-J. *Traktaty* [Ecrits Politiques]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 704 p. (in Russian).
 7. Zhidkov O. A. (ed.) *Soedinennye Shtaty Ameriki: Konstituciya i zakonodatel'nye akty* [United States of America: Constitution and Statutes]. Moscow, Progress Publ., Univers Publ., 1993. 768 p. (in Russian).
 8. Lapaeva V. V. *Tipy pravoponimaniya: pravovaya teoriya i praktika* [Types of Legal Understanding: Legal Theory and Practice]. Moscow, Russian Academy of Justice Publ., 2012. 580 p. (in Russian).
 9. Universal Declaration of Human Rights (adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) on December 10, 1948). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 10. Aleksey R. *Begriff und Geltung des Rechts*. Munchen, Alber, 2005. 240 S. (Russ. ed.: Moscow, Berlin, Infotropik Media, 2011. 174 p.).
 11. Kirilenko V. P., Alekseev G. V., Patsek M. Natural law and the crisis of liberal legal order. *Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2019, vol. 10, iss. 1, pp. 38–54 (in Russian). <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.103>
 12. Rasskazov L. P., Uporov I. V. *Estestvennye prava cheloveka* [Natural Human Rights]. St. Petersburg, Leksikon Publ., 2001. 96 p. (in Russian).
 13. Bentham J. *A Fragment on Government* / eds. J. H. Burns, H. L. A. Hart. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1988. 128 p.
 14. Aleksey R. Dual nature of law. *Pravovedenie*, 2010, no. 2, pp. 138–152 (in Russian).
 15. Muhina T. A. *The Problem of the Relationship Between Natural and Positive Law*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Chelyabinsk, 2005. 25 p. (in Russian).
 16. Lukovskaya D. I. The concept of human rights: A variety of approaches. The problem of the universality of human rights. *History of State and Law*, 2007, no. 12, pp. 32–36 (in Russian).
 17. Bifulco D., Golia A. Jr. The Right of Resistance as a State Law Basis for Transnational Regimes' Self-contestation. *Journal of Law and Society*, 2018, vol. 45, iss. 1, pp. 94–113. <https://doi.org/10.1111/jols.12105>
 18. Rechitsky V. V. *Esse o politike* (Essay on politics). Available at: <http://library.khpg.org/index.php?id=1080686571> (accessed 19 January 2022) (in Russian).
 19. Pogrebnyak S. P., Uvarova E. A. *Soprotivlenie ugneteniyu. Vosstanie. Revolyutsiya (teoretiko-pravovoy analiz v svete doktriny prav cheloveka)* (Resistance to oppression. Insurrection. Revolution (Theoretical and legal analysis in the light of the doctrine of human rights)). Available at: <http://lcslaw.knu.ua/index.php/arkhiv-meriv/2-3-2013/item/102-soprotivlenie-ugneteniyu-vosstanie-revolyutsiya-teoretiko-pravovoj-analiz-v-svete-doktriny-prav-cheloveka-pogrebnyak-s-p-uvarova-a> (accessed 19 January 2022) (in Russian).
 20. Zimmel G. The conflict of modern culture. In: Zimmel G. *Izbrannoe: v 2 t. T. 1. Filosofiya kul'tury* [Selected Works: in 2 vols. Vol. 1. Philosophy of culture]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 672 p. (in Russian).
 21. Zimmel G. Social differentiation. Sociological and psychological research. In: Zimmel G. *Izbrannoe: v 2 t. T. 2. Sozertsanie zhizni* [Selected Works: in 2 vols. Vol. 2. Contemplation of Life]. Moscow, Yurist Publ., 1996. 608 p. (in Russian).
 22. Marx K., Engels F. Communist Manifesto. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 30 t.* [Works: in 30 vols.]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow, Politizdat, 1955, pp. 419–459 (in Russian).
 23. Engels F. Communists and Karl Heinzen. In: Marx K., Engels F. *Sochineniya: v 30 t.* [Works: in 30 vols.]. 2nd ed. Vol. 4. Moscow, Politizdat, 1955, pp. 268–285 (in Russian).
 24. Darendorf R. Elements of the theory of social conflict. *Sotsiologicheskie issledovaniia* [Sociological Studies]. 1994, no. 5, pp. 142–147 (in Russian).
 25. Darendorf R. *Sovremennyi sotsial'nyi konflikt. Ocherk politiki svobody* [Contemporary Social Conflict. Essay on the Politics of Freedom / transl. L. Yu. Pantina]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2002. 286 p. (in Russian).
 26. Spiridonova L. I. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of Government and Rights]. Moscow, PBOYUL Zaharov M. A., 2001. 304 p. (in Russian).
 27. Basic Law of the Federal Republic of Germany 1949. In: Maklakov V. V. (ed.) *Konstitutsii zarubezhnykh gosudarstv: Velikobritaniya, Frantsiya, Germaniya, Italiya, Soedinennye Shtaty Ameriki, Yaponiya, Braziliya* [Constitutions of foreign states: United Kingdom, France, Germany, Italy, United States of America, Japan, Brazil]. Moscow, Wolters Kluwer Publ., 2010, pp. 153–248 (in Russian).
 28. Constitution of Chad 1996. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world): Pashkov Roman's Library of Constitutions). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=246> (accessed 19 January 2022) (in Russian).
 29. 1975 Greek Constitution. *Konstitutsii gosudarstv (stran) mira: Biblioteka konstitutsiy Pashkova Romana* (Constitutions of states (countries) of the world): Pashkov Roman's Library of Constitutions). Available at: <https://worldconstitutions.ru/?p=153> (accessed 19 January 2022) (in Russian).
 30. Political Constitution of Peru of 1993. *Rossiyskiy pravovoy portal: Biblioteka Pashkova* (Russian Legal Portal: Pashkov Library). Available at: <https://constitutions.ru/?p=8121> (accessed 19 January 2022) (in Russian).

Поступила в редакцию 20.01.2022; одобрена после рецензирования 16.02.2022; принята к публикации 18.02.2022
The article was submitted 20.01.2022; approved after reviewing 16.02.2022; accepted for publication 18.02.2022

Научная статья
УДК 342.9

Проблема разграничения компетенции федеральных и региональных органов государственного экологического контроля (надзора)

Е. В. Младенова

Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410031, г. Саратов, ул. Соборная, д. 23/25

Младенова Елизавета Вячеславовна, аспирант кафедры служебного и трудового права, fairy_119@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0244-4153>

Аннотация. Введение. Статья посвящена проблеме разграничения компетенции по проведению контрольно-надзорных мероприятий по вертикали – между федеральными и региональными органами исполнительной власти, реализующими функцию экологического контроля (надзора). **Теоретический анализ.** Разграничение полномочий федеральных и региональных органов власти в сфере государственного экологического контроля (надзора) является достаточно размытым. Передача большого объема таких полномочий привела к усложнению системы государственного экологического контроля (надзора). Объекты регионального государственного экологического надзора определяются по остаточному принципу без обязательного закрепления их перечня. При этом в законодательстве не предусмотрена возможность передачи осуществления полномочий региональных органов исполнительной власти в сфере охраны окружающей среды федеральным органам. **Эмпирический анализ.** На практике нередко имеет место дублирование контрольно-надзорных полномочий в экологической сфере между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, что негативно влияет на эффективность их деятельности. В субъектах РФ отсутствуют специализированные органы, осуществляющие реализацию переданных Российской Федерацией полномочий. **Результаты.** Сделан вывод об отсутствии эффективного взаимодействия органов экологического контроля (надзора) на всех уровнях государственной власти в силу недостаточной урегулированности данного вопроса в законодательстве. С целью устранения правовых коллизий, упрощения взаимодействия между субъектами обосновывается необходимость: принятия федерального закона «Об экологическом контроле (надзоре)»; разработки и принятия административного регламента взаимодействия федерального и региональных органов экологического контроля (надзора); заключения соглашений об «обратном делегировании» полномочий от органов исполнительной власти субъектов РФ федеральным органам государственного экологического контроля (надзора).

Ключевые слова: компетенция, государственное управление, экологический контроль (надзор), передача полномочий, федеральные органы экологического контроля (надзора), региональные органы экологического контроля (надзора), охрана окружающей среды, контрольно-надзорная деятельность

Для цитирования: Младенова Е. В. Проблема разграничения компетенции федеральных и региональных органов государственного экологического контроля (надзора) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 346–352. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-346-352>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The problem of differentiation of the competence of the federal and regional authorities of the state environmental control (supervision)

E. V. Mladenova

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 23/25, bld. 1 Sobornaya St., Saratov 410031, Russia

Elizaveta V. Mladenova, postgraduate student of the department of the office and labor law, fairy_119@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0244-4153>

Abstract. Introduction. The article is devoted to the problem of delimitation of competence for carrying out control and supervisory activities vertically – between federal and regional executive authorities that implement the function of environmental control (supervision). **Theoretical analysis.** The delimitation of the powers of federal and regional authorities in the field of state environmental control (supervision) is rather vague. The transfer of a large amount of such powers has led to the complication of the system of state environmental control (supervision). The objects of regional state environmental supervision are determined according to the residual principle without the mandatory fixing their list. At the same time, the legislation does not provide for the possibility of transferring the powers of regional executive authorities in the field

of environmental protection to federal authorities. **Empirical analysis.** In practice, there is often duplication of control and supervision powers in the environmental sphere between federal executive authorities and executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation, as well as local governments, which negatively affects their performance. In the constituent entities of the Russian Federation there are no specialized bodies exercising the implementation of the powers transferred by the Russian Federation. **Results.** It is concluded that there is no effective interaction between environmental control (supervision) bodies at all levels of government due to insufficient regulation of this issue in the legislation. In order to eliminate legal conflicts, simplify the interaction between subjects, the article substantiates the necessity of adoption of the Federal Law "On Environmental Control (Supervision)"; development and adoption of administrative regulations for the interaction of federal and regional environmental control (supervision) bodies; conclusion of agreements on the "reverse delegation" of powers from the executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation to the federal bodies of state environmental control (supervision).

Keywords: competence, public administration, environmental control (supervision), transfer of powers, federal environmental control (supervision) authorities, regional environmental control (supervision) authorities, environmental protection, control and supervision activities

For citation: Mladenova E. V. The problem of differentiation of the competence of the federal and regional authorities of the state environmental control (supervision). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 346–352 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-346-352>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

В научной литературе термин «компетенция» определяется как «возложенный законно на уполномоченный субъект объем публичных дел» [1, с. 56]. Применительно к экологическому контролю (надзору) одним из направлений исследования является разграничение компетенции по проведению контрольно-надзорных мероприятий по вертикали – между федеральными и региональными органами исполнительной власти, реализующими функцию экологического контроля (надзора). Обозначенный вопрос является производным от нормативного разграничения предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ. Согласно Конституции РФ, охрана окружающей среды и обеспечение экологической безопасности, особо охраняемые природные территории отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ (п. «д» ст. 72) [2].

Теоретический анализ

Вместе с тем в научной литературе обращается внимание на то, что разграничение полномочий федеральных и региональных органов власти в сфере государственного экологического контроля (надзора) является достаточно размытым [3, с. 22]. Согласно ст. 5 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) «Об охране окружающей среды» [4], осуществление федерального государственного экологического надзора относится к полномочиям органов государственной власти Российской Федерации в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды. Данный вид надзора проводится при осуществлении хозяйственной и иной деятельности с использованием объектов, находящихся в соответствии с законодательством РФ в ведении Российской Федерации,

и объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду. При этом Правительство РФ устанавливает критерии определения объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому контролю (надзору) (п. 8 Положения «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)», утв. Постановлением Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1096) [5]. Субъектами Российской Федерации осуществляется региональный государственный экологический контроль (надзор) при ведении хозяйственной и иной деятельности, за исключением деятельности с использованием объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору.

Исходя из разграничений полномочий в данной сфере по вертикали, объекты экологического контроля могут быть разделены на две группы: 1) подконтрольные территориальным органам федеральных органов исполнительной власти; 2) подконтрольные органам исполнительной власти субъектов Федерации [6, с. 12]. Объекты государственного экологического контроля (надзора) каждого уровня определены в соответствующих перечнях (реестрах), формируемых на основании критериев, установленных Правительством РФ.

Так, высшим органом исполнительной власти в отношении водных объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, определены критерии их отнесения к объектам I, II, III и IV категорий и соответственно к федеральному и региональному надзору (Постановления Правительства РФ от 23.09.2020 № 1521; от 31.12.2020 № 2398), а также соответствующие перечни: Перечень объектов, подлежащих федеральному государственному надзору в области использования и охраны водных объектов (Приказ Минприроды России от 09.11.2020 № 906), Государственный реестр объектов, оказывающих негативное

воздействие на окружающую среду и др. В результате уровень поднадзорности определяется для объектов, а не для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей в целом.

В настоящее время объекты регионального государственного экологического надзора определяются по остаточному принципу без обязательного закрепления их перечня. При этом фактическое отнесение объекта хозяйственной и иной деятельности к определенному уровню государственного экологического надзора определяется при постановке такого объекта на государственный учет с последующей актуализацией сведений государственного учета [7]. Представляется необходимым обязательное установление органами исполнительной власти субъектов Федерации списка объектов, подлежащих экологическому контролю (надзору), что позволит исключить возможность подконтрольности одного и того же объекта несколькими уровнями экологического контроля (надзора).

Следует отметить, что на основании ст. 5.1 Федерального закона «Об охране окружающей среды» [4] предусмотрена возможность передачи осуществления полномочий федеральных органов исполнительной власти в сфере отношений, связанных с охраной окружающей среды, органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Так, подобные соглашения заключены между Федеральной службой по надзору в сфере природопользования и Правительством Москвы, между Федеральной службой по надзору в сфере природопользования и Советом министров Республики Крым.

Передачи большого объема таких полномочий привела к усложнению системы государственного экологического контроля (надзора), что потребовало нормативно-правовой регламентации контроля за реализацией переданных Российской Федерацией регионам полномочий (Приказ Минприроды России от 01.12.2020 № 994). Аналогичную норму содержат и отдельные законы, регламентирующие охрану иных компонентов окружающей среды (Водный кодекс Российской Федерации, Федеральный закон «Об охране атмосферного воздуха» и др.).

В связи с этим следует отметить непоследовательность законодателя, установившего нормы, в силу которых отдельные законодательные акты в области охраны окружающей среды со-

держат положения, требующие от субъектов РФ согласования с уполномоченным федеральным органом исполнительной власти назначения на должность и освобождения от должности руководителя органа исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющего переданные полномочия (ст. 83 Лесного кодекса РФ) [8], другие такого согласования не требуют (ст. 26 Водного кодекса) [9]. В отдельных актах вообще не устанавливаются специальные требования, связанных с передачей названных полномочий (ст. 5.1 Федерального закона «Об охране атмосферного воздуха») [10].

В то же время в научной литературе обращается внимание на то, что альтернативным способом решения проблемы разграничения полномочий при осуществлении государственного экологического контроля (надзора) по вертикали могло бы стать заключение соглашений о передаче соответствующих полномочий органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации территориальным органам федеральных органов исполнительной власти в области охраны окружающей среды за счет средств региональных бюджетов [11, с. 8–9], учитывая, что Конституция РФ (ч. 3 ст. 78) [2], а также Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъекта РФ» (ст. 26.8) [12] допускает «обратное делегирование полномочий». В этой связи акты природоохранного законодательства, не допускающие такого делегирования органами исполнительной власти субъектов РФ, могут быть оспорены в Конституционном Суде РФ (ст. 26 Водного кодекса РФ) [9]. Следует иметь в виду возможность самих субъектов РФ отказаться от исполнения делегированных им полномочий в случае, если их реализация не будет обеспечена субвенциями, предоставляемыми из федерального бюджета [13].

Вместе с тем потребуется на федеральном уровне регламентировать порядок реализации органами, уполномоченными на осуществление экологического контроля (надзора) субъектов Российской Федерации, контроля за осуществлением переданных полномочий.

Эмпирический анализ

Необходимо признать, что на практике нередко имеет место дублирование контрольно-надзорных полномочий в экологической сфере между федеральными органами исполнительной власти и органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также органами местного самоуправления, что негативно влияет

на эффективность их деятельности. Так, пересекаются контрольно-надзорные полномочия федеральных и региональных органов исполнительной власти в области обращения с отходами.

Вопрос обращения с отходами на сегодняшний день является одним из ключевых в экологическом надзоре, в решении которого принимают участие и федеральные, и региональные органы экологического контроля (надзора). Следует отметить, что вплоть до 2018 г., уполномоченные государственные органы субъектов Российской Федерации занимались разработкой и утверждением территориальных схем обращения с отходами, при этом их утверждение осуществлялось Росприроднадзором через его территориальные органы.

На сегодняшний день проблема обращения с отходами все еще не решена, а несанкционированные свалки угрожают не только экологической безопасности отдельных регионов, но и страны в целом. Выходом из данной ситуации могла бы стать новая система размещения отходов, при которой все потоки отходов будут приведены в «единые руки». При этом на территории каждого субъекта РФ целесообразно определить единого оператора обращения с твердыми коммунальными отходами, а также увеличить количество мусоросжигающих заводов. На сегодня их в России всего три (два – на территории Московской области, один – в Республике Татарстан) [3, с. 23].

Анализируя виды органов исполнительной власти, уполномоченных на осуществление экологического контроля (надзора), следует отметить, что, несмотря на нормативную конкретизацию, в соответствии с которой на федеральном уровне к органам экологического контроля (надзора) относится только Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), фактически полномочиями в данной области наделены и другие федеральные органы исполнительной власти: Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды; Федеральное агентство лесного хозяйства; Федеральная служба по экологическому, технологическому и атомному надзору; Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии; Федеральное агентство по управлению государственным имуществом; Федеральная служба по ветеринарному и фитосанитарному надзору; Федеральное агентство по рыболовству; Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека.

В субъектах РФ отсутствуют специализированные органы, осуществляющие реализацию

переданных Российской Федерацией полномочий – функциями в области экологического контроля (надзора) наделяются органы исполнительной власти в области природных ресурсов и экологии. В Саратовском регионе таким органом является областное Министерство природных ресурсов и экологии, наделенное полномочиями регионального государственного экологического надзора при осуществлении хозяйственной и иной деятельности, за исключением деятельности с использованием объектов, подлежащих федеральному государственному экологическому надзору (пп. 2 п. 13.1 Постановления Правительства Саратовской области от 08.10.2013 № 537-П (ред. от 13.05.2022)) [14].

В связи с последними изменениями в ст. 65 Федерального закона «Об охране окружающей среды», упразднившими деление экологического контроля (надзора) на отдельные его виды, наряду с экологическим контролем (надзором), за данным региональным министерством закрепляются полномочия по осуществлению: регионального государственного геологического контроля (надзора); регионального государственного контроля (надзора) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий (пп. 2.1 и 2.2).

Необходимо отметить, что вплоть до 20 марта 2021 г. – даты начала действия редакции Федерального закона от 11.06.2021 № 170-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» – законодательно в ст. 65 Федерального закона «Об охране окружающей среды» были установлены 15 видов экологического контроля (надзора). В настоящее время ранее действовавшая система государственного экологического надзора существенно изменена – из ст. 65 названного основного природоохранного Закона исключены положения об имевшихся видах государственного экологического надзора, а соблюдение обязательных требований в области охраны окружающей среды осуществляется в рамках экологического контроля (надзора) без выделения его отдельных видов.

Учитывая положения п. 8 ст. 1 Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ (ред. от 06.12.2021) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [15], в соответствии с которыми виды федерального и регионального государственного контроля (надзора) по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Федерации устанавливаются федеральными

законами, произошло нормативное сужение содержания понятия «экологический контроль (надзор)». Кроме того, предполагается принятие федерального закона «Об экологическом контроле (надзоре) в Российской Федерации». Вероятно, законодатель пошел по пути признания самостоятельными видами контроля (надзора) ранее относящиеся в видам экологического контроля (надзора), а именно: государственный надзор за геологическим изучением, рациональным использованием и охраной недр; государственный лесной надзор; федеральный государственный надзор в области охраны, воспроизводства и использования объектов животного мира и среды их обитания; федеральный государственный контроль (надзор) в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов; федеральный государственный охотничий надзор; государственный надзор в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий, что уже нашло отражение в нормативной базе отдельных субъектов Российской Федерации.

Примечательно, что вице-премьером Дмитрием Григоренко было поручено Минэкономике рассмотреть возможность «объединения в рамках одного государственного экологического контроля (надзора) нескольких существующих самостоятельно видов контроля (надзора)» и представить обоснование такой перспективы в Правительство РФ и в Государственную Думу Российской Федерации [16].

Результаты

Учитывая легальное определение термина «контроль в области охраны окружающей среды (экологический контроль)», целевым предназначением которого является обеспечение соблюдения обязательных требований в области охраны окружающей среды, все виды государственного контроля (надзора), связанные с отдельными компонентами природной среды, природными объектами и природными комплексами, должны охватываться понятием «экологический контроль (надзор)». При этом в природоохранном законодательстве достаточно установить бланкетные нормы на особенности их нормативного обеспечения.

Развитие законодательства о государственном контроле (надзоре) положительно сказалось на создании нормативной базы, регламентирующей осуществление контрольно-надзорной деятельности в регионах. Если на федеральном уровне порядок проведения федерального экологического надзора регламентируется положением о нем, то для регионального государственного экологического контроля (надзора) – соответ-

ствующим положением, утверждаемым высшим исполнительным органом государственной власти субъекта Российской Федерации.

Учитывая, что положения о видах регионального надзора, в том числе об экологическом, должны были быть утверждены до 1 января 2022 г., в настоящее время подобные акты регламентного характера приняты во всех субъектах Российской Федерации. Так, в Саратовской области, порядок осуществления регионального государственного экологического контроля (надзора) регламентируется Постановлением Правительства Саратовской области от 09.12.2021 № 1075-П «Об утверждении Положения о региональном государственном экологическом контроле (надзоре)».

Вместе с тем требуется нормативное обеспечение взаимодействия контрольно-надзорных органов федерального и регионального уровней государственной власти посредством принятия соответствующих административных регламентов. Для этого, как мы уже указывали, должны быть установлены перечни объектов не только федерального экологического контроля (надзора), но и регионального.

Следует отметить, что в юридической литературе обосновывается необходимость расширения предметов ведения субъектов РФ при осуществлении экологического контроля (надзора). Речь, в частности, идет о земельном надзоре, осуществляемом в отношении земель, находящихся в собственности субъекта РФ [17].

Подводя итог, следует признать отсутствие эффективного взаимодействия органов экологического контроля (надзора) на всех уровнях власти в силу недостаточной урегулированности данного вопроса в законодательстве. Это, в свою очередь, не позволяет добиться полного контроля общества и государства над экологической ситуацией, что может привести к серьезным, даже катастрофическим последствиям для окружающей среды.

Полагаем, что принятие федерального закона «Об экологическом контроле (надзоре)» позволит разрешить правовые коллизии в этой области, решить проблемы разграничения полномочий в области экологического контроля (надзора), упростить взаимодействие его субъектов. Кроме того, представляется необходимым разработка и принятие административного регламента взаимодействия федерального и региональных органов экологического контроля (надзора); нормативное закрепление возможности заключения соглашений об «обратном делегировании» полномочий в области государственного экологического контроля (надзора).

Список литературы

1. Тихомиров Ю. А. Административное право и процесс. Полный курс. М. : Изд-во Тихомиров М. Ю., 2001. 652 с.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
3. Негодаева Е. Г. Федеральный и региональный экологический надзор на примере Ростовской области : вопросы теории и практики // Юрист-Правоведъ. 2021. № 2 (97). С. 21–25.
4. Об охране окружающей среды : федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ (в ред. от 26.03.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2002. № 2, ст. 133 ; 2022. № 13, ст. 1960.
5. О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре) : постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1096 (ред. от 26.02.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 28 (ч. 1), ст. 5526 ; 2022. № 10, ст. 1497.
6. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Региональный государственный контроль (надзор) в контексте правовой политики Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 4. С. 9–19.
7. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» / отв. ред. Н. И. Хлуденева. М. : ООО «Юридическая фирма Контракт», 2018. 528 с.
8. Лесной кодекс Российской Федерации от 04.12.2006 № 200-ФЗ (ред. от 30.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 50, ст. 5278 ; 2022. № 1 (ч. 1), ст. 14.
9. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ (ред. от 01.05.2022) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 23, ст. 2381 ; 2022. № 18, ст. 3008.
10. Об охране атмосферного воздуха : федер. закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ (ред. от 11.06.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 18, ст. 2222 ; 2021. № 24 (ч. 1), ст. 4188.
11. Ганюхина О. Ю. Правовое регулирование экологического контроля в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 29 с.
12. Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации : федер. закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ (ред. от 21.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1999. № 42, ст. 5005 ; 2021. № 52 (ч. 1), ст. 8973.
13. Навасардова Э. С. О делегированных полномочиях в области охраны окружающей среды и природопользования // Административное право и процесс. 2007. № 5. С. 40–43.
14. Вопросы министерства природных ресурсов и экологии Саратовской области : постановление Правительства Саратовской области от 08.10.2013 № 537-П (ред. от 13.05.2022) // Собр. законодательства Саратовской области. 2013. № 41.
15. О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 06.12.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. 1), ст. 5007 ; 2021. № 50 (ч. III), ст. 8415.
16. Министерство экономического развития рассмотрит реформу по объединению всех видов экологического надзора в единый. URL: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/02/04/111170> (дата обращения: 15.01.2022).
17. Бутылина Е. В. Земельный надзор и контроль : автореф. ... дис. канд. юрид. наук. М., 2016. 27 с.

References

1. Tikhomirov Yu. A. *Administrativnoye pravo i protsess. Polnyy kurs* [Administrative Law and Process. Full Course]. Moscow, Izd-vo Tikhomirov M. Yu., 2001. 652 p. (in Russian).
2. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
3. Negodaeva E. G. Federal and regional environmental supervision on the example of the Rostov region: Questions of theory and practice. *Yurist-Pravoved*, 2021, no. 2 (97), pp. 21–25 (in Russian).
4. On Environmental Protection. Federal Law 7-FZ of 10.01.2002 (an edition of 26.03.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2002, no. 2, art. 133; 2022, no. 13, art. 1960 (in Russian).
5. On federal state environmental control (supervision). Decree of the Government of the Russian Federation no. 1096 of 30.06.2021 (an edition of 26.02.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2021, no. 28 (pt. 1), art. 5526; 2022, no. 10, art. 1497 (in Russian).
6. Sokolov A. Yu., Lakaev O. A. Regional state control (supervision) in the context of the legal policy of the Russian Federation. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2020, no. 4, pp. 9–19 (in Russian).
7. Khludeneva N. I. (ed.) *Nauchno-prakticheskiy kommentariy k Federal'nomu zakonu ot 10 yanvarya 2002 g. № 7-FZ «Ob okhrane okruzhayushchey sredy»* [Commentaries on Russian Federal Law 7-FZ “On Environmental Protection” of January 10, 2002]. Moscow, Law Firm Kontrakt LLC, 2018. 528 p. (in Russian).
8. Forest Code of the Russian Federation 200-FZ of 4.12.2006 (an edition of 30.12.2021). *Sobranie*

- zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 50, art. 5278; 2022, no. 1 (pt. I), art. 14 (in Russian).
9. Water Code of the Russian Federation 74-FZ of 3.06.2006 (an edition of 1.05.2022). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2006, no. 23, art. 2381; 2022, no. 18, art. 3008 (in Russian).
 10. On the Protection of Atmospheric Air. Federal Law 96-FZ of 4.05.1999 (an edition of 11.06.2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 18, art. 2222; 2021, no. 24 (pt. I), art. 4188.8 (in Russian).
 11. Ganyukhina O. Yu. *Legal Regulation of Environmental Control in the Russian Federation*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Saratov, 2007. 29 p. (in Russian).
 12. On the General Principles of Organization of Legislative (Representative) and Executive Bodies of State Power of the Subjects of the Russian Federation. Federal Law 184-FZ of 6.10.1999 (an edition of 21.12.2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 1999, no. 42, art. 5005; 2021, no. 52 (pt. I), art. 8973 (in Russian).
 13. Navasardova E. S. On delegated powers in the field of environmental protection and nature management. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative Law and Process], 2007, no. 5, pp. 40–43 (in Russian).
 14. Issues of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Saratov Region. Decree of the Government of the Saratov Region no. 537-P of 8.10.2013 (an edition of 13.05.2022). *Sobranie zakonodatel'stva Saratovskoy oblasti* [Collection of Laws of the Saratov region], 2013, no. 41 (in Russian).
 15. On state control (supervision) and municipal control in the Russian Federation. Federal Law 248-FZ of 31.07.2020 (an edition of 06.12.2021). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2020, no. 31 (pt. I), art. 5007; 2021, no. 50 (pt. III), art. 8415 (in Russian).
 16. *Ministerstvo ekonomicheskogo razvitiya rassmotrit reformu po ob#edineniyu vseh vidov ekologicheskogo nadzora v edinyi* (The Ministry of Economic Development will consider a reform to consolidate all types of environmental supervision into a single one). Available at: <https://www.atomic-energy.ru/news/2021/02/04/111170> (accessed 15 January 2022) (in Russian).
 17. Butylina E. V. *Land Supervision and Control*. Thesis Diss. Cand. Sci. (Jur.). Moscow, 2016. 27 p. (in Russian).

Поступила в редакцию 24.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 14.03.2022
The article was submitted 24.02.2022; approved after reviewing 10.03.2022; accepted for publication 14.03.2022

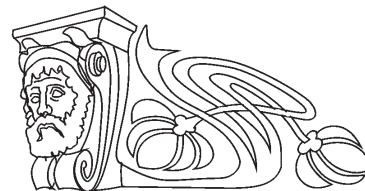

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 353–360
Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 353–360
<https://eup.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-353-360>

Научная статья
УДК 342.417

Конституционное регулирование экономической политики в странах Содружества Независимых Государств (СНГ)

О. А. Мандрыченко

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Московская, д. 164

Мандрыченко Оксана Александровна, аспирант кафедры конституционного и международного права, low777@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7347-5459>

Аннотация. Введение. Экономическая политика является одной из важнейших составных частей внешней и внутренней политики. Конституционные основы экономики страны закладывают правовую базу организации экономической деятельности. **Теоретический анализ.** Экономической политикой определяют законную деятельность государственных органов, направленную на достижение благосостояния государства и общества и установление стабильного экономического роста, проводимую в соответствии с конституционными экономическими принципами. **Эмпирический анализ.** Конституционное регулирование экономической политики осуществляется посредством закрепления основ, принципов экономической деятельности и системы органов власти с установлением их конституционного статуса, целей, четкого разграничения полномочий и методов взаимодействия между собой при формировании и реализации экономической политики. В статье приведен анализ конституционных основ экономической политики и исследована практика конституционного реформирования в целях повышения эффективности проведения экономической политики. **Результаты.** Сформулированы проблемы конституционного регулирования экономической политики стран СНГ и выражены предложения по их решению.

Ключевые слова: экономические основы, принципы, экономическая политика, СНГ, Государственный Совет РФ, Всебелорусское народное собрание

Для цитирования: Мандрыченко О. А. Конституционное регулирование экономической политики в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22, вып. 3. С. 353–360. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-353-360>

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Constitutional regulation of economic policy in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS)

O. A. Mandrychenko

Stolypin Volga Region Institute of Administration of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 164 Moskovskaya St., Saratov 410012, Russia

Oksana A. Mandrychenko, low777@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7347-5459>

Abstract. Introduction. Economic policy is one of the most important components of foreign and domestic policy. The constitutional foundations of the country's economy create the legal basis for the organization of economic activity. **Theoretical analysis.** Economic policy is defined as the legitimate activities of state bodies aimed at achieving the welfare of the state and society and establishing stable economic growth, carried out in accordance with the constitutional principles of the economic system. **Empirical analysis.** Constitutional regulation of economic policy is implemented by consolidating the foundations, principles of economic activity and the system of government bodies with the establishment of their constitutional status, goals, a clear division of powers and methods of interaction between each other in the formation and implementation of economic policy. The article presents their analysis and examines the practice of constitutional reform in order to improve the effectiveness of economic policy. **Results.** The problems of constitutional regulation of the economic policy of the CIS countries are formulated and proposals for their solution are expressed.

Keywords: economic fundamentals, principles, economic policy, CIS, State Council, All-Belarusian People's Assembly

For citation: Mandrychenko O. A. Constitutional regulation of economic policy in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). *Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2022, vol. 22, iss. 3, pp. 353–360 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2022-22-3-353-360>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Советские конституции придавали большое значение содержанию норм, регулирующих экономическую сферу государства и общества, отрицая при этом право частной собственности и свободу экономической деятельности. Современные демократические конституции республик в большей части регулируют политико-правовые отношения, а экономическим основам конституционного строя отведена совсем небольшая роль.

Нестабильность внешнеполитических и внешнеэкономических отношений, санкции ударили по экономикам не только России и Беларуси, но и всех постсоветских республик. Страны много лет шли по пути глобализации и минимального государственного вмешательства в экономику, теперь пришло время активного регулирования рынка в целях развития внутреннего производства и импортозамещения. Установленные конституциями республик механизмы определения и реализации экономической политики будут малоэффективны в будущем.

Теоретический анализ

Понятие «экономическая политика» не имеет юридического закрепления, в нормативных актах встречаются определения государственной политики лишь отдельных отраслей экономики. Судебные органы также определяют экономическую политику применительно к конкретному виду экономической деятельности. Так, Верховный Суд РФ, давая разъяснения о практике применения законодательства, регламентирующего уголовную ответственность за преступления в сфере предпринимательской деятельности, указывает, что экономическая политика – это деятельность государства, направленная на создание и поддержание в стране благоприятного делового, предпринимательского климата [1].

Представители науки рассматривают различные аспекты экономической политики, ее природы и основных характеристик. Ф. Ф. Рыбаков определяет экономическую политику как деятельность государства по созданию «правил игры» для хозяйствующих субъектов, координации хозяйственного развития и выделяет активную и пассивную политику в зависимости от ее содержания, т. е. от степени вмешательства государства в осуществление экономических процессов [2, с. 17–18]. Экономическую политику как государственную деятельность, направленную на достижение общественного благосостояния, максимальной занятости населения и нулевой инфляции, определяет Э. В. Рогатенюк [3, с. 41]. Поддержание высокого и устойчивого уровня экономического роста и занятости населения

определяет целью экономической политики и Г. Н. Комкова, а в качестве основы экономической политики рассматривает деятельность государственных органов, направленную на минимизацию отрицательного воздействия внешних обстоятельств на обеспечение стабильности экономического строя страны [4].

Итак, мы выяснили, что экономическая политика – это законная деятельность государственных органов, направленная на достижение благосостояния государства и общества и установление стабильного экономического роста, проводимая в соответствии с конституционными принципами экономического строя. Более подробно экономическая политика определяется в своих подвидах или элементах. Ф. Ф. Рыбаков выделяет две подсистемы единой экономической политики: функциональную (налоговая, финансовая, кредитная и др.) и отраслевую (аграрная, антимонопольная, банковская, валютная, торгово-промышленная, внешнеторговая и др.) [2, с. 20].

Под реализацией экономической политики подразумевается достижение определенных текущим состоянием государства, политической системой общественно значимых целей. Главными показателями эффективности экономической политики считаются экономический рост и повышение жизненного уровня населения.

Эмпирический анализ

Страны СНГ закрепляют в конституциях центральное звено экономики, основные принципы и пределы вмешательства государства, и только Конституция Республики Армения содержит основные цели государственной политики в сфере экономической деятельности, среди которых повышение уровня деловой среды и стимулирование предпринимательства, жилищного строительства, равномерное территориальное экономическое развитие, содействие занятости населения и активному участию молодежи в экономической жизни страны, защита интересов потребителей, контроль за качеством товаров, услуг и работ, поощрение благотворительности и др. [5, ст. 11, 86]. Установленные Конституцией цели обязаны реализовывать в пределах своих полномочий все органы государственной и местной власти Армении. Для контроля над воплощением в жизнь основных конституционных целей экономической политики правительство страны ежегодно предоставляет информацию об их реализации в рамках доклада Национальному Собранию Армении [5, ст. 87, 156].

Конституция Российской Федерации определяет экономическую основу конституционного

стройка, принципами которой являются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности, равенство всех форм собственности [6, ст. 8]. Конституционная поправка 2020 г. дополнила Конституцию статьей, которая содержит нормы о создании в России условий для устойчивого экономического роста, повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, уважения человека труда, социального партнерства, экономической, политической, социальной солидарности, которые также можно рассматривать в качестве государственных целей социально-экономической политики [6, ст. 75.1].

Содержание экономической политики – это, прежде всего, деятельность государства, которая осуществляется в рамках конституционных экономических принципов.

В первую очередь рыночная экономика стран СНГ основывается на принципе свободы экономической деятельности и ограниченного государственного вмешательства в экономические процессы в целях общего благосостояния и развития общества. Страны СНГ имеют разные подходы к интерпретации данного принципа. Большинство стран, в число которых входит и Российская Федерация, устанавливается безусловная ценность и государственная гарантия свободной экономической деятельности. Конституционный суд РФ установил, что свобода экономической деятельности совместно с другими конституционными экономическими принципами способствует созданию максимально благоприятных условий функционирования экономической системы в целом, что предполагает необходимость стимулирования свободной рыночной экономики, основанной на принципах самоорганизации хозяйственной деятельности предпринимателей, являющихся основными субъектами экономических правоотношений, и принятия государством специальных мер оптимизации государственного регулирования экономических отношений [7].

В других странах допускаются ограничения экономической свободы. Так, Конституция Республики Беларусь предоставляет всем равные права для осуществления разрешенной законом хозяйственной и иной деятельности и гарантирует равные защиту и условия для развития всех форм собственности, а также способствует развитию кооперации [8, ст. 13]. При этом Основной закон страны предусматривает исключительное право государства на осуществление некоторых видов экономической деятельности.

Так, установлена государственная монополия на опробирование и клеймение ювелирных и иных драгоценных изделий, осуществление внешней торговли отдельными видами товаров, деятельности по учреждению и организации лотерей [9, с. 34].

Страны СНГ признают, гарантируют и защищают все формы собственности, поддерживают их баланс в целях достижения общего благосостояния, рационального соотношения интересов собственника и общества в целом. Так, в Конституции Республики Азербайджан указывается, что «ни один вид собственности не превалирует над другим» [10, ст. 29]. Правительства республик осуществляют меры по обеспечению равных условий развития и защиты всех форм собственности. При этом некоторые государства устанавливают ограничение по субъектам права на отдельные виды собственности. В Армении, например, земли не могут находиться в собственности иностранных граждан и лиц без гражданства [5, ст. 60]. Подобные ограничения существуют и в ряде других стран СНГ.

Принцип равноправия форм собственности не распространяется на природные ресурсы. Практика показывает, что рыночная экономика способна развиваться и без установления частной собственности на них. Каждый может свободно пользоваться природными благами, а также владеть ими без предоставления прав собственности, не нанося ущерба окружающей среде, правам и законным интересам граждан. В Беларуси к исключительной собственности государства относятся недра, воды, леса и земли сельскохозяйственного назначения, а также установлена возможность определять законом и иные объекты, которые могут находиться только в государственной собственности [8, ст. 13]. Земли, на которых находятся леса и пастбища, не могут быть переданы в частную или муниципальную собственность в Киргизии [11, ст. 16]. Земля и ее недра, воды, растительный и животный мир и другие природные ресурсы Казахстана также находятся в государственной собственности, в частной собственности может находиться лишь земля на основании и в пределах, установленных законом [12, ст. 6]. Право собственности на землю в Азербайджане может быть ограничено законом в целях обеспечения социальной справедливости и рационального использования [10, ст. 29].

Конституции стран СНГ устанавливают, что собственность не может быть использована для ущемления прав и свобод человека, интересов общества, юридических лиц и государства, не должна причинять ущерб экологической среде. В Азербайджане частная собственность влечет

социальные обязательства [10, ст. 29]. Аналогичный характер собственности устанавливает Основной закон Казахстана и предписывает, что пользование собственностью одновременно должно служить общественному благу [12, ст. 6]. В Армении право собственности может быть ограничено в целях защиты интересов общества, основных прав и свобод человека, приоритетных интересов общества [5, ст. 60].

Республики осуществляют государственную экономическую политику в сфере поддержки конкуренции и предпринимательства. Республика Туркменистан создает условия для развития всех форм экономической деятельности, поощряет и поддерживает предпринимательство, способствует развитию малого и среднего бизнеса [13, ст. 17, 134]. Основной закон Российской Федерации устанавливает право каждого на осуществление свободной предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности и обязанность высшего органа исполнительной власти содействовать развитию предпринимательства и частной инициативы. Конституционный суд РФ также указал на вытекающую из конституционных норм обязанность законодательных органов устанавливать надлежащий правовой механизм регулирования предпринимательской деятельности, а любые ограничения прав собственности и свободы предпринимательской деятельности, свободы договоров должны соответствовать общим правовым принципам и требованиям справедливости, быть соразмерными и адекватными, необходимыми для защиты основных конституционных ценностей, а пределом государственного вмешательства должен быть баланс частного и публичного начал в экономической деятельности [14].

Таким образом, конституции стран СНГ содержат практически одинаковый перечень основ и принципов национальной экономической политики, лишь немного различающихся по содержанию. Однако конституционное регулирование экономической политики также предполагает наличие системы органов власти с установлением их конституционного статуса, целей, четкого разграничения полномочий и методов взаимодействия. В бюджетно-финансовой сфере парламент большинства республик имеет исключительное право утверждать бюджет и отчет о его исполнении, принимать законы о налогах, решения о предоставлении займов и экономической помощи иностранным государствам и международным организациям, а также о получении таких займов. Правительства республик разрабатывают бюджеты, реализуют

и обеспечивают проведение экономической политики, разрабатывают и реализуют программы и планы экономического развития. В странах СНГ созданы иные конституционные органы, осуществляющие и оказывающие содействие в разработке и проведении экономической политики. Органы местного самоуправления реализуют экономическую политику на местах и могут оказывать большое влияние на ее формирование, но их потенциал не используется в достаточной мере.

Формирование экономической политики происходит с утверждения ее основных направлений, которые чаще всего определяются президентом единолично или одним государственным органом (парламентом в Узбекистане и Молдове или правительством в Армении), исключая возможность всесторонней оценки экономической ситуации и участия иных органов власти в формировании национальной экономической политики, в первую очередь органов местной власти.

Для определения основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития в Российской Федерации в 2020 г. создан Государственный Совет, а в Республике Беларусь в 2022 г. закреплен конституционный статус Всебелорусского народного собрания с предоставлением ему широких полномочий. Несмотря на схожие функции и задачи, указанные конституционные органы имеют существенные различия. Всебелорусское народное собрание является представительным органом народовластия страны, который самостоятельно определяет стратегические направления развития общества и государства, утверждает основные направления внутренней и внешней политики, социально-экономические программы [8, ст. 89.1], а Государственный Совет не принимает обязательных для всех органов публичной власти решений и является совещательным органом, созданным для содействия президенту по вопросам обеспечения единой системы органов публичной власти и определения основных направлений политики [6, ст. 83]. Членами Всебелорусского народного собрания являются президент, представители всех ветвей власти, местных советов депутатов и гражданского общества, а состав Государственного Совета определяется Президентом РФ и включает в себя председателей и руководителей федеральных органов государственной власти, руководителей фракций политических партий, полномочных представителей и помощников президента и высших должностных лиц субъектов Российской Федерации [15], что при их действительно активном участии должно пло-

дотворно сказаться на равномерном экономическом развитии страны и учете интересов граждан отдаленных от центра территорий. Заседания Всебелорусского народного собрания проводятся раз в год, а Государственного Совета регулярно, что может способствовать мониторингу реализации экономической политики.

Таким образом, сформированы две новые модели определения основных направлений экономической политики: новым органом представительной демократии и президентом с учетом предложений всех ветвей и уровней власти.

Реализация основных направлений экономической политики не может быть эффективной, если нет согласованности действий всех органов власти, в том числе местного самоуправления. Большинство республик после распада Советского Союза и установления самостоятельной власти на местах сформировали разные модели взаимодействия центральных и местных властей. В первую группу вошли страны, где организации местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, вторую группу составили государства, где местное самоуправление сочетается с властью местных государственных администраций, в третью группу была определена Республика Беларусь, где осуществляются формы централизованного управления, местного управления и самоуправления [16]. Республика Молдова продолжительное время находилась в четвертой группе стран, в которых органы местного самоуправления не были сформированы. Местное публичное управление в республике формировалось длительно и качественно, большая роль уделялась кадровому потенциалу государственных служащих, к которым предъявлялись обязательные требования по наличию образования по специализации, соответствующей должности [17]. На современном этапе местные органы власти в республике включены в систему органов публичной власти, носят название органов местного публичного управления под общим руководством правительства. Отличительной чертой установленной в Республике Молдова системы органов публичной власти является и то, что деятельность государственных служащих, как центральных, так и местных органов публичной власти, регулируется одними и теми же нормативными актами, что способствует укреплению единства системы органов публичной власти. В единую систему исполнительной власти входят и местные исполнительные органы в Республике Казахстан [12, ст. 87].

В России тоже планируется повысить эффективность системы власти за счет закрепле-

ния принципа единства системы центральной и местной публичной власти, определения взаимодействия различных уровней власти и четкого разграничения полномочий между ними. Уже принят закон, регулирующий отношения органов и должностных лиц региональной публичной власти, дорабатывается законопроект об органах местного самоуправления в системе публичной власти. Изменения предполагают рост эффективности органов власти всех уровней за счет четкой централизации власти и установления ответственности должностных лиц, в том числе и за проведение экономической политики на определенной территории, и уже не только в интересах населения, но и в общегосударственных интересах. Следует заметить, что существующая ранее модель организации местного самоуправления в России была одной из самых децентрализованных на постсоветском пространстве и вызывала критику представителей науки [18].

Результаты

Современная экономическая политика в странах СНГ строится на основе стихийного рыночного механизма, а государственные меры, эффективные в одном случае, не обязательно будут результативны в другом. Именно поэтому конституции современных демократических стран не содержат конкретных целей, направлений экономической политики, а главной задачей конституционного регулирования является установление основных ориентиров в виде основ и принципов, а также создание такого механизма формирования и реализации экономической политики, которая способствовала бы достижению высокого и устойчивого уровня экономического роста страны, улучшению благосостояния граждан при максимальной занятости населения.

Анализ конституционных норм позволяет выделить общие проблемы конституционного регулирования экономической политики, которыми являются:

- 1) недостаточная эффективность существующих систем органов власти;
- 2) принятие решения по определению основных направлений экономической политики одним должностным лицом или одним государственным органом (парламентом или правительством);
- 3) отсутствие механизмов обратной связи о ходе реализации направлений экономической политики, о предложениях по их своевременной корректировке от органов, реализующих эту политику на местах.

Недостаточная эффективность системы власти и ранее прослеживалась во всех странах

СНГ, часто практикующих конституционное реформирование с перераспределением полномочий и сфер ответственности органов власти. Сейчас же странам СНГ неизбежно придется укреплять государственную систему не только в целях поддержки экономики, но и в целях удержания власти в условиях нестабильного политического климата внутри страны, вызванного ростом цен. Конституционное реформирование не может моментально и кардинально изменить экономическую ситуацию в стране, а конституционные поправки носят долговременный, поступательный характер, поэтому так важно до наступления негативных последствий модернизировать систему формирования и реализации экономической политики.

На данный момент отчетливо виден курс конституционных изменений внутренней экономической политики Республики Беларусь с передачей полномочий и ответственности коллегиальному органу. Россия, претендующая занять одно из центральных мест в мире, формирует собственные правила построения внешнеэкономических отношений, ответственно подходит к всестороннему рассмотрению и определению направлений внутренней и внешней экономической политики, укрепляет вертикаль власти в целях эффективной реализации национальной политики, мониторинга и оперативного регулирования экономических процессов в стране. Система органов власти и местного самоуправления постоянно трансформируется каждой республикой. Тем не менее указанные выше проблемы в разной степени присутствуют в каждом государстве.

В формировании направлений и целей экономической политики как составной части национальной политики должны участвовать представители всех ветвей и уровней власти. Для этого в странах могут быть созданы специальные органы по примеру Российской Федерации и Республики Беларусь или установлены собственные модели государственного органа, способного взять на себя функции по выработке или помощи в определении основных направлений экономической политики, а также обеспечить мониторинг ее реализации на всех территориях страны.

В целях эффективного взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления требуется координация их деятельности. Президенты республик как гаранты конституции, единства народа и власти должны обеспечивать согласованное функционирование всех уровней власти, но в некоторых странах выполнение данного полномочия главами государств невозможно в силу принадлежности к исполнительной ветви власти (Азербайджан,

Туркменистан, Кыргызстан, Таджикистан). Создание центрального конституционного органа, наделенного полномочиями по обеспечению согласованного функционирования органов публичной власти, способно решить эту проблему.

В России в связи с федеративной формой государственного устройства, обширным государственным аппаратом и проведением реформы системы публичной власти Государственный Совет был наделен полномочиями по содействию президенту в вопросах обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти. Таким образом, на Государственный Совет были возложены сразу две ответственные задачи: помощь в формировании механизмов согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти и содействие по вопросам определения направлений и целей экономической политики [19, ст. 5]. В целях выполнения этих и иных задач президентом формируются комиссии по направлениям экономической политики, среди которых финансы, инвестиции, промышленность, энергетика, сельское хозяйство, строительство, малое и среднее предпринимательство и др. [20]. Возглавляют данные комиссии высшие должностные лица субъектов РФ во взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти. Так, субъекты Федерации получают возможность непосредственного участия в формировании внутренней политики страны, а их главы интегрируются в единую систему публичной власти, консолидируют усилия на решении общегосударственных задач. Вместе с тем федеральный закон, определяющий статус Государственного Совета, не устанавливает сроки замещения должностей председателями комиссий и порядок их сменяемости, оставляя за пределами интеграции региональных властей большинство субъектов РФ. Государственный Совет с его задачами и функциями для нашей страны новый орган, и на данном этапе своего развития его деятельность регламентируется указами Президента РФ, возможно, в дальнейшем, при эффективном функционировании, конституционный орган станет более самостоятельным или даже приобретет форму высшего органа народовластия.

Список литературы

1. О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2016 № 48 (ред. от 11.06.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Рыбаков Ф. Ф. Экономическая политика : сущность и эволюция взглядов // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. 2011. № 34 (127). С. 17–20.
3. Рогатенюк Э. В. Финансовая политика государства : сущность, направления и виды // Научный вестник : финансы, банки, инвестиции. 2009. № 1 (2). С. 40–44.
4. Комкова Г. Н. Правовая политика России по обеспечению экономической стабильности в свете глобализации // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 15–24.
5. Конституция Республики Армения (принята 05.07.1995) (в ред. от 22.06.2020). URL: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (дата обращения: 15.01.2022).
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 31, ст. 4398 ; 2020. № 11, ст. 1416.
7. По делу о проверке конституционности положений пунктов 2 и 4 статьи 12, статей 22.1 и 23.1 Закона РСФСР «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках» и статей 23, 27 и 51 Федерального закона «О защите конкуренции» в связи с жалобами ОАО «Газэнергосеть» и ОАО «Нижнекамскнефтехим»: постановление Конституционного Суда РФ от 24.06.2009 № 11-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Конституция Республики Беларусь (принята 15.03.1994) (ред. от 12.10.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30404260 (дата обращения: 22.01.2022).
9. Сидорчук В. К. Хозяйственное право Республики Беларусь : курс лекций. Минск : БГУ, 2011. 620 с.
10. Конституция Республики Азербайджан (принята 12.11.1995) (ред. от 25.07.2016). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420395 (дата обращения: 26.01.2022).
11. Конституция Республики Киргизстан (принята 11.04.2021). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174 (дата обращения: 26.01.2022).
12. Конституция Республики Казахстан (принята 30.08.1995) (ред. от 23.03.2019). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1 (дата обращения: 26.01.2022).
13. Конституция Республики Туркменистан (принята 18.05.1992) (ред. от 25.09.2020). URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337929 (дата обращения: 30.01.2022).
14. По делу о проверке конституционных положений пункта 4 части 1 статьи 16 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» в связи с жалобой муниципального образования – городского округа «Город Чита» : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.03.2011 № 2-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
15. Об утверждении состава Государственного Совета Российской Федерации : указ Президента РФ от 21.12.2020 г. № 799 (ред. от 15.11.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Чихладзе Л. Т. Особенности организации местного самоуправления и местного управления в государствах-участниках СНГ на современном этапе // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 2. С. 92–96.
17. Балан О., Сымбоत्याну А., Гучак И., Горюк С., Дульский И., Палихович С., Попович А., Тофан Т., Цепордей А. Эволюция государственного управления в странах постсоветского пространства. Республика Молдова // Государственная служба. 2020. Т. 22, № 6. С. 78–113. <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-6-78-113>
18. Кадрина Н. А. Публичная власть в современной российской государственности // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 92–96. [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)3-17](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)3-17)
19. О Государственном Совете Российской Федерации : федер. закон от 08.12.2020 № 394-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Вопросы Государственного Совета Российской Федерации» (вместе с «Положением о рабочих органах Государственного Совета Российской Федерации и Секретаре Государственного Совета Российской Федерации» : указ Президента РФ от 21.12.2020 № 800 (ред. от 15.11.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

References

1. On the practice of application of legislation, regulating the specifics of criminal liability for crimes in the sphere of entrepreneurial and other economic activity, by courts. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation no. 48 of 15.11.2016 (an edition of 11.06.2020). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
2. Rybakov F. F. Economic policy: The essence and evolution of views. *Natsional'nye interesy: priorityty i bezopasnost'* [National Interests: Priorities and Security], 2011, no. 34 (127), pp. 17–20 (in Russian).
3. Rogatenyuk E. V. Financial policy of the state: essence, directions and types. *Nauchnyy vestnik: finansy, banki, investitsii* [Scientific Bulletin: Finance, Banks, Investments], 2009, no. № 1 (2), pp. 40–44 (in Russian).
4. Komkova G. N. Legal policy of Russia on ensuring economic stability in the light of globalization. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'*, 2020, no. 2, pp. 15–24 (in Russian).
5. *Constitution of the Republic of Armenia (adopted on 05.07.1995) (an edition of 22.06.2020)*. Available at: <http://www.parliament.am/parliament.php?id=constitution&lang=rus> (accessed 15 January 2022) (in Russian).
6. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the popular vote of 12.12.1993) (amended by Federal

- Constitutional Law 6-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 7-FKZ of 30.12.2008, Federal Constitutional Law 2-FKZ of 05.02.2014, Federal Constitutional Law 11-FKZ of 21.07.2014, Federal Constitutional Law 1-FKZ of 14.03.2020). *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collection of Laws of the Russian Federation], 2014, no. 31, art. 4398; 2020, no. 11, art. 1416 (in Russian).
7. In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraphs 2 and 4 of Article 12, Articles 22.1 and 23.1 of the Law of the RSFSR "On Competition and Restriction of Monopolistic Activity in Commodity Markets" and Articles 23, 27 and 51 of the Federal Law "On Protection of Competition" in connection with the complaints of OAO Gazenergoset and OAO Nizhnekamskneftekhim. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 11-P of 24.06.2009. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 8. *The Constitution of the Republic of Belarus (adopted on 15.03.1994) (an edition of 12.10.2021)*. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30404260 (accessed 22 January 2022) (in Russian).
 9. Sidorchuk V. K. *Khozyaystvennoe pravo Respubliki Belarus': kurs lektsiy* [Economic Law of the Republic of Belarus: A course of Lectures]. Minsk, BSU Publ., 2011. 620 p. (in Russian).
 10. *The Constitution of the Republic of Azerbaijan (adopted on 12.11.1995) (an edition of 25.07.2016)*. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30420395 (accessed 26 January 2022) (in Russian).
 11. *The Constitution of the Republic of Kyrgyzstan (adopted on 11.04.2021)*. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=34355174 (accessed 26 January 2022) (in Russian).
 12. *The Constitution of the Republic of Kazakhstan (adopted on 30.08.1995) (an edition of 23.03.2019)*. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1005029&mode=p&page=1 (accessed 26 January 2022) (in Russian).
 13. *The Constitution of the Republic of Turkmenistan (adopted on 18.05.1992) (an edition of 25.09.2020)*. Available at: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31337929 (accessed 30 January 2022) (in Russian).
 14. In the case of checking the constitutional provisions of paragraph 4 of Part 1 of Article 16 of the Federal Law "On the General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" in connection with the complaint of the municipality – urban district "City of Chita". Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation no. 2-P of 29.03.2011. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 15. On approval of the composition of the State Council of the Russian Federation. Decree of the President of the Russian Federation no. 799 of 21.12.2020 (an edition of 15.11.2021). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 16. Chihladze L. T. Features of the organization of local self-government and local governance in the CIS member states at the present stage. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2013, no. 2, pp. 92–96 (in Russian).
 17. Balan O., Symboteanu A., Guceac I., Goryuk S., Dulsky I., Palikhovich S., Popovich A., Tofan T., Tsepordei A. Evolution of public administration in the post-Soviet countries. The Republic of Moldova. *Gosudarstvennaya sluzhba* [Public Administration], 2020, vol. 22, no. 6, pp. 78–113 (in Russian). <https://doi.org/10.22394/2070-8378-2020-22-6-78-113>
 18. Kadrina N. A. Public authority in the modern Russian statehood. *Izvestiya of Altai State University*, 2016, no. 3 (91), pp. 92–96 (in Russian). [https://doi.org/10.14258/izvasu\(2016\)3-17](https://doi.org/10.14258/izvasu(2016)3-17)
 19. On the State Council of the Russian Federation. Federal Law 394-FZ of 08.12.2020. *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).
 20. Questions of the State Council of the Russian Federation (together with the "Regulations on the Working Bodies of the State Council of the Russian Federation and the Secretary of the State Council of the Russian Federation"). Decree of the President of the Russian Federation no. 800 of 21.12.2020 (an edition of 15.11.2021). *ATP «Consultant»* [electronic resource] (in Russian).

Поступила в редакцию 24.03.2022; одобрена после рецензирования 13.05.2022; принята к публикации 16.05.2022
The article was submitted 24.03.2022; approved after reviewing 13.05.2022; accepted for publication 16.05.2022